

Дафна
Замок Дор
Дю Морье

Annotation

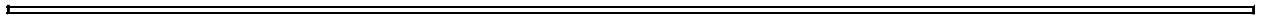
Волшебное, невыразимо прекрасное воссоздание легенды о Тристане и Изольде, но уже в обстановке Корнуолла девятнадцатого века.

- [Артур Квиглер-Кауч, Дафна дю Морье](#)
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  -
  - [Книга первая](#)
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [ГЛАВА 1 Торговец луком](#)
    - [ГЛАВА 2 Нотариус Ледрю](#)
    - [ГЛАВА 3 Май и ноябрь](#)
    - [ГЛАВА 4 Река Трой и Замок Дор](#)
    - [ГЛАВА 5 Несчастный случай](#)
    - [ГЛАВА 6 Рожденный в рубашке](#)
    - [ГЛАВА 7 Доктор Карфэкс и дискуссия за ланчем](#)
    - [ГЛАВА 8 Предписания доктора Карфэкса](#)
    - [ГЛАВА 9 Лантиэн](#)
    - [ГЛАВА 10 Зелье без яблочных зернышек](#)
  - [Книга вторая](#)
    - [ГЛАВА 11 Воз с сеном](#)
    - [ГЛАВА 12 «Освежите меня яблоками...»](#)
    - [ГЛАВА 13 Вмешательство миссис Бозанко](#)
    - [ГЛАВА 14 Тайное свидание в Замке Дор и его последствия](#)
    - [ГЛАВА 15 Два посетителя в «Розе и якоре»](#)
    - [ГЛАВА 16 Награды и феи](#)
    - [ГЛАВА 17 Доктору Карфэксу помешали](#)
    - [ГЛАВА 18 Любовный дуэт](#)
    - [ГЛАВА 19 Столкновение в Пенквайте](#)
    - [ГЛАВА 20 Громы и молнии в Замке Дор](#)
    - [ГЛАВА 21 «Косматого Ургана я убил...»](#)
  - [Книга третья](#)
    - [ГЛАВА 22 «... Не убить бессмертную любовь»](#)
    - [ГЛАВА 23 Мэри находит рыцаря, а мистер Трежантиль пьет чай в Лантиэне](#)
    - [ГЛАВА 24 Заговор и контрзаговор](#)

- [ГЛАВА 25 Замок ан-Динас](#)
  - [ГЛАВА 26 Доктор Карфэкс выступает](#)
  - [ГЛАВА 27 «Давайте же ее перехитрим...»](#)
  - [ГЛАВА 28 «Индийская королева»](#)
  - [ГЛАВА 29 «...Лишь зелье мне покоя не дает»](#)
  - [ГЛАВА 30 «...Тогда умру я от любви к тебе»](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

Артур Квиллер-Кауч, Дафна дю Морье
Замок Дор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для меня «Замок Дор» — двойное открытие. Это не только роман, написанный, точнее, частично написанный Дафной Дю Морье, который я прежде не читала, но еще и роман, начатый и доведенный до половины героем моей юности, писателем и критиком сэром Артуром Квиллер-Каучем. Когда в сороковые годы я училась в школе, К. (так обычно называли этого великого человека) вдохновлял меня на чтение — и, надеюсь, на понимание — лучших произведений английской литературы. У меня все еще хранятся его великолепные литературоведческие очерки — три старых томика с пожелтевшими страницами, по сей день самый лучший из всех известных мне путеводителей по литературе. В предисловии к самому раннему из этих томов, впервые опубликованному в 1918 году и с тех пор много раз переиздававшемуся, сэр Артур с изумительной ясностью излагает свою позицию: «Прежде чем начать устанавливать принципы литературы или эстетики, человек должен предоставить какие-либо доказательства своей способности наслаждаться лучшим и сторониться худшего».

И в качестве примера (он всегда дает примеры): «Под поэзией я подразумеваю на этих страницах то, что было написано Гомером, Данте, Шекспиром и некоторыми другими».

Тот факт, что этот большой ученый, суждения которого всегда тонки и глубоки, хотя порой и суровы, занялся удивительно романтическим переложением старой корнуэльской легенды о знаменитой паре трагических любовников, Тристане и королеве Изольде, интригует уже сам по себе. Но еще более пленительно то, что Дафна Дю Морье, которую дочь К. через длительное время после смерти отца попросила закончить этот роман, написанный им «где-то до середины, почти до конца главы», выполнила эту просьбу столь мастерски, что невозможно догадаться, с какого места она начала. Дафна Дю Морье замечает, что «не могла имитировать стиль К.... это значило бы грабить мертвых». Однако она знала его, когда была ребенком, помнила как радушного хозяина на многих воскресных ужинах и, «восстанавливая в памяти давно забытые разговоры», могла воссоздать образ этого человека и проникнуться его настроением.

Ей это удалось в высшей степени. К. перенес древнюю легенду в Корнуолл начала 1840-х годов, в район реки Фоуи, который он любил и

хорошо знал. Тристан из легенды стал Амиотом Тристаном, бретонским торговцем луком с маленькой шхуны «Жоли бриз», которая курсирует вдоль побережья Бретани и регулярно заходит в Корнуолл, доставляя туда клубнику, абрикосы, лук и известь — на нее был большой спрос в корнуэльских гончарных мастерских, так как печи для обжига, которые пылали когда-то на берегу каждой бухты, были к тому времени заброшены. Шкипер «Жоли бриз» — чудовище, злобный пьяница, и Амиот сбегает с судна, чтобы избавиться от его садистской жестокости. После того как он спасает Линнет Льюорн, находившуюся в экипаже, когда лошади понесли, Амиот влюбляется в нее. Эта красивая молодая женщина совсем недавно вышла замуж за Марка Льюорна, хозяина гостиницы «Роза и якорь» в Трое. Марк, сварливый старик, который сходит с ума от ревности, до безумия любит свою молодую жену. Таким образом, сцена для действия готова.

У этих обреченных влюбленных бывают минуты, когда у кого-то из них появляется странное чувство, будто ими движет нечто мощное и древнее, какая-то сила, связывающая их с прошлым и направляющая на тот же трагический путь, который прошла легендарная пара, что жила и умерла много веков назад. Центральная фигура в их истории — некий доктор Карфэкс, вокруг которого, вероятно по замыслу К., должны были закручиваться все события, а он бы ими управлял, — как считает Дафна Дю Морье. Для нее это самый симпатичный и четко выписанный персонаж в романе, начинающемся с того, что этот местный доктор однажды ночью на земляном валу Замка Дор ждет, когда начнутся роды у жены кузнеца, и размышляет над тайнами земли, которая, быть может, «больше не создаст подобный цветок и все же не в силах будет позабыть его и воздержаться от попытки снова дать ростки». Доктор Карфэкс присутствует на протяжении всей истории, объясняя, скрепляя ее, и в конце романа он все еще здесь — старик, размышляющий над тайнами любви и грезящий об одной из «самых печальных историй любви в мире».

Существует много вариантов легенды о Тристане и Изольде, и Дафна Дю Морье говорила, что прочла все, какие только смогла отыскать, прежде чем взялась завершить роман, и обнаружила противоречия и путаницу, с которыми ей пришлось разобраться, дабы удовлетворить свое собственное «чувство порядка». В незавершенной части романа К. земляной вал Замка Дор, где согласно легенде у короля Марка, мужа королевы Изольды, был замок, стал Лантиэном, фермой, принадлежащей Бозанко, местному фермеру, у которого Амиот находит пристанище и работу. Хотя Бозанко, его жена и двое детей не играют никакой роли в первоначальной истории,

между старинным повествованием о Тристане и Изольде и романом много связующих нитей. У К. Линнет ухитряется упасть с воза с сеном на руки Амиоту, а когда ревнивый муж обвиняет ее в неверности, она смеется над ним, говоря, что вряд ли может утверждать, будто ее не касался другой мужчина, поскольку простой работник с фермы, Амиот, только что спас ей жизнь. За несколько столетий до этого королева Изольда дала похожий ответ королю Марку, после того как ей помог спуститься на берег Тристан, переодетый прокаженным, и она упала вместе с ним, в его объятиях, на причал. Несколько более сложная аналогия проводится между случайной смертью Тристана от отравленного копья друга и смертью Амиота после того, как он неправильно понял попытки доктора Карфэкса спасти его из заброшенной шахты и порезался складным ножом доктора, который только что использовали, чтобы вынуть камешек из копыта лошади. В 1840 году не было антибиотиков, напоминает нам Карфэкс, сокрушаясь над этим ужасным несчастным случаем.

Дафну Дю Морье часто — причем автоматически — причисляют к «романтическим романистам». Сэр Артур Квиллер-Кауч прежде всего ученый. В первую свою книгу о литературе он включает эссе о терминах «классический» и «романтический». Он считает эти ярлыки, которые часто приклеивают к великим поэтам, романистам, драматургам, бессмысленными и выступает против того, чтобы литературу рассматривали так, будто ее можно изучать, разделив на изолированные отсеки с абстрактными заголовками: «влияния», «тенденции», «-измы». Он утверждает — как мне думается, правильно, — что романы, пьесы, стихотворения пишутся благодаря редкому дару, с которым их авторы были рождены и который они оттачивали годами. «Шекспир, Мильтон, Шелли не писали „классицизм“ или „романтизм“. Они писали „Гамлета“, „Лисидаса“, [\[1\]](#) „Ченчи“ [\[2\]](#)».

Этот чрезвычайно сложный, но в высшей степени увлекательный роман — пленительная история о любви и смерти, удивительным образом связывающая два далеких друг от друга века, история, написанная двумя очень разными, но очень талантливыми писателями.

Нина Боден

2003

*Мой отец намеревался посвятить эту книгу
мистеру и миссис Санто из Лантиэна.*

$\Phi. \Phi. K.-K.$

Книга первая

*Ты, и я, и Амиас,
Амиас, и ты, и я
Лес зеленый, увы, кличет нас.
Ты и я, жизнь моя, и Амиас.*

Уильям Корнуэльский

ПРОЛОГ

Много лет тому назад, в начале 1840-х годов, в удивительно ясную октябрьскую ночь некий доктор Карфэкс стоял в дозоре с телескопом на земляном валу Замка Дор в Корнуолле. Его вызвали в кузницу, находившуюся поблизости отсюда, на перекрестке дорог. У жены кузнеца начались роды. Когда доктор прибыл туда, то обнаружил, что все идет должным образом. А поскольку он считал, что не следует вмешиваться в естественный ход событий, то оставил свою сумку на стуле в кухне и зашагал прочь по росистому лугу, наказав опытной повивальной бабке призвать его, когда возникнет необходимость. Пробыв некоторое время на валу, который от кузницы отделяло лишь одно поле, доктор, привычный к таким ночным бдениям, прошел, как обычно, через три стадии ощущений и достиг четвертой, неизведанной и самой волшебной.

Вначале он почувствовал отчужденность. Это ощущение, каким бы царственным оно ни казалось, посещает любого человека, даже с воображением очень средним, когда он стоит на вершине горы под звездами. Эту корону может примерить каждый из нас, и мы начинаем с презрением взирать на нашу планету, а заботы и волнения всех людей, населяющих ее, кажутся нам всего лишь мельтешением мошек под веткой дерева, покрывшейся летней листвой. Однако в подобном настроении есть свой изъян: будучи людьми, мы принадлежим земле; принадлежа земле, мы, подобно Архимеду, должны на чем-то стоять; но где бы мы ни стояли, при игре в астрономов приходится соблюдать условия игры, а именно: мы не можем замечать, что там копошится у нас под ногами.

Игнорируя эти соображения, доктор Карфэкс, все еще сосредоточенный на небесном своде, где над равниной моря Сириус сверкал, как кремьень, Альдебаран походил на рубин, а Плеяды справа от него висели, как паутинка из лунных лучей, перешел ко второй стадии, также ему знакомой. Он созерцал огромный купол, который неуклонно вращался, а наша Земля (и он вместе с ней) с невероятной скоростью кувыркалась под этим звездным куполом.

И это вернуло его на землю (ибо хотя доктор и был наделен богатым воображением, он не был лишен здравого смысла): он увидел вокруг себя огромное количество темных ягод куманики, а также мириады маленьких листочков тимьяна; под ними спали бесчисленные насекомые, которые пробудятся следующим летом и наполнят воздух и все поле жужжанием.

Внезапно наш мир снова сделался огромным — округлый мир с изогнутыми возвышенностями, которые спускались к более плавному изгибу моря. Само море...

...Великое море.

Крепкий корабль у ворот своего господина,

Море лежало и, как пьяный великан, рыдало во сне.

Нет — Море и Земля были великаном и великаншей, лежавшими в изнеможении после могучих объятий. И доктору — теперь превратившемуся из наблюдателя в слушателя — казалось, что в то время, как великан громко храпит, его подруге не спится. Ее грудь бурно вздымается от неясной тревоги, которой нет названия; и эта тайна предназначена для *него* и касается мужчин и женщин именно в этом краю — здесь, где он стоит. Однако она не имела отношения — столь важна была эта тайна — к тем людям, которые спали в своих домиках в долине, а также к тому, что происходило сейчас в доме при кузнице на перекрестке дорог, а также к тем, кто, быть может, бодрствовал сейчас, вспоминая об утрате и уносясь мыслями к церковному погосту средь холмов. Он хорошо знал этих людей — да и кому как не доктору знать их.

Нет, и опять не то. Это самое древнее окружье Замка Дор, заброшенное и поросшее куманикой, — сосок огромной вздымающейся груди, жаждущей облегчить душу.

День медленно угасал, прикрывая ставнем пространство и распахивая другой ставень — за которым время. Ведь с этого земляного укрепления открывается с одной стороны вид на бухту, а с другой — на глубокую реку в долине. Из этой бухты несколько столетий назад Цезарь *soi-disant*^[3] отправился со своими кораблями завоевывать Рим. А в поле, отлого спускающемся от земляной насыпи, армия Парламента сдалась королю Карлу I во время его последней кампании на западе. Вон там, за изгородью, стояла карета короля, и он спал в ней в ночь накануне капитуляции. А в долине, за рекой, слышались выкрики: там гуляло войско.

Но эти воспоминания растаяли вместе с туманом в долине и рассеялись по лесам, нивам и пастбищам. Доктор знал, что не ради этих тайн он вслушивается в тишину, и не ради простенькой повести о распрях, феодальной вражде и тяжбах, из-за которых дробились поля там, внизу, или меняли направление тропинки прихода. Вся Англия — палимпсест подобных историй, на ней остались следы любви и ненависти; здесь под

ореховыми деревьями рождались дети, совершались предательства, звучали мольбы и угрозы. Но все же это было не то. А тайна была здесь — да, здесь, совсем рядом... В лесу ухнула сова. Птица конек, усевшись на камень, возвестила наступление дня. Через минуту при неярком утреннем свете показался кузнец, спешивший через луг. Запыхавшись, он сообщил, что все хорошо, но необходимо присутствие врача. Доктор Карфэкс сложил телескоп и в задумчивости направился к кузнице. Слово, которое вот-вот могло сорваться с уст, так и не было произнесено.

ГЛАВА 1 *Торговец луком*

— Амиот!

Это непонятное слово было произнесено звучным голосом иностранца; однако не так, как его произнесли бы французы: на конце резко прозвучал звук «т», словно задели струну лютни. Засим последовал вздох. Слово и вздох, казалось, растаяли в старом зеркале, перед которым любовалась собой миссис Льюорн.

Она обернулась. Кто-то говорил в комнате, совсем рядом с ней. Ее служанка Дебора?

Но на пороге не оказалось никакой Деборы. Миссис Льюорн сразу же сообразила: старое зеркало, хоть и потускневшее, все же отразило бы того, кто там стоял. В треугольной спальне, стены которой были обшиты панелями, пахло затхлостью — спальней давно не пользовались; солнечный свет, отражавшийся от побеленного дома, стоявшего напротив, по другую сторону узкой улицы, пробивался сюда как бы украдкой. Полчаса назад Линнет Льюорн раздвинула портьеры и открыла окно, вознамерившись предаться изучению своего облика в зеркале — вполне простительное занятие, учитывая, что она была всего лишь год как замужем. Став хозяйкой этого дома, гостиницы «Роза и якорь», которая пользовалась доброй славой. Ее старый муж, которому принадлежала эта гостиница, по-своему боготворил жену. Она, как говаривали в округе, «очень даже неплохо устроилась». Девичья фамилия Линнет была Константайн; ее отец в прошлом был кузнецом и лет девятнадцать тому назад владел кузницей и домиком, расположенными высоко на холме, возле Замка Дор.

Если чело Линнет и затуманила легкая тень недовольства, когда она раздвигала портьеры, то это можно объяснить отвращением юности к спертому воздуху в старой спальне. Но теперь от досады не осталось и следа: она делала то шагок назад, то полшага на цыпочках вперед, вертясь перед зеркалом, которое алчно, как скупец, удерживало ее отражение.

Дело в том, что муж подарил ей платье, которое Линнет выбрала по своему вкусу, — они должны были отправиться на скачки в Замок Дор. Платье было из муслина бледно-зеленого цвета, с рисунком из бутонов роз. Ее шляпа идеально подходила к новому платью — широкополая шляпа с бледно-зелеными лентами, которые завязывались под подбородком. И зонтик от солнца тоже удачно сочетался с нарядом. Она наполовину

раскрыла его, чтобы удостовериться в этом, но вовремя вспомнила, что раскрывать зонтик в комнате — дурная примета.

— Амиот!

Теперь сюда примешался и голос Деборы. Какая досада, что этот иностранный джентльмен выбрал именно день скачек в Замке Дор! Весь вчерашний день они с Деборой скребли и чистили, проветривали постельное белье, натирали старый неровный пол, орудуя мягкими щетками и используя пчелиный воск. Подойдя к окну, Линнет услышала раздраженный голос Деборы — сейчас он доносился из-за угла дома:

— Два шиллинга! Да это просто грабеж!

— Plaît-il?^[4]

И тут Линнет догадалась, в чем дело. В это время года прибывали шхуны из Бретани, и юнг посылали на берег продавать связки лука, по цене, которая превышала стоимость лука в лавке по соседству. Точно так же было в сентябре прошлого года — именно в тот месяц она приступила к ведению домашнего хозяйства.

Впоследствии Линнет никогда не могла объяснить, почему она так быстро отвернулась от зеркала и проскользнула мимо двери большого зала, где звенели стаканы и ее старый муж выкрикивал: «Ату!», рассказывая компании какую-то охотничью байку. Она немного задержалась у двери, ибо, как хорошая жена, хотела удостовериться, что ее муж не хватил лишку, а затем спустилась по лестнице.

Линнет примерно представляла себе, что увидит за порогом дома, — городскую площадь, опустевшую, как всегда, в обеденное время; сегодня она была даже более безлюдной, чем всегда: народ потянулся на холм, где обычно проводились скачки. Фермеры и охотники, которые сейчас допивали бренди и докуривали сигары в зале «Розы и якоря», вскоре сядут в свои экипажи и отправятся на скачки, проезжая между зелеными живыми изгородями и попыхивая трубками, набитыми скверным табаком. Через какое-то время за ними последует и Линнет, сидя в ландо рядом со своим мужем, который обожал хвастаться женой. Ее имя значилось на афишах скачек: она должна была вручить кубок стоимостью в двадцать гиней победителю в скачках с препятствиями. Линнет два-три раза прорепетировала перед старым зеркалом жест, которым она будет награждать победителя.

Спустившись по лестнице, она вышла на крыльцо. На ступеньке руки в боки стояла Дебора и распекала молодого человека в залатанной синей матросской рубаше и штанах, пестревших заплатами. Штаны были слишком коротки, так что видны были голые лодыжки. На голове у него был берет,

на ногах — деревянные сабо, за спиной — шест, на котором болталось пять-шесть связок лука.

— Нечестивец! Ступай-ка попроси два шиллинга у Папы Римского — нет, эй ты, вернись!

Торговец луком повернулся, собираясь уходить, как раз в тот момент, когда на пороге появилась миссис Льюорн. При внезапном окрике Деборы он медленно обернулся. Это был поразительно красивый парень с угрюмым выражением лица. У него были чудесные карие глаза, кожа сильно обветрилась от непогоды.

Ринувшись к нему, Дебора повернула его кругом.

— Посмотрите-ка, госпожа!

— О, какая жестокость!

На спине у молодого человека виднелось большое красное пятно, оно начиналось над лопатками и приходилось как раз под шестом с луком, рубаха в этом месте пропиталась кровью.

— Кто это сделал?

— Где ваш корабль?

— И вообще, как тебя зовут? — осведомилась Дебора.

— Амиот.

— Вот глупая! — вмешалась миссис Льюорн. — Он же тебе сказал это каких-нибудь пять минут назад!

— Сказал мне? Да я первый раз слышу! — возмутилась Дебора.

Миссис Льюорн стояла в смущении, положив руку на перила крыльца. У нее было странное ощущение, как будто что-то прорвалось из прошлого, дабы сплестись с тем, что произойдет сию минуту. Казалось, вся площадь притихла, словно вымерла.

— Амиот, — повторил торговец луком. — Амиот Тристан. — С минуту он размышлял над их вопросами, затем добавил на своем ломаном языке: — Со шхуны «Жоли бриз», из Бреста. Mais tenez, mesdames, le patron!^[5]

Гигантского роста мужчина нетвердой походкой вышел из бара, где дремал после выпивки. Он остановился, чтобы вытереть рот, потом взгляд его упал на торговца луком.

— Petit cochon! — взревел великан. — Pas un chapelet vendu! Attends seulement!^[6] — И он разразился потоком французских и бретонских ругательств.

Линнет немного понимала по-французски, но бретонский был ей неведом. Она резко повернулась к этому человеку:

— Весь его лук продан, я купила все связки. Но не вы ли сделали *это*? — Она указала пальцем, в то время как Дебора снова повернула молодого человека к ним спиной. — Если это так, то вы скотина!

Великан снисходительно улыбнулся, давая понять, что знает женщин.

— Эти парни, мадам, ленивые свиньи — все как один. Они понимают только кнут, иначе их ничему не научишь.

Раздался хриплый кашель, и из-за спины великана выглянул муж Линнет, Марк Льюворт, владелец «Розы и якоря». Ему было лет шестьдесят.

— Что тут происходит? — спросил он резким голосом. Тон у него был недовольный и не терпящий возражений. Увидев свою жену, он сразу же перестал замечать что бы то ни было. — Что тут происходит? — повторил он еще более резко. — Моя дорогая, разве я не просил вас совершенно определенно прийти и раздать сигары?

— А разве Дебора не раздала сигары?

— Это совсем не то. И я хотел, чтобы потом вы присели и отхлебнули глоточек из моего стакана. Рядом с моим местом было поставлено кресло. Это ваше платье — я заплатил за него кругленькую сумму. Что мое — то мое, не так ли? — обратился он к бретонскому шкиперу.

— Да еще если это такая прелесть, — согласился великан-людоед, отворачиваясь от него, чтобы окинуть плотоядным взглядом двух женщин.

Хотя миссис Льюворт старалась не смотреть на Дебору, следующие ее слова были обращены именно к ней:

— Я купила этот лук. Забери у него эти связки.

Шкипер, пошатываясь, сделал шаг вперед — возможно, чтобы помочь, в то время как Линнет полезла в карман юбки за кошельком.

— По два шиллинга за связку? — спросил шкипер у хозяина гостиницы, чтобы удостовериться.

Но в тот самый момент, как Дебора сняла связки с шеста, торговец луком поднял его над головой и, размахивая им, бросился к великану, как будто собирался разmozжить ему голову. Дебора взвизгнула. Линнет затаила дыхание. Великан сделал шаг назад. Руки у него болтались, как у гориллы. Но тут эта сцена была прервана. Послышались шаги кутил, которые гурьбой скатывались по лестнице со второго этажа, и почти одновременно властный голос приказал:

— Прекратите! Какого черта!.. — А затем: — Halte-la!^[7]

ГЛАВА 2 *Нотариус Ледрю*

Сидевший в ландо чуть вздрогнул и открыл глаза — словно пробудился от сна. Совершенно невероятно, что он мог задремать во время этого крутого спуска в Трой, — ведь известно, что неместные бывают при этом до смерти напуганы.

На нем был черный дорожный плащ. Черная бархатная шляпа с очень большими полями прикрывала его седые волосы. Она съехала на глаза незнакомцу, и когда рукой в черной перчатке он водворил шляпу на место, Линнет показалось, что это самый старый человек, какого ей вообще приходилось видеть, неправдоподобно старый: все его выбритое лицо было в морщинах; и в то же время (как решила она минуту спустя) удивительно молодой для своего возраста, ибо цвет его лица напоминал слоновую кость, а кожа, почти прозрачная, словно светилась внутренним светом.

Как правило, все старое заставляло Линнет содрогаться — во всяком случае, в последнее время. Но лицо этого старика не произвело на нее отталкивающего впечатления, скорее, оно вызвало любопытство.

Линнет была наблюдательна. «Это джентльмен», — сказала она себе, когда Дебора приблизилась к экипажу, чтобы открыть дверцу.

Гость был не менее наблюдателен. Его взгляд на мгновение задержался на Линнет, затем выделил из группы на крыльце ее мужа.

— Месье — хозяин, если не ошибаюсь? Простите, но мне кажется, что, добравшись до порога вашего дома, я снова оказался в своей родной стране. — Он превосходно говорил по-английски, почти без акцента. Незнакомец перевел взгляд с торговца луком на шкипера и обратился к последнему довольно мягким тоном: — Друг мой, наши встречи прямо-таки предопределены. Последняя, если мне не изменяет память, состоялась в Ландерно, когда епископ вынужден был прервать раздачу индульгенций, поскольку вы на ярмарке жестоко избивали осла.

— Так как я — честный человек, господин нотариус...

— Каковым вы, несомненно, не являетесь, — перебил его незнакомец, отряхивая свою шляпу от пыли. — Насколько я помню, вы, Фугеро, два года тому назад покинули Кимпе и открыли кабаре в Пон-л'Аббе. Кража домашней птицы, не так ли? А я имел удовольствие выступать в качестве обвинителя. Впоследствии вы купили судно в Локтюди. Полагаю, вы также меня помните?

— Помню, месье Ледрю. Ну конечно...

— Ну вот, он меня уже и представляет. — Повернувшись к хозяину гостиницы, незнакомец обратился к нему: — Да, моя фамилия Ледрю, я нотариус из Кимпе. А комната для меня, несомненно, готова, судя по тому, что ваш экипаж поджидал меня на железнодорожной станции в Лостуителе, — добавил он. Подняв голову, он прислушался к громовому хохоту, внезапно донесшемуся из бара на верхнем этаже, и добавил: — У вас тут собралась несколько большая компания, нежели я ожидал.

— Скачки... — начал Марк Льюворн.

— Да, но ваша комната готова, сэр, — перебила его Линнет, появившись из-за спины Деборы, которая все еще придерживала дверцу экипажа. — Самая старая в нашем доме. Однако, если вам будет угодно, есть другая, более приятная, ее недавно заново оклеили обоями.

Брови месье Ледрю слегка приподнялись:

— Так это *вы* очаровательная хозяйка этого дома?

— Горячая вода для вас будет тотчас готова. А затем вам подадут жареную камбалу и омлет.

— С луком, если можно. — Он кивнул на связки, все еще отягощавшие левую руку Деборы.

— Мелко нарезанным и поджаренным. Дебора сможет приготовить омлет, — указала Линнет на служанку.

— В таком случае я все больше чувствую себя как дома.

Месье Ледрю кивнул головой, милостиво улыбнулся всем и обвел взглядом собравшихся. Была в нем какая-то властная сила, делавшая его хозяином положения. Все застыли на месте: торговец луком стоял на проезжей части, опустив шест; великан и задира шкипер был неподвижен; рука Деборы все еще касалась дверцы экипажа. Возница замер в той позе, какую принял, когда слез с козел; губы Линнет были полураскрыты; ее муж, стоявший позади нее на ступеньке, походил на человека, который получил некое известие и не может ничего понять. А в комнате наверху ни на минуту не умолкал глупый смех.

— Значит, все предопределено, и я все больше чувствую себя как дома. — Месье Ледрю выпрямился, отбросив плед, укутывавший его ноги. — А этот парень? Мне показалось, когда мы заворачивали за угол, — повернитесь-ка, сын мой!.. Ах! Но это же гнусно, Фугеро! Вы отдаете себе отчет в том, что позорите нашу страну? Впрочем, такие как вы этого не понимают. Но позвольте мне, по крайней мере, заверить вас, что этот молодой человек не отправится в обратное путешествие на вашем судне.

Затем последовал быстрый диалог на бретонском, после чего шкипер поднял шест, который торговец луком бросил на землю, и удалился с

опущенными плечами.

Месье Ледрю, все еще стоявший в ландо, повернулся к молодому человеку:

— Откуда вы родом, сын мой?

Ответ последовал после паузы и, казалось, был дан неохотно:

— С острова Тюди.

— Посмотрите на меня и ответьте: как ваше имя?

— Амиот.

— Амиот, вот как! Это имя или фамилия? Есть ли у вас еще одно?

Торговец луком все еще глядел вслед удалявшейся фигуре своего работодателя.

— Фамилия моей матери, сэр, была Тристан. Она была родом из Дуарнене, так она мне однажды сказала. А еще — что мы уехали на остров Тюди вскоре после моего рождения.

Он пожал плечами, как будто прошлое не вызывало у него интереса. Глаза его горели, и казалось, у него лишь одно на уме: возобновить драку с этим скотиной шкипером, несмотря на неравные силы.

— Если хотите знать мое мнение, это нарушитель спокойствия, — заявил хозяин гостиницы с верхней ступеньки крыльца. — Но я никогда и не пытался понять иностранцев — прошу прощения, сэр.

Месье Ледрю, выходящий в этот момент из экипажа, проигнорировал его замечание.

— Первое, что нужно сделать, — спокойно обратился он к Деборе, показывая знаком, что хочет спуститься, — это отвести парня в дом и промыть ему спину. Впоследствии, если ему станет лучше, он отвезет меня вверх по реке — надеюсь, у вас можно нанять лодку, сэр?

— Конечно, лодка есть...

— Да, я знаю. Но вам пока что не нужно об этом беспокоиться. Вы же собираетесь на скачки и уже готовы были туда отбыть, вы и мадам. — Он поклонился Линнет, проворно спустившись со ступеньки экипажа. Затем, расплатившись с возницей, продолжил: — Я прочел объявление о скачках у кузницы на перекрестке дорог — оно было прикреплено к ставню. Насколько я понял, мадам будет вручать кубок.

— Что ж, можно сказать и так, — согласился хозяин гостиницы. — Конечно, на самом деле...

— Несомненно, и как галантный супруг... Кажется, я слышу, как ваши экипажи спускаются с горы. Пока они еще не прибыли, — произнес месье Ледрю, — к тому же чтобы не задерживать этих охотников, — поклон в сторону компании на крыльце, — не войти ли нам в дом?

ГЛАВА 3 Май и ноябрь

Марк Льюорн, его жена и постоялец поднялись по лестнице, за ними следовала Дебора с саквояжем. По ее приказу торговец луком ждал внизу, в коридоре. На лестничной площадке Льюорн, извинившись, повернул к двери бара и, открыв ее, объявил оставшимся посетителям, что экипажи уже на подходе. Линнет и месье Ледрю прошли дальше, к самой лучшей спальне в гостинице.

— Мы сделали здесь все, что в наших силах, сэр, но, как я только что сказала, у нас есть более светлая комната, заново оклеенная, если это для вас предпочтительнее. Дебора, ты можешь поставить саквояж джентльмена. А теперь беги за горячей водой и займись тем бедным молодым человеком. После ты можешь распаковать вещи этого джентльмена в той комнате, которую он выберет.

— Но что же не так с *этой* комнатой, мадам? — спросил месье Ледрю, озираясь вокруг.

— Что касается меня, то я терпеть не могу все старое, — призналась Линнет.

— Да? — Месье Ледрю повернулся спиной к окну и бросил на нее быстрый взгляд. Свет падал ей прямо на лицо. — Со своей стороны, я вполне понимаю вашу точку зрения, мадам, хотя, как вы видите, не должен бы разделять ее.

Лицо Линнет стало пунцовым, как только необдуманные слова сорвались с ее уст. Манеры этого чудесного старого джентльмена хоть и располагали к дальнейшей беседе, но в них явственно проступал мягкий укор.

— Я не имела в виду, сэр...

— Ну конечно не имели. А если бы даже и имели, то я бы не обиделся. Старики, мадам, когда они приближаются к Богу, начинают разделять с Ним одну Его отличительную черту — или, если хотите, отсутствие оной: они лишены глупой обидчивости.

— Я только хотела сказать, — запинаясь, произнесла Линнет, — что мне не нравится запах старого дуба. Надо, чтобы Дебора разожгла огонь. Последние два дня мы топили камин и проветривали комнату. Мы решили, что в такую погоду, возможно, вам будет здесь слишком жарко. Однако если вы собираетесь покататься на лодке, то огонь в камине может вас взбодрить — позже. К тому же вы проделали такое большое путешествие!

— Благодарю вас, я был бы рад, если бы затопили камин. В моем возрасте, мадам, то, что прежде было роскошью, становится необходимостью. И, в отличие от вас, я люблю старый дуб. Нет ничего более долговечного, мадам. Мы спим в нем, некоторые — вечно. В старости мы любим мечтать возле него и видеть, просыпаясь, огонь в его сердцевине. Но нам грезятся птицы в ветвях дуба — там, в вышине, их раскачивает ветер.

В этот момент открылась дверь и Дебора внесла кувшин с горячей водой. Казалось, что это она впустила в комнату уличный гомон: в окно ворвался шум экипажей, въезжавших на площадь, возгласы возниц, споривших из-за места и отпускавших грубоватые шутки. Сначала Дебора объявила, что ланч для джентльмена будет готов через десять минут. Затем она сообщила, что внизу торговец луком промывает свои раны и ей бы хотелось, чтобы госпожа на них посмотрела. Бросив взгляд на месье Ледрю, Дебора добавила, что время идет.

— С вашего позволения, мадам, я бы тоже хотел осмотреть раны молодого человека, — сказал нотариус, открывая дверь.

Дебора поставила кувшин, и все трое вышли в узкий коридор, где столкнулись с последними посетителями, покидавшими бар.

Марк Льюорн, который шел первым, при виде жены застыл на месте, загородив проход остальным. Он явно был не в духе.

— Я, кажется, сказал вам... кажется, сказал...

Лицо Линнет сначала побелело, потом вспыхнуло, и она с вызовом взглянула на мужа. Поскольку месье Ледрю стоял за спиной Линнет, он не мог видеть ее лица, однако, когда она откинула свою хорошенькую головку, он догадался, что сейчас последует.

— Я забыла, что именно вы мне сказали, — ответила Линнет, тщательно подбирая слова. — Но, думаю, примерный смысл таков: вы хотели похвастаться мною в этом новом платье, которое вы мне купили. Очень хорошо. Если вы будете так любезны посторониться, я очень медленно пройду мимо вас с этим джентльменом, и ваши гости смогут, не стесняясь, сказать вам, что они думают о вашей жене, — не сомневаюсь, они так и сделают.

— Мужчина — хозяин в своем доме, это не подлежит сомнению, — несколько сбавил тон Марк.

У себя за спиной он ощущал мощную мужскую поддержку. Но перед лицом молодой и красивой женщины, к тому же разъяренной, на такую поддержку не всегда стоит полагаться. Шотландский шкипер в задних рядах, возвышавшийся над остальными на голову, промурлыкал песенку:

Что молоденькой девчонке,
Что молоденькой девчонке,
Что с хрычом ей делать?

Марк услышал и эту песенку, и хихиканье, последовавшее за ней.

— Мужчина — хозяин в своем доме, — рявкнул он.

— А его жена — хозяйка дома, — заметила Линнет. — Занимайтесь своими гостями, а я буду заниматься своими.

Муж сразу же отошел в сторону и пропустил ее. Она прошла мимо как королева. Но только она знала, что он уступил ей дорогу главным образом из-за безнадежного обожания. Однако Линнет прошла мимо двери бара с триумфом; месье Ледрю и Дебора следовали за ней.

Трио спустилось по лестнице и на первом этаже, в конце коридора, где пахло жареным луком, они вошли в кухню с каменным полом. Там, склонившись над лоханью с горячей водой, юный Амиот обтирался мокрой губкой. Он был обнажен до пояса. При их появлении он выпрямился, улыбнулся всем благодарной улыбкой и снова наклонился над лоханью. На его спине виднелись следы жестоких побоев. Кожа была очень нежная, и под ней перекачивались мускулы — такие появляются у гребцов.

— Я могу порекомендовать средство от этого, — заявил месье Ледрю, внимательно осмотрев раны молодого человека. — Если у вас поблизости есть аптекарь...

— Но у меня есть мази здесь, дома, — прервала его Линнет. — Я выросла на ферме, сэр, так сказать — по ту сторону воды, оттуда трудно добраться до доктора. А нужно было оказывать помощь мужчинам, которые могли порезаться, когда косили или жали серпом.

Обращаясь к нотариусу, Линнет бессознательно положила руку на плечо молодого человека, и столь же неосознанно Амиот поднял губку и сжал ее так, что на руку Линнет потекла струйка теплой воды.

— Эти местные снадобья обычно лучше всего, — согласился нотариус, — особенно мази...

— Линнет! — донесся сверху голос ее мужа. — Какого черта вы там копаетесь?

Линнет резко отдернула руку от плеча юноши. На этот раз нотариус уловил выражение ее лица, когда она посмотрела в ту сторону, откуда донесся ворчливый голос мужа. У нее был взгляд затравленного зверька. Но тут же она нахмурилась, и зрачки сузились.

— Линнет! — снова позвал ее Марк.

Рука ее упала, оставив на платье мокрое пятно. Немного помедлив, Линнет направилась к лестнице и стала подниматься.

— Неожиданное послушание, — заметила Дебора после некоторой паузы, когда в тишине был слышен только плеск воды.

— Я не разделяю это мнение, хотя, конечно, вы знаете ее лучше, чем я, — серьезно ответил нотариус. — Полагаю, она, скорее, заперла свою дверь и в этот самый момент снимает свое нарядное платье.

Дебора задумчиво посмотрела на него и, взяв полотенце, стала осторожно промокать спину торговца луком.

— Если это на самом деле так, — сказала она, — что же делать, сэр?

— На вашем месте я бы последовал за ней, постучал в дверь и напомнил, что мы готовы употребить мазь.

Дебора поднялась на второй этаж.

Она обнаружила, что Линнет действительно заперлась в спальне. Но служанка стала свидетельницей зрелища, которого не предсказал нотариус: под дверью, согнувшись, стоял Марк Льюворт, о чем-то умолявший через замочную скважину.

— Предоставьте это мне, хозяин, — сказала Дебора.

Она постучала в дверь.

— Уходите, я же сказала! — раздалось за дверью. — Я не еду!

Дебора постучала снова.

— Это всего лишь я, госпожа, Дебора. Я пришла за мазью.

Через пару секунд стало слышно, как ключ поворачивается в замке. Сделав Марку знак, чтобы он ни в коем случае за ней не следовал, Дебора слегка приоткрыла дверь и, войдя, плотно закрыла ее за собой.

В конце концов Линнет поехала на скачки.

ГЛАВА 4 *Река Трой и Замок Дор*

В тот же день, несколько позже, Дебора отправилась на собственный причал Марка Льюорна и, подтянув лодку к берегу, усадила в нее нотариуса и торговца луком Амиота. Пару минут постояла, чтобы убедиться, что молодой человек, несмотря на то что был перевязан, очень даже ловко управляется с веслами.

Однако месье Ледрю склонен был усомниться в способностях этого парня, особенно когда они оказались в опасной (по его мнению) близости от кормы черной шхуны, стоявшей на якоре.

— Осторожно!

— Всё в порядке, — безмятежно заверил его Амиот. — Это «Жоли бриз». — Он исторг какой-то странный, резкий возглас, о чем месье Ледрю позже вспомнил, и очень искусно подвел лодку под якорные цепи на носу.

На палубе показался матрос. Он перегнулся через фальшборт.

— Ив, не сходишь ли ты в кубрик и не принесешь ли мои вещи? Или мне взять их самому? Они в узелке, на моей койке, а рядом — моя скрипка.

— Да, я их видел только что, когда прибирался, — ответил матрос. — Я подумал, что ты собираешься покинуть судно. Надо сказать, меня это не удивило. — Бросив взгляд через плечо, он снова посмотрел вниз с добродушной усмешкой. — Хорошо, я схожу за твоими вещами. Но сиди тихо. Хозяин внизу, он мрачнее тучи.

Шкипер действительно находился внизу, и сна у него не было ни в одном глазу. Он услышал и узнал выкрик юнги. Он появился на палубе во весь свой гигантский рост как раз в тот момент, когда матрос нырнул в люк на носу судна. Подойдя к фальшборту, шкипер посмотрел вниз.

— Ну что, глупец? — обратился он к Амиоту. — Значит, ты передумал и вернулся?

— Чтобы забрать свои вещи, — ответил месье Ледрю.

— Его вещи? Его вещи?! — загремел Фугеро. Он шагнул к открытому люку и, склонившись над ним, завопил: — Эй, внизу! Что это ты там делаешь?

Провинившийся, хотя и был напуган — власть шкипера на судне почти безгранична, — оказался смелым и правдивым парнем.

— Я собираю вещи Амиота Тристана, — ответил он.

Вскоре матрос появился на палубе. В руке у него был узелок, под мышкой — самодельная скрипка.

— Без моего разрешения, hein?^[8] Ну погоди, дружок, я покажу тебе, что значит дисциплина. А вот это — для начала!

Он выхватил у парня скрипку, сломал ее о колено и выбросил за борт — обломки тут же увлек за собой прилив.

— Вот так! — сказал Фугеро и, схватив узелок, поднял его вверх. — Что до этого барахла, то я оставлю его здесь. Или ты предпочитаешь, чтобы я его тоже выбросил за борт?

— Друг мой, — вмешался месье Ледрю, прикрыв глаза, словно во сне, но весьма четко произнося слова, — если вы настаиваете на первом или попытаетесь сделать второе, я отведу этого молодого человека прямо на таможню, а оттуда — в полицейский участок, где дам указание вызвать вас в суд. Потом мы найдем свидетеля, который всё подтвердит. И в этом случае я вам не позавидую. Представляю, как вас встретят судовладельцы: ведь вы будете признаны виновным в жестоком обращении с людьми. К тому же их вряд ли обрадует счет, который будет выставлен за простой судна. Лично я не сторонник наказания, — спокойно продолжал старик. — Я нотариус, а не судья. Но я гораздо лучше, чем вы, знаю, как действует закон в таких случаях. — Он открыл глаза и взглянул вверх, словно пробудившись. — Так что для вас же лучше немедленно передать вниз этот узелок.

Фугеро с минуту размышлял, затем швырнул узелок матросу.

— Вот, брось его им — и скатертью дорога!

— Извините, — на этот раз голос месье Ледрю прозвучал сурово, — но вы передадите его своими собственными руками и очень бережно — да, очень бережно.

Узелок был передан вниз.

Когда он был принят со словами: «Благодарю вас», шкипер повернулся, чтобы обругать моряка. Но тут снова четко зазвучал властный старческий голос:

— Мы поднимемся немного вверх по реке, но к вечеру я вернусь. Какое-то время я буду жить в «Розе и якорю». Если поступят еще какие-нибудь жалобы на вас, то я их рассмотрю, и о них станет известно в Локтюди и на побережье. До свидания!

Пройдя около ста ярдов вверх по течению, они увидели, что на поверхности плавает скрипка Амиота, а рядом смычок. Но скрипка раскололась на две части, и починить ее было невозможно.

— Я обязательно куплю вам новую, еще лучше, — пообещал месье Ледрю, увидев на глазах у юноши слезы.

— Но я сделал ее сам, месье.

— Пожалуй, починить ее все-таки можно, — утешил его месье Ледрю. — Лично я не музыкант, но, как бы то ни было, вы не смогли бы сыграть на ней сейчас: во-первых, скрипка сломана, а во-вторых, вы же не можете грести и одновременно играть.

Во всяком случае, грести-то Амиот мог, это было очевидно. Мышцы у него на спине, вначале онемевшие, разогрелись и налились силой. Теперь весла двигались легче и увереннее.

Был сильный прилив, и они вошли в гавань. Пришлось лавировать между судами, стоявшими под погрузкой, и теми, что были пришвартованы, — на них должны были ставить мачты. Затем они повернули в излучину реки, пройдя под утесом, поросшим лесом, снова свернули — справа по борту показалась скала, — и постепенно шум и движение осталась позади, перед ними примерно на три мили простиралась водная гладь, тихая и спокойная, как озеро грез.

С одной стороны над водой склонялись деревья; с другой до опушки рощицы тянулась неводеланная земля, покрытая папоротником. Густые заросли кустарника, дикие вьющиеся растения, жимолость — все это отражалось в безмятежной поверхности воды и по мере усиления прилива, казалось, склонялось все ниже и ниже. Сюда не доносилось ни звука. Вдоль правого берега этого озера тянулась проселочная дорога, заросшая дикой валерианой. Из леса появилась цапля (единственный признак жизни), она летела медленно и так низко, что в водном зеркале отражалось каждое движение ее крыльев. Вдалеке виднелся поросший лесом мыс, голубовато-зеленый в тумане, — по-видимому, там озеро кончалось.

— Ах, как красиво, — вымолвил месье Ледрю. — Оставьте на минутку весла, сын мой, обернитесь и взгляните. — Он вздохнул и добавил странные слова: — Я надеялся вопреки всему. Здесь нет острова. Карта верная. Если бы только здесь был остров!

Вытащив из нагрудного кармана карту, он расстелил ее на коленях.

— Скала, мимо которой мы только что прошли, — это Камень Мудреца. В ней у самого подножия есть озерцо, куда, как говорят, часто наведываются выдры. Но ведь острова нет, так? Посмотрите-ка внимательней, мой мальчик.

— Это напоминает мне... — начал Амиот, вглядываясь в даль.

— Да? Что же?

— Не знаю, месье. — Сделав паузу, он продолжил: — Если бы патрон не сломал мою скрипку, быть может, она бы мне подсказала.

— Вы подвержены фантазиям, сын мой, — сказал нотариус. Но, по-

видимому, он тоже был подвержен фантазиям, ибо затем изрек следующее: — Завтра у вас будет новая скрипка, если только она сможет наколдовать здесь остров.

— Но эта скрипка... Ведь я сам ее сделал! — пылко возразил Амиот, с несчастным видом глядя на сломанный инструмент. — Может быть, старая скрипка и смогла бы наколдовать, как сказал месье, но... лишь фантазии: не остров — не *настоящий* остров. Однако, пожалуй, я никогда ее об этом не просил. А *propos*, ^[9] какой именно остров нужен месье?

— Я понятия не имею ни о форме, ни о размере, — признался месье Ледрю. — Но он должен быть где-то здесь... Именно на этом острове несколько столетий тому назад сражались два рыцаря: один — за собственность своего господина, второй — за даму. Как то и следовало согласно старому правилу: рыцарь должен вступать в поединок только из-за правого дела или из-за дамы.

Амиот задумался над этими словами.

— В таком случае, месье, боюсь, что у меня нет надежды стать настоящим рыцарем. Потому что, если я когда-нибудь вновь столкнусь с этим... этим Фугеро, который сломал мою бедную скрипку... Но что касается этого острова — мне кажется, что рыцари в латах дрались бы не на скале, а на какой-нибудь песчаной отмели; а когда кончится прилив, тут может оказаться не меньше дюжины таких отмелей.

— Вы так думаете? — спросил нотариус, а про себя добавил: «Тогда, быть может, вы вовсе не такой мечтатель, за которого я вас принял».

Амиот в полном молчании греб еще примерно с полмили, затем нотариус заговорил снова:

— На этой карте обозначена тропинка, она где-то поблизости, ведет она лесом к месту, которое мне бы особенно хотелось посетить. Можем мы оставить лодку здесь и разведать? Или прилив закончится и она окажется на суше?

— Прилив продолжится еще четыре часа, — заверил его Амиот. — И пока вы говорили, я проверил веслом глубину под нами и не достал до дна. Что касается того, чтобы пришвартоваться, я могу отыскать какой-нибудь камень на проселочной дороге, вон там, и использовать его в качестве якоря.

Они медленно продвигались вперед, и вот слева по борту показалась крошечная бухта, где они заметили развалившийся причал. В другом конце бухты стояла заброшенная лесопилка, водяное колесо которой давно уже перестало работать. Амиот спрыгнул на берег, одним движением руки набросил носовой фалинь на старый кнехт и помог высадиться месье

Ледрю.

Они шли по берегу бухты, пока не оказались на мелководье под окнами лесопилки. Переправившись по камням, они начали подниматься по крутой тропинке, по обеим сторонам которой росли ореховые деревья. Тропинка вывела их на вересковую пустошь, испещренную утесником. Внизу простиралась широкая река.

По другую сторону холма они обнаружили несколько ступенек, спустились по ним и направились по дорожке, над которой нависли ветви фруктовых деревьев. Перешли через деревенскую улицу и, пробравшись под оградой сада, через которую перевешивались фуксии, снова пошли в гору по проселочной дороге, между живыми изгородями с папоротником, по корням, а кое-где и по листьям которого текли ручейки.

Нотариус, поднимаясь вверх, прибавил шагу и развил скорость, поразительную для его лет. Один раз он на минутку остановился, словно прислушиваясь к журчанию воды в придорожных канавах, и рука его потянулась к карману.

— Но нет, мы подождем, — сказал он. — На карте ведь нет острова. Если на ней нет и замка, то мы приехали напрасно.

На лице Амиота отображалось только удивление. Он не имел ни малейшего представления о том, что они ищут. Может быть, это цветок? Он слышал об ученых-ботаниках, которые путешествовали по разным странам в поисках какого-нибудь маленького растения — возможно, какого-то лишайника. Для него, правда, все едино.

Месье Ледрю двигался вперед, не снижая скорости. Теперь, когда они добрались до вершины пологого холма, узкая тропинка, расширяясь, превратилась в настоящую дорогу и их взору представились разбитые на участки пашня и пастбище. Месье Ледрю начал переходить то направо, то налево, от одной калитки к другой: дело в том, что живые изгороди, хоть и стали здесь ниже, все-таки были выше человеческого роста, и поэтому разглядеть что-то можно было, лишь заглянув через калитку. Несколько раз рука его тянулась к карману, но каждый раз он передумывал. Он передвигался по дороге зигзагами, словно собака, ищущая след.

Наконец, забравшись на перекладину калитки с правой стороны дороги, он воскликнул:

— Voyons!^[10] Замок! — Вцепившись в верхнюю перекладину, чтобы не упасть, он повторил: — Замок! Смотрите, мой мальчик, вон там, на самом гребне!

— Я не вижу никакого замка, сэр. Там только кусты, расположенные кругом.

— Но это же и есть замок, я вам говорю, Замок Дор! Давайте пойдем туда кратчайшим путем. Ну вот, — добавил месье Ледрю, когда Амиот отпер калитку, за которой простиралось пшеничное поле, — я полагаю, что вы считаете меня сумасшедшим. Старик — и так торопится, чтобы не опоздать, hein?

Созревшая пшеница стояла высокой стеной, и миллионы ее колосьев достигли полной зрелости. Она доходила до самой изгороди, так что оставалась лишь узкая тропинка, по которой можно было пройти только друг за другом. От калитки было видно все поле, на волнообразной поверхности которого играли свет и тени, но здесь, возле тропинки, пшеница была выше головы. С правой стороны они не видели ничего, кроме ее стеблей, да порой лишь алый мак, побег синего льна или бабочку, порхавшую в воздухе, что дрожал от зноя.

Пройдя шагов пятьдесят, месье Ледрю обернулся, снял шляпу и вытер лоб.

— Так иногда бывает, — сказал он, — когда плывешь по морю. К концу дня ветер меняет направление и внезапно приносит с суши теплое дыхание скошенных лугов и земляничных полей — прямо из гавани Бреста. Я полагаю, — добавил он, — когда я только что пообещал вам замок, вы ожидали увидеть нечто вроде башни — высокое, массивное здание с укреплениями, не так ли?

Но Амиот ответил с безразличным видом:

— Я ожидал... сам не знаю чего, месье.

Нотариус снова водрузил на голову шляпу, и они продолжили свой путь. Он привел их за угол, к другой калитке, за которой было жнивье. Теперь пятки болели у Амиота сильнее, чем рубцы на теле.

За третьей калиткой было широкое пастбище с выщипанной травой, стороны которого сходились к насыпи — теперь уже было видно, что это амфитеатр. Двойной земляной вал зарос куманикой, колючками и бузиной, которая глушит всех своих соседей. Прямо перед ними в валу был проход, через который они попали в амфитеатр, устланный дерном и защищенный от всех ветров. Он составлял в диаметре около двухсот футов и в центре был ровный и гладкий, как стол.

Месье Ледрю, пребывавший в экстазе, даже лишился дара речи и только вышагивал и что-то подсчитывал. С внутренней стороны насыпь была почти лишена растительности. Усевшись на землю, заросшую чабрецом, месье Ледрю наконец-то вытащил из кармана карту.

— Это лучше, чем я думал. Я только что сказал, что мы еще успеем... Я лишь имел в виду, что окажусь здесь вовремя, чтобы засвидетельствовать

почтение королям и их рыцарям и дамам, которые обитали внутри вот этого самого круга. Это были долгие скачки, в которых я состязался со временем и прихотливым случаем.

Продравшись сквозь колючие заросли, он перебрался через ров и вскарабкался на внешний вал, который как раз в этом месте граничил с широкой дорогой. Внизу в летнем мареве синела бухта. Обернувшись, они могли разглядеть у подножия насыпи, на которой стояли, речку — она просматривалась через клинообразную просеку в лесу.

— Замок Дор — видите, отсюда открывается вид на все подступы к нему! — воскликнул нотариус. — Бухта, река, дорога, идущая вдоль холма... Но что это там?

Он вдруг заметил огороженный участок, забитый палатками, экипажами и группами людей, — поле, полное народа. За ограждением, где дорога поднималась в гору, тоже были палатки с белым верхом, на которых трепетали крошечные флажки.

— Ах, ну конечно же — скачки!

По пути сюда они не встретили ни души, единственным исключением была старушка, наполнявшая кувшин из колодца на деревенской улице. Теперь все стало ясно. Здесь собралась вся округа. Вдали прозвенел колокольчик — начинался заезд. Прислушавшись, нотариус и Амиот различили голоса букмекеров, старавшихся перекричать друг друга.

— На таком расстоянии это можно принять за древний религиозный праздник, — сухо произнес месье Ледрю, — только это совсем другое. На таком расстоянии, — задумчиво продолжал он, — это напоминает муравейник. Божественный Гомер уподобляет людей листьям в лесу, сын мой. Мне же они скорее напоминают траву, которая, снова и снова пробиваясь весной, покрывает ошибки мира. Вы видите, где мы стоим в эту минуту, видите, где разместили торговцы свои прилавки со сладостями, у дороги? Так вот, много столетий тому назад сюда, где мы стоим, на этот самый земляной вал — да, на это самое место, поскольку отсюда открывается самый хороший вид на дорогу, — пришла королева, якобы принося извинения своему мужу, а на самом деле — чтобы мельком увидеть своего возлюбленного, когда его лошадь заворачивала вон за тот угол. Это трагическая история, одна из самых печальных. У них было назначено свидание в лесу, чуть дальше поля, на котором сейчас проходят скачки, там, где собираются темные тучи, предвещающая грозу.

— Лантиэн!

— Что? Но каким образом, черт возьми?..

Амиот опустил руку, которой заслонял от солнца глаза.

— Не знаю, месье, это слово пришло мне на ум...

В эту минуту они услышали громкий крик, более пронзительный, чем те, что доносились до сих пор с поля, где проходили скачки. Группы людей внезапно распались, и фигурки, похожие на точки, ринулись к воротам.

— Муравейник по какой-то причине пришел в волнение, — заметил месье Ледрю.

Тут у них на глазах у ворот рухнула палатка, сложилась, как крошечный карточный домик, а затем справа и слева от дороги начали сновать фигурки.

— Кони понесли, — возвестил Амиот, у которого было острое зрение молодого человека.

Он наклонился и скинул свои сабо.

ГЛАВА 5 *Несчастный случай*

Линнет Льюворт, развязав ленты своей шляпки и неспешно заново завязав их под подбородком, который вовсе не портило то, что он был обиженно вздернут, длительное время рассматривала себя в зеркале, чтобы убедиться, что презрительный вид ей идет. Затем она отперла дверь и остановилась на пороге.

— Я поеду с вами на скачки, но при условии, что вы не попросите меня с вами разговаривать — ни единого слова.

— Вот как?

— Вы меня оскорбили. Конечно, я не могу заставить вас молчать, вы вольны болтать сколько вам угодно. Но я не собираюсь с вами беседовать, и если вы не согласны с этим условием, я уйду к себе и сниму этот наряд. Я не стану с вами разговаривать до тех пор, пока мы не вернемся к этой двери, и лишь после того, как вы попросите у меня прощения.

— Но я прошу прощения сейчас, Линнет.

Она покачала головой.

— Не так, как следует. Вы делаете это лишь для того, чтобы задобрить меня и добиться, чтобы я поехала и вы могли бы мною хвастаться. Ну что же, вот она я. Если вы все еще считаете, что я того стою, можете хвастаться мною перед вашими друзьями сколько вам угодно.

— И вы не будете разговаривать даже с ними?

— Конечно же я буду разговаривать с ними. Они не нанесли мне оскорбления, по крайней мере по своей, а не по вашей вине. О! — Она резко ткнула кончиком своего зонтика в пол. — Итак, это мои условия.

Марк склонил голову. Она прошла мимо него, спустилась по лестнице и села в ландо. Муж последовал за ней.

«Вышла она — ни дать ни взять королева, да и выглядела что твоя королева», — рассказывал впоследствии Тим Уди, кучер.

Тим Уди был слегка навеселе, к тому же ему не терпелось попасть на скачки, и он изо всех сил нахлестывал двух лошадей, Мэрмана и Мерлина. Это были молодые, горячие кони, от одного производителя, оба гнедые; они составляли прекрасную пару: у каждого на передней ноге был белый «носочек», у Мерлина — на правой, у Мэрмана — на левой, причем в одном и том же месте, с точностью до дюйма. Марк Льюворт, который до женитьбы был скуповат, теперь стал склонен к показной роскоши. За этих лошадок он выложил кругленькую сумму. Ни одному владельцу ценных

лошадей не понравилось бы, если бы с ними стали обращаться так, как это делал кучер Уди. К тому же Марка только что унизили, и ему нужно было на ком-то сорвать злость. Он привстал с сиденья, но его снова отбросило на подушки, он поднялся опять, осыпая своего кучера проклятиями.

— Теперь уж ничего не попишешь, хозяин, — бросил Тим Уди через плечо. — Думал, вы спешите, да и следовало бы поспешить. Н-но! Вы сядьте, а уж они вас домчат!

Боязливая женщина вскрикнула бы или хотя бы схватилась за поручни экипажа, когда заднее колесо со скрежетом проехало по гранитной колоде, защищавшей угол гостиницы, и едва не зацепилось за нее. И после подобного шока примерная, заботливая супруга принялась бы пилить своего мужа, доказывая ему, что Тим Уди пьян и только дурак не заметил бы этого сразу, до того как выезжать. Линнет и бровью не повела — она сидела с безмятежным видом, сжав губы.

На вершине холма Тим Уди, вместо того чтобы перейти на более спокойный шаг, еще поддал жару.

— Вот как это делается!

Марк Льюворт снова взорвался.

— Да так можно загубить любую лошадь! — вскричал он. — Черт бы тебя побрал, разве ты не знаешь, сколько стоят эти лошади?

— Они же отдохнувшие, хозяин, — не растерялся Тим Уди. — Для них сейчас гора — самое то. Я же не просил вас так долго собираться — вот они и застоялись. А сейчас будут смирные как овечки, так и скажите хозяйке.

Марк Льюворт снова обругал его, да что толку!

— Опасности больше нет, — заверил он Линнет, склоняясь к ней с видом самого покорного супруга, когда лошади перешли на рысь, а потом потрусили помедленнее. — Вы не очень испугались, дорогая? Вам не дурно?

Ей определенно не было дурно, но полузакрытые глаза и бледность заставили ее супруга задать этот вопрос.

Она открыла глаза. Взгляд был томный, словно плавное движение колес экипажа навело на Линнет дрему. Она взглянула на мужа, склонившегося над ней, как на незнакомца. Потом взгляд ее стал твердым, и она снова прикрыла глаза. Губы ее плотно сжались.

Много столетий тому назад в западную часть Англии прибыл некий Теодор Палеолог, надгробие которого можно увидеть сегодня в маленькой церкви, омываемой приливом, возле Тамар. Фактически он был последним

решительным мужчиной из этой императорской фамилии, не допускавшим турок в Византию. Теперь уже не удастся выяснить, что побудило его, потерпев поражение, выбрать это побережье, чтобы окончить здесь свои дни. Но он поступил именно так. И будучи человеком энергичным, он нашел в этих краях жену и произвел на свет законных наследников. Затем род угас со всеми своими ветвями. Но, поскольку он опять же был человеком энергичным, у него (согласно легенде) были и другие дети, принявшие фамилию Константайн, перешедшую к ним вместе с тем состоянием, которое ему удалось скопить. Можно сказать с определенностью, что сегодня «по ту сторону воды» (те, кто живет к западу от гавани Трой, называют так местность к востоку от нее) полно Константайнов. И хоть им и не досталось богатства этого рода, почти все они унаследовали благородство черт, выделявшее их среди соседей, — особенно это относилось к женщинам, даже если они вынуждены были трудиться на ферме.

Женщины, принадлежавшие к роду Константайнов, были темноволосые, красивые, с четко очерченными бровями; но порой рождалась девочка, хоть и наделенная семейными чертами, но со светлыми или каштановыми волосами и чуть ли не с прозрачным цветом лица. Именно такой была Линнет Константайн, мать которой, урожденная Константайн, обвенчалась со своим родственником, кузнецом. Ее не стало, когда девочке было два года.

Отец Линнет Константайн, в котором сломалась пружина честолюбия, променял свою кузницу на ферму, и дочь росла там, откуда было не меньше трех миль до любого другого жилья. До начальной школы было тоже почти две мили. Именно в школе девочка смогла удовлетворить свое тщеславие, ибо была в классе первой, опередив всех соучеников. Учительница ее была модницей (по тамошним понятиям), говорила с изысканным акцентом и давала девочке почитать книги. С четырнадцати лет Линнет росла, так сказать, «под солнышком и дождиком», обитая в бедном домике. Разросшийся лук-порей доходил до самых карнизов, под которыми летом ютились стрижи. У нее не было денег на покупку нарядных платьев, но она запретила себе появляться на людях в затрапезном виде. Оглядываясь на эти годы, трудно представить себе, чтобы даже в дешевом платье она могла уронить свое достоинство, поощряя ухаживания сельских поклонников. Во всяком случае, достоверно одно: Линнет пряталась, и пряталась она столь упорно, что даже отец находил ее уединение странным чудачеством — когда случайно об этом задумывался.

А потом в один осенний день в тысяча восемьсот шестидесятых Марк

Льюворн переправился «на ту сторону воды», чтобы взглянуть на урожай яблок у Проспера Константайна. Торгуясь, он не раз бросал взгляд на дочь Проспера, которая, балансируя на садовой стремянке, тянулась за яблоками, а потом спускалась с полным передником и осторожно выкладывала плоды горкой под яблоней, не повредив ни одного. Казалось, она не обращала на посетителя ни малейшего внимания.

Марк Льюворн купил весь урожай яблок на сидр и заплатил очень щедро. В начале следующей весны он попросил руки Линнет. Ей было всего восемнадцать.

Она не знала любви и не представляла, что это такое. Она читала книги. Она страстно желала увидеть мир, который там, за горами. Той весной она, бывало, стояла у калитки и, прикрыв глаза, наблюдала за стрижами и ласточками, скользившими в небесной сини и выписывавшими круги над прудом. Они проделали такой путь — от Египта до ее порога!

Однажды — через неделю после того, как она приняла предложение Марка Льюворна, — Линнет наблюдала за этими птицами, которые кружили высоко и вдруг устремлялись вниз за мошками. И тут она услышала, как скрипнула калитка, сначала открывшись, а затем закрывшись; потом — шаги. Они почти одновременно увидели друг друга — Линнет и женщина, вернее, девушка, всего на пару лет старше ее. Высокая, темноволосая, по-своему красивая. Держась в тени, посетительница рассматривала Линнет.

— Вы хотите спросить, как пройти к бухте? — спросила Линнет, слегка нервничая.

— Нет, — ответила та, покачав головой. — Я приехала на пароме и должна на нем вернуться. Но поскольку вы станете моей хозяйкой, мне кажется...

— Вы приехали взглянуть на меня? Ну что же, смотрите! — Линнет раскинула руки, стоя на фоне темнеющего неба.

— Да, вы красавица, чудо как хороши, — ответила девушка, сделав реверанс, и руки ее поднялись к груди, словно она хотела поплотнее запахнуть шаль, как будто в воздухе вдруг повеяло холодом.

— Как я поняла, вы будете моей служанкой — одной из моих слуг?

— Да, госпожа, и, надеюсь, самой верной. Меня зовут Дебора. Дебора Бранжъен.

Она растворилась в сумерках. Линнет услышала, как дважды щелкнул запор калитки.

— Вы не понимаете того, — сказал Марк Льюворн, наклоняясь в

ландо к жене, — что я запланировал все это ради вашего удовольствия. Мужчины дальновиднее женщин, но часто именно женщины могут помочь. Сегодня днем вы — хозяйка над всем, а это шаг вверх. И если вы используете ситуацию, мы вскоре всё распродадим и станем джентри,^[11] будем вращаться среди лучших фамилий. Каково, дорогая? Разве вы не понимаете, что я для вас планирую?

Молчание.

— Взгляните на эти поля справа, — заговорил он снова. — У меня пара-тройка закладных на некоторые из них. А я ведь показывал вам свое завещание, не так ли?

Снова молчание.

На поле для скачек Линнет спокойно и доброжелательно встречала всех, кто подходил к ландо. Когда пришло время вручать кубок победителю скачек с препятствиями, она сделала это изящно и по-королевски благосклонно. Она даже повернулась при этом к своему мужу, очаровательно кивнув в его сторону, словно давая понять, что лишь передает кубок от истинного дарителя. Но она не разговаривала с ним.

Перед этой церемонией и в перерыве между заездами Тим Уди распряг Мэрмана и Мерлина и завел их за палатку с напитками. Там, возле изгороди, он стреножил их, напоил и накормил, после чего прошмыгнул в палатку и хорошенько угостился виски.

Когда церемония закончилась, хозяин в дикой ярости извлек его оттуда и велел запрягать лошадей в обратный путь. Оставалось лишь состязание за утешительный приз. Тим Уди послушно запряг Мэрмана и Мерлина. Производил он эту операцию весьма тщательно, в крайне задумчивом состоянии. Даже лошадей, доставлявших короля в парламент, где он должен был произнести тронную речь, не запрягали столь старательно. Тим Уди был мертвецки пьян.

Скачки за утешительный приз начались и уже были в самом разгаре, когда Тим взобрался на козлы и направил лошадей на дорогу. Тут кто-то громко крикнул у ворот:

— Утренняя Звезда упала!

Утренняя Звезда не только упала у ближайшей изгороди, но и сломала ногу. Тим Уди во хмелю остановил лошадей, чтобы послушать. После длительной паузы из-за изгороди грянул выстрел из пистолета — прямо в уши чете Льюорн.

Выстрел ударил и по ушам Мэрмана и Мерлина, и они тотчас же под углом рванули в ворота, сбросив кучера и шарахнув его о столб. Расшвыривая налево и направо лотки торговцев, они бешеным галопом

помчались по дороге к Замку Дор, и мешала им лишь упряжь, которая то волочилась, то щелкала по брюху Мерлина, как хлыст. Поводья тоже болтались где-то у задних копыт — седоки в экипаже их не видели. Они были совершенно беспомощны.

Марк Льюорн вскочил на ноги. Линнет услышала его вопли, заглушившие стук копыт. Покачнувшись, муж рухнул прямо ей на колени.

Она не помогла ему подняться. Ее откинуло назад, и она плотно сжала губы в ожидании неизбежного.

ГЛАВА 6 *Рожденный в рубашке*

Об этом неизбежном возвестил пронзительный вопль, словно бы распоровший ситцевую ширму, отделявшую жизнь от смерти, — этот ужасный крик все звенел и звенел у нее в ушах, и, казалось, в нем не было ничего человеческого. Может быть, под колеса попал ребенок и теперь он мертв?

Она сбросила со своих колен Марка, и он упал, как мешок. Шатаясь, Линнет поднялась на ноги и уцепилась за поручень козел. Она стояла, раскачиваясь, переступая ногами то по пледам, то по телу мужа. Ей удалось оглянуться через правое плечо назад, на дорогу. Она была пуста, лишь на большом расстоянии галопом мчались двое всадников. За ними взгляд Линнет различал лишь скопления точек.

Но крик продолжал звучать, кричали где-то впереди, и теперь он приближался. Линнет крепче вцепилась в поручни, раскачиваясь и топчась на теле Марка. Впереди была ослепительно сверкавшая дорога, и вдруг Линнет увидела темную фигуру с широко раскинутыми руками...

У нее в ушах все еще звучал пронзительный вопль. И вдруг Мэрман и Мерлин подались назад, и оглушительный треск заглушил остальные звуки: сломалось дышло. Линнет швырнуло вперед, и она ударилась лбом о поручни, затем ее резко отбросило на подушки.

Когда через некоторое время она с трудом поднялась на ноги, то увидела нотариуса Ледрю: он доблестно удерживал Мерлина за уздечку, пытаясь успокоить лошадей, которые то вставали на дыбы, то бросались вперед, путаясь в сломанном дышле. Судя по всему, они были напуганы.

— Осторожно, мадам! И поскорее спускайтесь, — задыхаясь, вымолвил нотариус. — Слава богу, вы спасены! Если они теперь снова рванут, то их уж ничем не удержишь.

— Это вы их остановили? Я могу помочь? — Эти два вопроса прозвучали почти одновременно.

— О нет, что вы! Бегите туда, мадам, скорее, там, сзади! — закричал он. — Посмотрите, жив ли парень, вы его переехали...

Линнет понеслась назад. Тело лежало на дороге, ярдах в двадцати от экипажа, его отшвырнуло в сторону. Подбежав к нему, она опустилась на колени прямо в пыль. Линнет пыталась приподнять безжизненную голову, когда подскакали два всадника, следовавших за экипажем. Они спешили, и тот, кто скакал впереди, поспешил на помощь нотариусу. Второй, бросив

взгляд в ту сторону, склонился над Линнет и пострадавшим.

— Он мертв, мэм?

— О, надеюсь, нет! Нет. Я в этом уверена! Слушайте, слушайте, вот опять!

Она приблизила ухо к губам парня, разорвала у него на груди рубаху и послушала, бьется ли сердце. Единственным видимым повреждением была рана над самым лбом, которая кровоточила. Наверно, когда он падал, его задело обломком дышла.

— Кажется, кости не сломаны, — сказал дородный всадник, опускаясь на колени и ощупывая ноги раненого. — Вы меня знаете, миссис? Если бы нам удалось доставить его живым в Лантиэн...

— О, мистер Бозанко! — воскликнула Линнет. — Смотрите — он открыл глаза! А теперь снова закрыл! А-а-ах! — вскричала она, так как мгновенно произошли две вещи — все происходило сейчас очень быстро. Слепящая молния осветила дорогу, и изгороди, и лица — много лиц, ибо со всех сторон сбегался народ. А еще повсюду была кровь: она текла из раны на голове у парня, попадая на подбородок и горло, она была везде. «Откуда?» — гадала Линнет. Она услышала, как фермер Бозанко призывает толпу отойти, чтобы пострадавшему было побольше воздуха.

— Но у него кровь — кровь всюду! — воскликнула Линнет.

Ее голос был заглушён раскатом грома. Когда гром стих, она услышала, как мистер Бозанко говорит:

— Это ваша кровь, миссис, ваша собственная кровь капает, мэм, уж извините меня. У вас все лицо в крови.

Он достал большой красный носовой платок и протянул его Линнет. Но она уже ощупывала свое лицо. Когда Линнет посмотрела на свои ладони, они были в крови. У нее была рана над бровью — вероятно, она ударилась, когда ее швырнуло на поручни.

С детства Линнет презирала себя за склонность падать в обморок при виде крови. Сейчас она раскинула руки — и тут же полил дождь, как будто она вызвала его этим жестом. Дождь лил как из ведра, падал сплошной завесой, которая отгородила их от толпы. В течение десяти секунд Линнет вымокла насквозь. Когда она снова инстинктивным жестом подняла руки, то увидела, что они вновь белые, и словно по заказу опять сверкнула молния. Эта вспышка осветила лицо Амиота, и оно тоже было чистым, а еще — мокрым и бледным, как лицо утопленника. Брызги дождя отскакивали от дороги, яростно шипя.

Дождь закончился столь же внезапно, как и начался; тучи разделились на два темных батальона и направились в сторону моря, а в просвете

засияло солнце. Чья-то рука обняла Линнет за плечи — это был фермер Бозанко.

— Прошу прощения, миссис, но мне показалось, что вы сейчас лишитесь чувств. Когда вы вот так вскинули руки...

Она приподнялась на коленях. С полей шляпы фермера, когда он наклонился, на грудь ей начал стекать ручеек.

— Нет. Займитесь *им*!

Над Амиотом, ощупывая его тело, уже склонился нотариус, которого освободили от лошадей. Бросив взгляд в сторону Бозанко, он резко приказал:

— Возьмите мой носовой платок и перевяжите ей лоб.

Пока фермер возился с платком, к ним торопливо подошел муж Линнет. Он выполз из ландо целым и невредимым. Как большинство трусов, он разъярился, когда опасность была уже позади. А увидев, что дорогое платье жены измято, испачкано и покрыто пятнами крови, он начал срывать свою злость прямо при толпе, которую только что прибывший констебль выстраивал полукругом.

— Что заставило вас прыгать — это же безумие! — воскликнул он злобно. — Вы же могли убиться! И полюбуйте, что вы сделали с платьем, будь оно проклято!

Услышав его, Линнет медленно повернулась, и повязка, которую неуклюже наложил фермер Бозанко, соскользнула. Слова так и просились Линнет на язык, но она не произнесла ни звука.

— Вы ранены! Вы ранены! — завопил Марк, увидев ее лицо, по которому снова начала струиться кровь; его гнев перешел в ужас и озабоченность, колени задрожали. А Линнет в душе стала презирать его еще сильнее, чем прежде.

Когда они стояли так друг перед другом, кто-то вдруг закричал: «Доктор!» Толпа подхватила это слово громким шепотом: «Доктор, доктор!» — и расступилась, образуя проход.

При свете солнца, вызолотившем дорогу и мокрые изгороди, они увидели серую кобылу, которая приближалась легким галопом. На ней ловко сидел человек средних лет, закрывавший огромный зонт; поглощенный этим занятием, он ничуть не заботился о поводьях — они висели на согнутом мизинце левой руки. Наконец зонт, высоко поднятый над порывевшей шелковой шляпой, благополучно закрылся. Доктор Карфэкс въехал на арену. Перекинув ногу над сачком для ловли бабочек, который был приторочен к седлу, он спешил. Это был человек среднего роста, чисто выбритый, с очень некрасивым лицом, но с осанкой,

отличавшейся непринужденностью и достоинством. Уверенный взгляд из-под седых кустистых бровей выдавал сельского джентльмена, привыкшего внушать почтение. Инстинктивно выделив в толпе нотариуса, который не был знаком ни ему, ни собравшимся, доктор громко обратился к нему:

— Простите, если опоздал, сэр! Посылал за линейкой для Уди: у него сильное сотрясение, но ничего страшного. Господь милостив к таким, как он. Я отправил полицейского за второй линейкой. По-видимому, она понадобится. Удачно вышло, что я случайно тут проезжал.

Доктор осмотрел пострадавшего, первым делом осторожно стянув с парня рубаху и обнажив его грудь. Прodelав это, он взглянул на нотариуса, которому доверил свой зонтик.

— Передайте его нашему другу Бозанко, сэр, и возьмите это, — он вытащил из своего объемистого кармана корпию. — И, если можно, займитесь миссис Льюорн. Мне кажется, у вас это получится лучше, чем у него.

— Мне никогда не удавалось завязать узел, — скромно признался мистер Бозанко, — даже на собственном шейном платке. Я всегда повторяю: да поможет Бог, чтобы я не пережил свою хозяйку!

Рана на лбу Линнет была неглубокой, и кровотечение уже почти прекратилось, но все же с помощью корпии и чистого носового платка нотариуса Линнет была оказана помощь.

— Посмотрим, посмотрим... — бормотал доктор Карфэкс, делая свое дело проворными и осторожными руками. — Ну конечно, ключица; два-три ребра и рана на голове — пока ничего страшного. А теперь кто-нибудь помогите мне его приподнять... Осторожно, очень осторожно, я вам сказал.

Он провел рукой по спине и, дойдя до лопатки, вдруг изумленно поднял глаза:

— Что за черт!

Нотариус кивнул:

— Вы видели?

— Нет, не видел. Но нащупал.

— Я расскажу вам об этом позже, это другая история. Она не имеет никакого отношения к происшедшему.

— Ну что же, ладно... А вот и линейка.

— Его можно отвезти в Лантиэн, — предложил фермер Бозанко, — и добро пожаловать к нам! Моя жена — женщина заботливая, как вы знаете, доктор. А парень, который столь отважен... Никогда ничего подобного мне видеть не приходилось. Он поправится?

— Конечно поправится! Дышло, должно быть, ударило его сбоку, и он

отлетел в сторону. Это просто чудо, что по нему не проехалось колесо и он не попал под копыто. Посмотрите, вот след от подковы у него на шапке — отпечатался так четко, что не смыл даже дождь. Через пару недель он снова будет в полном порядке.

— Это хорошая новость. А когда он сможет передвигаться... Пожалуй, я поговорю об этом со своей женой, — сказал фермер.

— Не говорите с ней сейчас. Просто возьмите парня к себе. Уложите его на полу в вашем холле и скажите, что я буду через двадцать минут.

Доктор Карфэкс повернулся к двум подъехавшим линейкам — одна была пуста, во второй лежало бесчувственное тело Тима Уди. Бегло осмотрев страдальца второй раз, доктор остановил один из экипажей, возвращавшихся со скачек, и велел доставить Уди в Трой, в маленькую больницу на Фор-стрит. Люди, сидевшие в экипаже, бодро высыпались из него и набились в другие повозки. Амиота уложили в линейку.

Мэрмана и Мерлина, которые уже успокоились и присмирели, повели домой, в стойло. С ближайшего поля доставили ломовую лошадь, чтобы она оттащила ландо Льюворнов в колесную мастерскую, находившуюся на перекрестке дорог. Когда разместили пострадавших, во второй линейке нашлось место для Линнет, ее мужа и нотариуса. Итак, все покатили в Трой, а доктор Карфэкс, перемолвившись парой слов с мистером Бозанко, вскочил на лошадь и медленно двинулся за первой линейкой.

ГЛАВА 7 Доктор Карфэкс и дискуссия за ланчем

— Это было слово «Лантиэн», — сказал нотариус, — и парень произнес его четко, на английский манер, сделав сильное ударение на «и», так что следующий за ним звук «э» проглатывается и слово звучит как «Лантин». Я заметил, вы почти так же произнесли его сейчас, и фермер тоже — кажется, его имя Бозанко.

— Именно так мы и произносим его в этих краях, — ответил доктор, осторожно счищая ножом кожуру с лимона. — Насколько я понимаю, вы в некоторой степени филолог, а может быть, еще и историк. Дело в том, что на «лан», «стоу» и «честер» ударение не ставится, что вполне естественно: Морвенстоу, Бридстоу, Ландульф, Ланкелли, Дорчестер.

— Простите, но дело не совсем в этом, точнее, меня изумляет вовсе не это, в данный момент я не думаю о филологии. Разумеется, я знаю свой бретонский язык и немного корнуоллский — вполне достаточно, чтобы правильно поставить ударение в названии любого места, когда вижу его напечатанным.

— Вы скромничаете. — Доктор бросил в чашу с пуншем всю кожуру лимона, срезанную в виде идеальной спирали.

— Предположим, это так. В таком случае я остановлюсь на двух моментах. Во-первых, этот Амиот предугадал слово, неизвестное ему, которое вертелось у меня на кончике языка; во-вторых, что еще более удивительно, он предугадал мое произношение и исправил его. Я бы произнес это название как «Лантэн» — что-нибудь в таком роде.

Доктор Карфэкс наклонился над огнем, чтобы водворить чайник обратно на таган. Он сам предложил месье Ледрю зайти и покурить вместе после обеда, и нотариус с благодарностью принял приглашение, радуясь перспективе побывать в этом уголке мира, в гостях у «оригинала». Но когда его принял учтивый, изысканно одетый джентльмен в прекрасно обставленной библиотеке, у камина, в котором пылал огонь, гость перестроился с быстротой, делающей честь его манерам. Комната была с низкими балками, но просторная, с большим эркером, из которого открывался вид на гавань, и в окно проникал рокот прилива и плеск волн. Над камином висел портрет молодой женщины, выполненный акварелью. Это была единственная картина в комнате, тускло освещенной четырьмя восковыми свечами, стоявшими на столе. Они горели в старинных серебряных подсвечниках, хорошо почищенных. Месье Ледрю также

обратил внимание, что в комнате пахнет лавандой. Аромат исходил от двух больших ваз, которые он только что заметил: одна стояла на столике из полированного дуба, другая — на высоком комод. Стены до самого потолка были в книжных полках, уставленных коричневыми томами; то тут, то там на переплетах поблескивала старинная позолота, перекликаясь с пламенем в камине.

— Давайте рассмотрим обе ваши загадки по очереди, — предложил доктор Карфэкс, отступая к столу и набивая трубку табаком. — Что касается первой, то могу вам сказать, что я вовсе не скептик. Да, передача мыслей — это факт. Кто из нас один, два или множество раз в своей жизни не предугадывал слова, которые собирается произнести другой? По роду моей профессии мне часто приходилось выслушивать исповеди, и на основании накопившихся фактов я могу с уверенностью сказать, что среди супружеских пар, когда муж и жена спят вместе, такое случается очень часто. Когда-то, — он затаился, — когда-то, — повторил доктор, — я частенько отгадывал, что именно скажет кто-либо... Но я рад заметить, что никогда не обладал даром ясновидения.

— Я думал, — сказал нотариус, — об этом мальчике.

Затем он рассказал доктору Карфэксу, откуда взялись рубцы на спине и плечах Амиота, и потом продолжил:

— Допустим на минуту, что одно человеческое существо может предугадать мысль другого и выразить ее в словах. Но это меня не удовлетворяет. Это не полностью объясняет... Я забыл вам сказать, что уже во время нашего путешествия по реке он мне признался, что этот пейзаж: водная гладь и холмы, поросшие лесом, — напоминает ему о каком-то месте, которое он знал когда-то, но не мог сказать, где оно. Когда я стал его расспрашивать, он не мог вспомнить ничего определенного — возможно, видел какое-то похожее место в младенчестве, или это был всего лишь сон. Обнаруживаете ли вы какую-либо связь между этим и тем, что он сорвал слово «Лантиэн» буквально с кончика моего языка? Я имею в виду лишь возможную связь.

— Конечно обнаруживаю. Я также думаю, что этот юноша, у которого не было друзей, пока вы не спасли его с того ужасного корабля, этот несчастный, который был совершенно издерган и вымотан, наверно, неожиданно ощутил, что плывет на лодке в рай.

— Но со сломанной скрипкой.

— Хотя скрипка и была сломана, перед ним открылся настоящий рай.

— Вы только что сказали, — вежливо возразил месье Ледрю, — что в какой-то период своей жизни заранее угадывали, что именно скажет некая

особа.

Доктор Карфэкс вынул изо рта трубку.

— Touché!^[12] В то время я был молод и переживал муки первой любви.

— Ах! — тихонько выдохнул месье Ледрю. — Так вы думаете...

— Нет, не думаю, — отрезал доктор, словно запирая неосторожно приоткрытый ставень. — Нет, не думаю, — повторил он. — Возможно, мне следует сказать вам, что я в некотором роде, по-своему, являюсь человеком науки. О, у меня нет никаких ученых степеней! Можете называть меня натуралистом, если вам хочется загладить своей любезностью мое нелюбезное приглашение войти в дом через дверь врачебного кабинета. Истина заключается в том, что мое парадное крыльцо заняла одна леди — довольно неприятная леди. Вчера она убила своего мужа и съела его. Короче говоря, это садовый паук, чьи повадки я наблюдаю последние две недели. Почему она выбрала мое парадное крыльцо? Почему Лето^[13] выбрала Делос, чтобы произвести там на свет Аполлона? Во всяком случае, я запер парадный вход, дабы не тревожить ее, и прикрепил там табличку с просьбой, чтобы посетители прошли кругом, ко входу во врачебный кабинет.

Доктор Карфэкс поднялся, снял с огня свистящий чайник и сосредоточенно занялся приготовлением пунша в чаше. Эта процедура исключала какие-либо разговоры. Когда она была закончена, доктор взял два бокала с высокими ножками и, быстро поднеся их к пламени свечи, ловко наполнил доверху.

— Оцените, — сказал он, передавая нотариусу дымящийся бокал.

— Вкусно, — сказал месье Ледрю, сделав глоток, и добавил через секунду: — О, удивительно вкусно. Да вы просто художник, доктор Карфэкс.

— Я натуралист, как уже говорил вам. Мой дед тоже был натуралистом, но лучше меня, ибо придерживался только фактов, которые наблюдал, совершенно не теоретизируя.

— Он тоже был доктором?

— О да! У нас в семье было три поколения врачей, и я, бездетный, буду последним в роду. Но все мы, пожалуй, подозревали, что наша практика — чистый эмпиризм и лучшее, что мы можем сделать, каждый в своем приходе, — это облегчить страдания и внушить уверенность, которая облегчает эти страдания. Я говорю не об исключительных случаях или сложных хирургических операциях, а о той загадочной уверенности,

которую может внушить доктор, просто войдя в дом и положив в холле шляпу и перчатки. Итак, все мы, Карфэксы, были врачами, но нас все же занимало нечто находящееся за пределами эмпиризма. Подытоживая все, что мы знали, втайне мы всегда искали в природе какое-то шестое чувство — и у человека, и у паука. Вы понимаете, куда я клоню?

— Начинаю понимать, — с интересом ответил нотариус Ледрю, удобно расположившийся в кресле. В тех случаях, когда старики не рвутся выговориться сами, они — самые лучшие слушатели.

Доктор Карфэкс подошел к буфету, стоявшему в углу, достал из него нечто вроде серебряного кубка с крышкой и, наполнив его горячим пеплом из камина, осторожно опустил в чашу с пуншем, чтобы подогреть жидкость.

— Любопытно, — заметил он задумчиво, — что серебро не вредит пуншу. И сидру тоже. А вот для любого вина металл — яд. Как только самое лучшее вино соприкоснется с металлом, оно безнадежно испорчено, причем мгновенно. — Обернувшись к месье Ледрю, он протянул ему вновь наполненный бокал. — Так вот, как я говорил, или собирался сказать, у вас в голове засело слово «Лантиэн». Во время путешествия по реке ваши мысли были заняты Лантиэном. Кроме того, вы надеялись, вопреки всему, найти остров. Могу я спросить, уж не тот ли остров вы искали, на котором Тристан сражался с ирландцем Морхольтом?

Нотариус вздрогнул, словно от звука выстрела, и с изумлением взглянул на доктора Карфэкса.

— Как! Значит, вы тоже об этом знаете?

— А почему бы и нет? — сухо ответил доктор Карфэкс и, подойдя к книжным полкам, указал на несколько тонких томиков, плотно прижатых друг к другу. Он слегка потянул за один из них, затем водворил его на место и снова повернулся к своему гостю.

— Кто может сказать, какими путями приходят к нам сведения, когда они нас интересуют? Перед тем как стать натуралистом, я собирал книги, и наше Общество антиквариетов, членом которого я был, имело связи с аналогичным обществом по вашу сторону Ла-Манша. Мы передавали трактаты из одного общества в другое, и любимой нашей темой было сходство топографических названий в Бретани и Корнуолле, а также местные легенды. Вначале я был совершенным невеждой. Как большинство корнуэльцев и англичан, я считал, что двор короля Марка находился в Тинтагеле, что Изольда высадилась там, прибыв из Ирландии, — а если вы взглянете на побережье, то поймете, что это невозможно. И только когда я прочитал Беруля...

— Ах! — воскликнул нотариус. — Значит, вы читали Беруля!

— Рукопись двести семнадцать, — процитировал хозяин, — «du fonds français de la Bibliothèque Nationale, le commencement et le fin du poème sont perdus»,^[14] двенадцатый век — самый ранний сохранившийся манускрипт из всего, что написано о Тристане. Да, я читал «Роман о Тристане» Беруля, по крайней мере ту часть, которую профессор ученого общества, о котором я только что упомянул, счел нужным процитировать. Сюжет восходит к шестому веку, а то и ранее, и это сказание передавалось от отца к сыну, скорее, от матери к дочери, пока ваши странствующие трубадуры не подхватили его и не превратили в поэзию.

— Романтизируя похоть и распущенность и превращая их в бессмертную любовь, — прошептал нотариус.

— Можно сказать и так, — ответил Карфэкс, — однако мой опыт врача свидетельствует, что в целом результат был благотворен. Не хлебом единым жив человек, точнее, простите за прямоту, не только совокуплением. Мечтательную сторону натуры тоже надо удовлетворять. Позвольте мне рассказать вам кое о чем. Лет девятнадцать тому назад ждал я в Замке Дор появления на свет младенца — это та самая молодая женщина, которая чуть не погибла сегодня в экипаже, когда лошади понесли, — и когда я бодрствовал под звездами, мне показалось, что я близок к какому-то прозрению. Я не знал, что это такое, разгадка была мне не под силу. И вот, много месяцев спустя, читая вашего поэта Беруля, я обнаружил слово Lancien — древний вариант нашего «Лантиэна» — и осознал, что если его слова верны, то все свое детство — разоряя птичьи гнезда, собирая в лесу куманику и орехи или просто предаваясь праздным мечтам — я ходил по тропинкам одной из величайших в мире историй любви.

— И что же?

Доктор Карфэкс размышлял с минуту, пытаясь оживить прошлое, стертое временем, — лишь аромат его сохранился в лабиринтах памяти, словно цветок, забытый между страницами книги.

— Меня озарило, — ответил он наконец. — Я взял «Роман о Тристане» Беруля — вернее, отрывки из него, напечатанные в журнале нашего общества, — чтобы перечитать его снова в Замке Дор и в лесах Лантиэна, где, по утверждению вашего поэта, Тристан когда-то назначил свидание королеве Изольде. Припоминаю, что там как раз валили дубы ради коммерческих целей какой-то фирмы, контора которой находилась за пределами Бодмина, и стволы свозили на санях к бухте, чтобы сплавлять их бог знает куда. Но в тех местах, где вырубili деревья, удивительно пышно разрослась наперстянка, прикрывая холм и оказывая первую помощь

поруганной красоте.

Он поднялся с кресла и встал у окна, глядя на гавань. Не так уж и притупилась у него память. Он вспомнил, как шмели пили нектар из цветов, как сверкали крылья стрекозы, как внезапно взлетали напуганные голуби.

— Это один из самых чудесных фокусов природы, — продолжал он, — когда после опустошения вырастает дикий цветок. Снесите дом, разрушите город — и на следующий год вы увидите там целое поле одуванчиков. Глядя на изобилие наперстянки, выросшей в разоренном лесу, я размышлял: возможно, почва, когда-то породившая такую историю, как история о Тристане и Изольде, никогда больше не возродит подобный цветок, но все же она не в силах будет позабыть об этом и не удержится от попытки снова дать ростки...

Доктор Карфэкс резко оборвал свою речь и, бросив на гостя быстрый взгляд из-под кустистых бровей, вернулся в свое кресло.

— Простите меня, — сказал он. — Вы видите, я не настолько человек науки, чтобы порой у меня не возникали... романтические теории. Точнее, они возникали у меня когда-то... *Revenons à nos moutons.*^[15]

Нотариус смахнул со своего галстука воображаемую мошку.

— Я не заметил, — мягко возразил он, — чтобы мы от них отвлеклись. А ваши романтические теории, как вы их называете, представляют для такого старика, как я, больший интерес, нежели ваши изыскания, связанные с обычным пауком. Однако скажите: прочитав Беруля, что вы думаете о его топографии?

— Что он был точен, — ответил Карфэкс, — и это можно доказать, исследуя историю старых маноров^[16] и изучая названия мест. Этот Лантиэн, который вы ищете, несомненно, Лансьен оригинального романа. Я верю — а Беруль знал, — что двор короля Марка находился там, где Замок Дор, и оттуда он правил всей этой частью побережья Корнуолла; что Тинтагель, находящийся на севере, никогда не имел никакого отношения к этой истории; что Изольда и Тристан любили и страдали на этом самом месте под деревьями, потомков которых, покрытых зеленой листвой, я покажу вам завтра. Приготовьтесь к тому, что вы увидите простой фермерский дом, а не дворец. По пути я познакомлю вас с еще одним из своих пациентов, который согласно моему предписанию для поправки здоровья изучает грачей, вместо того чтобы принимать лекарства.

Нотариус улыбнулся. Нечасто приходилось ему встречать человека, взгляды которого на жизнь настолько бы совпадали с его собственными,

как в случае с этим врачом из маленького приморского городка на побережье Корнуолла.

— Минуту назад, — признался он, — у меня на кончике языка вертелся вопрос, который может показаться абсурдным. Вы педант в том, что касается научного метода?

— Без него любая догадка — дитя самонадеянности.

— Тогда скажите откровенно: как же вы в таком случае считаете возможным, что определенное место — скажем, вода, лес, старинные здания — может хранить память, чуть ли не мысль и даже порой оглашать это с помощью человеческих уст?

Доктор Карфэкс встал, помешал в камине угли и, подбросив в огонь полено, обернулся к нотариусу.

— Как, сэр? — переспросил он. — Да никто, кроме философа с прочной системой, не стал бы отрицать такую возможность. Видите эту кочергу? Ваш сторонник системы изливает презрение на бедную женщину, которая, после того как разожжет огонь в очаге, вертикально прислоняет кочергу к решетке. Откуда ему знать, как доказать свою правоту? Против него — практический опыт многих поколений женщин, которые всю жизнь помещивали огонь в очаге. Они не знают, *почему* так делают, но они это делают. Все, что ему известно, это то, что он не может объяснить, почему кочерга, поставленная вертикально, должна помочь огню разгореться. Кстати, она часто помогает.

Для иллюстрации доктор Карфэкс прислонил кочергу к камину.

— Словарь человека науки не должен включать слова «невозможно» — так же, как не включал его словарь Наполеона. Откуда нам знать, что ветка не расцветает от удовольствия из-за того, что на нее села птичка? У травинки есть разум. У плюща довольно разума, чтобы виться по стене, осуществляя идею Создателя. Вы полагаете, что они увядают и возрождаются без всяких воспоминаний?

— Растение — это растение, — возразил месье Ледрю. — А вот пейзаж с рекой и лесом — другое дело. Это скопление, сочетание тысяч, миллионов отдельных вещей, что позволяет им даже чувствовать.

— Ну вот! Таковы и вы, и я, и любой кочан капусты. Что-то *может* произойти — скажем, раз в тысячу лет, — и на этом клочке земли все элементы соберутся воедино в тот момент, ради которого, согласно нашей фантастической, но тем не менее вполне научной гипотезе, эта частица мироздания корчится в родовых муках. Однако вы совершили долгое путешествие и устали. Позвольте мне зажечь фонарь и проводить вас в гостиницу. Завтра, если у вас не найдется занятия получше, вы усядетесь в

мою двуколку и позвольте отвезти вас в Лантиэн, я намерен навестить там своих пациентов.

ГЛАВА 8 Предписания доктора Карфэкса

На следующий день ранним утром доктор Карфэкс послал гонца в «Розу и якорь», чтобы сообщить, что он отправится к своим пациентам в одиннадцать часов; что собирается нанести визит и в Лантиэн; что день просто чудесный; что он сочтет за честь, если месье Ледрю составит ему компанию в его двуколке. Нотариус принял это приглашение весьма охотно.

— Кассандра, — сказал доктор, когда они отправились в путь, — вначале ходила под седлом, и теперь, когда ее запрягают, шаг ее — да, старушка? — бывает слегка неровен. Она тоже это знает, и знает также, что это знаю я. По взаимному соглашению она обычно сама решает, с какой скоростью ей следовать, и приспособливает свой шаг к моей привычке читать в пути книгу. Она благоразумно уступает дорогу любому экипажу и даже любому живому существу, встретившемуся ей, исключение составляют свиньи. Если мы вдруг столкнемся со свиньей или священником...

Тут доктор пустился в обсуждение антипатий некоторых животных к другим, особенно среди четвероногих, присовокупив сюда и ряд людских суеверий. Затем он вынырнул из этих глубин на поверхность, издав восклицание по поводу чудесной погоды и поездки, которая у них впереди. Месье Ледрю похвалил плавный ход двуколки, и как раз в этот момент из калитки, мимо которой они проезжали, с неистовым лаем выскочила овчарка, но, заметив в руке доктора хлыст, в ту же секунду ретировалась.

— Однажды, — спокойно произнес доктор, в то время как Кассандра продолжила свой путь, — я преподавал урок этой собаке. Мы называем ее Достопочтенный Доктор Вульгариус.

Он принялся описывать, как лучше всего защититься от нападения одной или нескольких собак.

— Конечно, если у вас с собой окажется толстая палка, нужно бить по передним лапам. Но мой отец зафиксировал в рукописи, оставшейся после него, такой эксперимент: если резко сесть и рассмеяться, это укротит самую злобную собаку, причем мгновенно. Что касается меня, то мне всегда не хватало для этого мужества.

— Chem faisant,^[17] друг мой, — сказал месье Ледрю, когда они покатали меж высоких изгородей, — как вы понимаете этот поразительный вопль, который издал вчера наш юный друг?

— Расскажите. Мне не пришлось его услышать.

— Я стоял тогда на валу, над дорогой, и мне казалось, что его должны были услышать и через три поля.

— А я вот не слышал. Насколько мне помнится, играл духовой оркестр, наши местные любители. Я также припоминаю, что при первых же тактах стая куропаток вылетела из своего укрытия и понеслась через долину. Я их не виню: ведь они не могли, подобно мне, заткнуть уши, чтобы не слышать медь.

— Этот пронзительный крик, — задумчиво произнес месье Ледрю, — не был похож ни на что на свете. Он остановил лошадей так, словно в них выстрелили.

— Этот парень когда-нибудь имел дело с лошадьми?

— Не знаю. Правда, судя по тому, что мне известно о месте его рождения, можно сказать, что его знакомство с четвероногими ограничивалось вьючными осликами.

Они проехали по тропинке, поросшей травой, и почти сразу же очутились перед воротами, за которыми виднелась усыпанная гравием подъездная аллея, а слева, у самых ворот, — сторожка с соломенной крышей. Навстречу уже спешила бодрая женщина средних лет, должно быть узнавшая звук колес двуколки. Она открыла им ворота, приседая в реверансе и одновременно крича через плечо:

— Уильям Генри! Уильям Генри!

На зов выбежал румяный мальчуган лет восьми.

— Уильям Генри, беги-ка вперед и открой ворота для доктора.

— Ох, миссис Карн, миссис Карн! Почему этот паренек не в школе?

— Он мой младшенький, доктор, и уж такой слабенький!

— Я знаю, что он ваш младший, мне ли этого не знать! И знаю также, миссис, что он вовсе не слабенький.

— Сегодня рано утром он так сильно кашлял! Вы бы только слышали!

— К счастью для вас, сэр, я этого не слышал. — Доктор погрозил мальчику хлыстом. — Это может ударить побольнее, чем розга учителя. Ну давай же, беги.

Мальчишка стремглав помчался вперед. Поначалу они ехали по аллее, которую образовывали высокие деревья, затем свернули к воротам, откуда открывался вид на широкое поле. Слева виднелось пастбище, круто спускавшееся к крошечной бухте, а на дальнем берегу — пасторальный пейзаж с парой ферм и дальше — высокая гора с Замком Дор, которая четко вырисовывалась на фоне неба. Где-то далеко внизу скорее угадывалась, нежели была видна река, а за ней — леса.

Доктор осадил лошадь, когда мальчик открывал следующие ворота.

— Вы слышали, как я только что сказал, — заметил он своему спутнику, — что я точно знаю: это младший ребенок той женщины? Она мать семерых и аккуратно платила мне за каждые роды, когда я принимал следующие. «А за последнего, — хвалилась она соседям, — я не заплачу, вот вам крест». И она не заплатила, черт возьми! Уильям Генри подпадает под закон о сроках давности. Да, занятый народ живет в этих краях, но и чудесный — чем больше их узнаешь, тем больше уверяешься в этом.

— Меня поражают их искренность и вежливость. И они странным образом похожи на народ моей родной Бретани.

— Вежливость — да. Но искренность?.. Ну что же, снова да, если вы до нее доберетесь. Но вам придется копать глубоко, чертовски глубоко, чтобы добраться до этого пласта — вплоть до «печального, забытого былого», как сказал Вордсворт.^[18] Мы — древняя раса, сэр, искренняя и жизнерадостная в своем кругу, и особенно жизнерадостная и ребячливая со своими собственными детьми, но при этом мы очень скрытные и браки заключаем только между своими.

— «Печальное, забытое былое», — тихим эхом отозвался месье Ледрю, но доктор его не слушал.

— Сомневаюсь, — сказал он, — смог бы врач общей практики прокормиться в этих краях, если бы не следовал моему примеру: экономить на лекарствах и позволять большинству пациентов умирать естественной смертью. Слышите этих грачей на соседнем поле?

— Я их слышу — всего несколько.

— С наступлением ночи вы сможете услышать пару сотен. Грачи еще один из моих рецептов, предоставленных природой, причем и для богатого пациента. И я собираюсь вскоре использовать его самого в качестве рецепта для другого больного. Вам нужно с ним познакомиться. Его фамилия Трежантиль, а это место называется Пенквайт.

Доктор Карфэкс бросил лукавый взгляд на своего спутника.

— А вот это, — продолжил он, — я оставил pour bonne bouche.^[19] Вон там, на мысу, — он указал хлыстом налево, — леса Лантиэна. Они тянутся по холму до самого Лантиэна, который находится в долине. Между прочим, мы их исследуем.

— Мы не пойдем в дом, — инструктировал доктор Карфэкс Уильяма Генри, — если мистер Трежантиль занят в своей беседке, как я и предполагаю. Закрой за нами ворота, сын мой, пока мы будем высаживаться, и присмотри за Кассандрой, чтобы она не попала в беду.

Ребенок робко усмехнулся. Доктор помог высадиться месье Ледрю и спустился сам. Кассандра, предоставленная самой себе, побрела на берег и принялась щипать траву.

Дорога здесь, на третьем лугу, довольно круто шла в гору, огибая склон холма. На вершине она была защищена двойной полосой из деревьев. Туда-то и направился доктор, шагая по дерну. Месье Ледрю следовал за ним. Внутренняя полоса деревьев состояла из буков, крепких и не очень высоких, которые были высажены полукругом; внешняя — из вязов, они были гораздо выше. На них виднелось множество грачиных гнезд.

Из-за буковых стволов вышел высокий мужчина и остановился, поджидая их, на самой вершине.

— А, я так и думал, — сказал доктор и, приблизившись, добавил: — Я привез гостя, из Бретани. Позвольте его представить: это месье Ледрю.

Мистер Трежантьиль поклонился. Они еще не приблизились настолько, чтобы можно было обменяться рукопожатиями.

— Позвольте мне избавить месье Ледрю от необходимости и дальше карабкаться в гору, я провожу его в дом, — предложил мистер Трежантьиль.

Это был худой мужчина средних лет с удивительно тонкими ногами, что было хорошо видно снизу. У него был нездоровый желтый цвет лица и изнуренный вид.

— Нет, ни в коем случае, — возразил доктор. — Вы войдете в дом не раньше, чем оттуда исчезнет коричневый шерри. Для вас, который будет настаивать на том, чтобы мы разделили его с вами, это самый пагубный напиток, какой только можно вообразить. — Он повернулся к нотариусу. — Мне следует объяснить, что мистер Трежантьиль почти совсем загубил свою печень в результате тридцатилетнего проживания в Индии. Но я ее подлечиваю, слава богу! — Затем он обратился к мистеру Трежантьилю: — Есть какой-нибудь отчет о грачах за сегодняшнее утро?

— Очень небольшой. Сегодня утром они улетели в семь пятнадцать — в Лантиэн и дальше. Я набело переписал свои заметки и как раз заканчивал ежедневную карту, когда услышал стук колес вашего экипажа.

— Проводите нас в беседку, мне хотелось бы взглянуть на эти бумаги.

— Вы прервали меня, доктор, когда я приводил их в порядок.

— Это неважно. У вас уже более здоровый вид, и у меня есть к вам поручение, которое будет только способствовать вашему выздоровлению.

Мистер Трежантьиль взглянул на него с подозрением.

— Если бы вы только знали, как я страдаю ночью, — жалобно произнес он.

— Я прекрасно это знаю. И моя задача — вас вылечить, но постепенно, вы же понимаете. Пойдемте в беседку и посмотрим сегодняшнюю карту и записи.

Мистер Трежантиль, пробираясь между буками, отвел их в беседку, крытую соломой, из которой открывался отличный вид на грачиные гнезда. Месье Ледрю показалось, что беседка размещена здесь вовсе не случайно: отсюда нельзя было увидеть ничего, кроме этих гнезд. Из мебели здесь стояли только скамья, плетеное кресло и грубо сколоченный стол, на котором в идеальном порядке размещались телескоп, бинокль, принадлежности для письма, стопка маленьких записных книжек, коробка с сигарами и несколько листов рукописи, придавленных бронзовым пресс-папье. Мистер Трежантиль предложил нотариусу присесть на скамью, извинившись, что на ней нет подушек, в то время как доктор без всякого приглашения уселся в кресло, надел очки, взял бумаги и, произнеся «Хм!», стал их молча просматривать. Однако после второй страницы он откинулся на спинку кресла и начал читать вслух:

— «День чудесный и теплый — почти как в середине лета. Многие вернулись после завтрака в шесть утра. С шести до семи утра и позже они были удивительно шумными и бойкими. Галки, летавшие стаями, галдели еще громче, чем грачи. Осенняя заметка о птицах относительно перемены, которую различило мое ухо начиная с шестнадцатого или семнадцатого августа, теперь подтвердилась. Она указывает на возврат к их зимним привычкам после того, как они вывели птенцов...»

Доктор Карфэкс остановился и поправил очки.

— Вы учитесь, Трежантиль, — прокомментировал он. — Но вам не следует писать «она указывает». Скорее всего, так и есть и ваше наблюдение верно, но оно просто устанавливает связь между двумя фактами. Когда вы смело заявляете, что один из них — причина, а другой — следствие, то выходите за рамки точных сведений и выражаетесь как юрист.

Доктор аккуратно сложил бумаги и прижал их бронзовым пресс-папье. Потом не спеша набил трубку и затянулся.

— А теперь послушайте меня, Трежантиль, — медленно произнес он между затяжками. — За последние восемнадцать месяцев вы необычайно выросли как наблюдатель, и более того, хотя вы и не признаете это сразу, вы практически здоровый человек. Продолжайте вести дневник. Но теперь я предписываю вам прогулки, начнем, пожалуй, со следующего понедельника. Каждый день вы должны будете ходить пешком в Лантиэн и обратно.

— Что вы, доктор! — запротестовал мистер Трежантиль. — Это же около четырех миль, да еще нужно обогнуть бухту.

— И я не советую вам сокращать путь, переплыв ее. Вы здоровый человек, за исключением ваших нервов и печени — в них корень зла. Вы уже достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы окончательно восстановить здоровье с помощью посильных упражнений, и должны завершить свое лечение с помощью ежедневных прогулок в Лантиэн.

— Но я, пожалуй, не смогу...

— Вы сможете, и вы это сделаете. Вы возьмете под мышку томик «Робинзона Крузо», а по прибытии миссис Бозанко напоит вас молоком.

— Но почему «Робинзон Крузо»?

— Потому что у меня там пациент, парень из Бретани, и обучение его английскому языку станет частью вашего окончательного излечения. Он кое-что знает о море, и я думаю, для человека с вашим интеллектом «Робинзон Крузо» в качестве учебника подойдет как нельзя лучше. Как только вы научите этого парня говорить по-английски, а быть может, и немного писать, у вас будет помощник, который сможет делать для вас записи; и таким образом вы соберете сведения о том, что именно делают грачи, когда ежедневно улетают в леса Лантиэна.

— Я сомневаюсь, доктор, что смогу справиться с этой задачей.

Доктор Карфэкс потер нос указательным и большим пальцами.

— Пути науки, — произнес он серьезно, — редко бывают легкими. Вначале — небольшая доза противовоспалительного в виде бренди с содовой. Пинта легкого вина по возвращении и заслуженный сон до чая.

— Если я смогу таким образом оказать вам услугу, доктор...

— Итак, договорились!

Доктор и месье Ледрю, отказавшись от второго предложения гостеприимного хозяина, направились обратно к двуколке. Уильям Генри открывал им ворота, а возле сторожки застенчиво принял пенни и выслушал предсказание, что он плохо кончит, как и все маленькие мальчики, которые увивают от школы.

ГЛАВА 9 Лантиэн

Отъехав на несколько ярдов от сторожки, доктор Карфэкс свернул с дороги на тропинку, которая, казалось бы, возвращала их назад: она была почти параллельна подъездной аллее, которую они только что покинули. Однако, обогнув насаждения у входа, тропинка отклонилась в сторону и пошла вниз, в долину, по опасному склону, изрезанному колеями. Хотя Кассандра шла уверенным шагом, она два-три раза поскользнулась при спуске, и при каждом толчке месье Ледрю вцеплялся в поручни двуколки. Но тем не менее он заметил, что по левую руку все выше и выше вздымается гора, а на самой ее вершине, словно корона, вырисовывается на фоне неба Замок Дор, поросший колючим кустарником. Внизу тропинку пересекал шумный ручей, берущий свое начало в рощице бузины и уходивший через папоротник направо. Через него был перекинут узенький мостик. Кассандра вошла в ручей и остановилась на середине, чтобы попить — это право предоставил ей доктор Карфэкс (судя по всему, он делал это всегда).

— Этот ручей, сэр, — заметил он, пока кобыла пила, — на картах не имеет названия, но местные старики зовут его озеро Дерейн. Он берет начало у подножия горы с Заком Дор и, проделав небольшой путь, направляется к бухте Вудгейт-Пилл, справа от нас, внизу, где и впадает в реку. Странное название — «озеро Дерейн», никто не знает его происхождения. Могу лишь сказать, что тот старик, который познакомил меня с этим ручьем, подтвердил, что когда-то, давным-давно, здесь действительно было озеро. Вон там, за рощицей бузины. Озеро с лебедями, и будто бы его создал король. Каково? Озеро Дерейн — *lac de reine!*^[20] Какой смысл гадать? Но тот же старик рассказал мне еще более любопытную вещь. Вперед, Кассандра! У тебя уже полное брюхо воды!

За ручьем опасная дорога шла в гору — теперь это была поросшая травой тропинка, следовавшая изгибам берега, который был скрыт лесом. Слева вдоль тропинки стояли ореховые деревья, ветви которых нависали над головой.

— Хороший год для орехов, — заметил доктор Карфэкс, указывая на деревья. — В этих краях есть поговорка: хороший год для орехов — хороший год для незаконнорожденных. Я ни разу не воспользовался возможностью проследить эту связь.

Доктор Карфэкс жестом предложил месье Ледрю выйти из двуколки и

позволил Кассандре свободно пастись на травке, поступая с двуколкой как ей заблагорассудится. Он направился к калитке, за которой был круглый луг. И тут им открылся вид, от которого у месье Ледрю захватило дух.

Перед ними была безмятежная река, а за ней, отражаясь в воде, стояла серая церковь, среди вязов, возвышавшихся над крошечной пристанью. Лес наверху, слева и справа, тоже смотрелся в зеркало воды. В нем были видны даже цапли, укрывшиеся в листве: ранний прилив помешал им ловить рыбу на песчаных отмелях.

Да и луг, на котором месье Ледрю оказался вместе со своим проводником, ничуть не меньше тревожил воображение. Он представлял собой два круга с глубокой ложбиной между ними, на дне которой была рощица, откуда доносилось журчание родника.

— Что касается этого луга, — сказал доктор Карфэкс, взмахнув рукой, — то его называют — уж не знаю, по какой причине, — Парк Грома. Но тот же самый старик, что поведал мне об озере Дерейн, рассказал также, что в стародавние времена один король (он не мог сказать, был ли это тот же самый король) искусственно создал этот красивый луг, так, чтобы он походил на груди его невесты. Вот и все, что он мог мне сказать, и это все, что могу сказать я.

— У великих монархов бывали подобные фантазии, — пробормотал месье Ледрю. — Это не...

— Да, это цитирует Монтень. Я тоже знаю эту ссылку.

— Не понимаю, в чем дело, — признался нотариус, — но с того самого момента, как мы переправились через ручей, который вы называете озером Дерейн, на меня давит какая-то странная тяжесть.

— Вы имеете в виду тяжесть на душе, упадок духа?

— Нет... — словно размышляя, ответил месье Ледрю. И вдруг, вздрогнув, повторил: — О, вовсе нет. Это скорее тяжесть в голове, она давит на мозг и мысли, а ноги у меня стали словно ватные. — Приподняв шляпу, он провел рукой по лбу. — Так бывает, когда не можешь вспомнить чье-либо имя и мучаешься, пока память его не подскажет.

— Давайте вернемся к Кассандре, — предложил доктор Карфэкс. — Теперь дорога пойдет под гору до самого Лантиэна.

Пока они беседовали, на тропинке показалась молодая женщина, она верхом направлялась в Трой. Всадница поравнялась с ними, когда они уже собирались сесть в двуколку. Солнечные блики, пробивавшиеся сквозь ветви деревьев, скользили по наезднице и ее гнедой лошади. На губах женщины играла счастливая улыбка, которую она пыталась сдерживать.

— Доброе утро, миссис Льюорн! — Доктор Карфэкс, подобрав

поводья, снял ногу со ступеньки двуколки и приподнял шляпу.

— Доброе утро, доктор. И еще раз доброе утро, сэр, — поприветствовала всадница месье Ледрю, который уже сидел в двуколке.

— Вы, конечно же, возвращаетесь от нашего больного? Ведь вы его посетили?

— Посетила Лантиэн, чтобы справиться о нем, уточнила Линнет. — Я его не видела — то есть не беседовала с ним. Ночью он неважно себя чувствовал, но часам к двум забылся и все еще спит.

— Это хорошо.

— Миссис Бозанко ухаживает за ним как ангел. Я подумала, что нужно заехать туда пораньше.

— Правильно. Однако должен сказать, что вы проявили смелость, поехав верхом на Мерлине, после всего, что они натворили вчера. Да и вообще он не очень-то подходит для верховой езды.

— Да, это так. И по правде сказать, доктор, я с ним намучилась, пока сюда доехала. Но если лошадь один раз понесла, то чем скорее вы начнете отучать ее от этого, тем лучше. Я узнала это, когда была еще совсем юной.

— И как только муж вам разрешил?

— Мой муж даже не знает об этом! С какой стати ему знать?

Она рассмеялась и, подняв хлыст, поскакала дальше.

Ферма находилась в уединенном месте, у подножия поросших лесами холмов Лантиэна. Из боковых окон была видна недавно проведенная железнодорожная линия, по которой с грохотом проезжали поезда, ныряя в туннель.

Ферма, которая сама была почтенного возраста, стояла неподалеку от площадки старого манора и сохранившихся будок, в которых знать держала своих собак. А этот дом в поместье был построен на несколько веков позже давно исчезнувшего дворца, следы которого отправился разыскивать месье Ледрю.

— Но какова площадка, друг мой! — воскликнул он, когда двуколка, медленно покачиваясь, двинулась под гору. В некоторых местах умная лошадка Кассандра притормаживала. — Какова площадка для того времени! Дворец стоял где-то поблизости, в укромном месте. А на горе, где Замок Дор, был лагерь, чтобы наблюдать за морем и переправой через реку и вовремя докладывать о набеге. Здесь же, в укрытии, — королевское поместье!

Доктору Карфэксу было занято представить своего друга хозяйке фермы, миссис Бозанко, которая ни в малейшей степени не походила на

обычную жену фермера из Бретани, и наблюдать, как он изящно перестраивается. Миссис Бозанко была культурной женщиной и одной из тех редко встречающихся особ — правда, не столь редких в этом краю, — которые, выйдя замуж за сельского жителя, преданно перенимают традиции этой земли и, пустив в ней корни, все же приносят изысканность и утонченность. В ее саду цвели поздние осенние цветы, прекрасно ухоженные. Порог ее дома был безукоризненно чистым. Дальше — большой холл, старинный, с маленьким очагом, где пылал огонь, и вазой на столике, в которой красовались хризантемы из собственного сада. Слева от камина была лестница, устланная розовым ковром, она вела в гостиную.

Доктор Карфэкс, улыбаясь про себя, оставил месье Ледрю разбираться в новых впечатлениях и поднялся по широкой отполированной лестнице в спальню к своему пациенту.

Амиот лежал в постели и дремал, как и сказала миссис Льюорн. Доктор осторожно разбудил его.

— Вам нужно совсем немножко подвигаться — я просто хочу убедиться, что мои повязки хорошо держатся, и забинтовать пару порезов. А, вот и вода — фу ты, черт, горячая! — и губка, и корпия. Должно быть, хозяйка услышала, как Кассандра ползет с горы.

Юноша что-то пробормотал по-бретонски.

— *Ne m'éveillez donc pour l'amor de Dieu!* — Речь его стала бессвязной. — *Ah non, patron! Je viens de Paradis...* [\[21\]](#)

Он снова умолк, казалось, он спит.

— Интересно, — размышлял доктор вслух, накладывая корпию, — действительно ли эта молодая женщина удовлетворялась тем, что заглянула в дверь?

Внизу, в холле, он обнаружил миссис Бозанко, которая расстелила карту на столике перед месье Ледрю.

— Это досталось нам вместе со всей собственностью, — объясняла она, — которую купил мой муж. Сегодня его нет дома, он уехал на рынок, где продают скот. Он бы объяснил лучше, чем я, ведь он знает все эти поля с детства. Вы изучаете эту карту, джентльмены, пока я накрою на стол? Потому что вы непременно должны доставить мне это удовольствие! И прошу вас, вы должны остаться, доктор, чтобы взглянуть на детей, когда они вернутся из школы.

Она не упомянула о чужом парне, к которому отнеслась с такой добротой. Еще будет достаточно времени поговорить о нем и его положении, пошептавшись с доктором в дверях. К тому же по выражению лица доктора она поняла, что нет оснований для тревоги.

Она уже направилась к двери, когда доктор Карфэкс, который, перегнувшись через плечо месье Ледрю, изучал карту, вдруг ткнул в нее указательным пальцем:

— Боже мой, взгляните на это!

— Что такое?

— Разве вы не видите? То самое место, где калитка перед полем, обозначено как «Ворота Марка» — Ворота Марка! Ворота короля Марка! О, да это решающий довод! А Вудгейт — другой подход к полю, с реки, через лес — каково? А взгляните сюда! — Доктор постучал большим пальцем по еще одному полю на карте. — «Дверь вора» — и, если мы правы, то это как раз там, где должна была находиться потайная калитка. Да, «Дверь вора», ведущая на угол «Луга священника»! О, это грандиозно!

— Вы говорите слишком быстро, друг мой, — запротестовал месье Ледрю, но его плечи затряслись. — А скажите, мадам, что тут такое — коричневое, продолговатое, отмеченное как раз на реке?

— Это означает что-то вроде острова, сэр. Я никогда не слышала, чтобы у него было название. Он находится вот здесь, недалеко от виадука...

— Нечто вроде речного островка, как мы это называем, — вставил доктор Карфэкс.

— Остров — речной островок! — Месье Ледрю вскочил со стула. Теперь в нем не осталось и следа от давившей на него тяжести. — Мы нашли это, доктор! — вскричал он и потащил Карфэкса к дверям. — *Mon Dieu*, ^[22] мы нашли! Ведите меня, покажите мне его!

— Но пироги в печи как раз покрылись корочкой, джентльмены, и дети вернутся домой через несколько минут, — возразила миссис Бозанко.

— Ах! Простите нас, мадам! Этот остров ждал на тысячу лет дольше, чем ваши превосходные пироги!

Доктор Карфэкс, смеясь, вывел своего спутника из дома, и они начали спускаться к виадуку.

Это действительно был остров, хотя и отделенный от берега всего лишь узкой протокой, через которую можно было перебросить камень; маленький, длинный, узкий остров длиной в четверть мили, а может, и того меньше. Из растительности здесь была лишь свалывшаяся соленая трава, посеревшая из-за того, что ее затопляли весенние приливы. Цапля, которой помешали охотиться за рыбой, с криком неуклюже взлетела и направилась к дальнему лесу.

— Настоящий остров! — медленно повторил месье Ледрю, понизив голос, — в груди у него все пело. Затем добавил: — Давайте воссоздадим

всё! Эти старые авторы романов по привычке преувеличивали, но они опирались на факты.

Все утро он играл вторую скрипку при докторе Карффэксе. Но сейчас голос его уже не дрожал, старческий дискант сменился сильным баритоном, и, казалось, он стал даже выше ростом.

— Смотрите! — приказал он. — Вы знаете эту историю: как Морхольт прибыл ко двору короля Марка, сюда, чтобы собрать дань для короля Ирландии; и как, пока Марк колебался, молодой Тристан встал и вызвал ирландского посланника на поединок, чтобы решить этот вопрос; как вызов был принят и как выбрали остров для поединка; и как два рыцаря прибыли туда, каждый на своей лодке. Марк и его двор собрались на берегу в качестве зрителей. Где — если допустить, что его дворец стоял вон там, в высоких лесах, — где, я вас спрашиваю, можно найти место, более точно совпадающее с этой историей, нежели этот остров, на который открывается вид вон с того склона?

— Ваши слова звучат убедительно, — ответил доктор, — но мне кажется, что этот остров был, скорее, одной из песчаных отмелей, которые обнажаются с окончанием прилива, — они находятся вон там, на главной реке. Впрочем, неважно. Беруль, если вы помните, никогда не упоминает поединок, но Готфрид Страсбургский, переделывая поэму Томаса, детально описывает этот эпизод. О да, поединок мог иметь место и на песчаной отмели между Сент-Сэмпсоном и противоположным берегом, и на банке возле Сент-Винноу, и на этом вот островке, если вы предпочитаете его. Пойдемте, у вас было более чем достаточно волнений для одного утра. Давайте вернемся на ферму и посмотрим, что приготовила для нас добрая миссис Бозанко. Помнится, она говорила о пирогах.

Месье Ледрю укоризненно взглянул на доктора.

— Мы с вами сделали открытие исторического значения, — торжественно произнес он, — а вы поглощены насущными заботами.

— Если это и так, — ответил доктор Карффэкс, — то вы должны винить мой профессиональный глаз. Вы дважды споткнулись, когда мы спускались с холма к виадуку, и я подозреваю, что, подобно всем французам, вы позавтракали одним лишь кофе.

Он решительно повернулся к острову спиной, и нотариус неохотно последовал за ним. На обратном пути в Лантиэн нотариус попытался воссоздать картину, которая открывалась здесь взору несколько столетий назад, когда речушка перед ними была полноводной рекой, притоком большой реки, и несла свои воды прямо под окнами королевы, перед древним дворцом Лансьен, располагавшимся недалеко от нынешнего

фермерского дома, у кромки воды, — это описано даже у Беруля. Именно здесь, у подножия холма, поросшего лесом, где сегодня большой железнодорожный виадук, при лунном свете томилась в ожидании королева Изольда, и тень ее возлюбленного Тристана, с пальцем, прижатым к губам, предостерегала ее, чтобы она молчала, ибо король, ее муж, прятался совсем рядом.

— Они назначили свидание во фруктовом саду, — шептал месье Ледрю, — и — о чудо! — вот он, сад, он есть и сегодня, но нет оливы, под которой лежали, спрятавшись, карлик Мелот и король... Да, оливы нет.

Его взгляд задержался на одичавших яблонях, искривленных временем, древних, с ветвями, покрытыми лишайником. Его спутник, от зоркого глаза которого не укрылся этот монолог *sotto voce*,^[23] проследил за его взглядом и улыбнулся.

— Нет, ваши глаза вас не обманули, — сказал доктор, — там есть яблоки, но нам до них не дотянуться, да они еще и недостаточно спелые, чтобы их рвать. Я как-то раз попробовал их. Кассандре они нравятся, а я нахожу их кислыми. Бозанко, у которого чудесный сад рядом с фермой и который знает о яблоках больше, чем кто бы то ни было, не может определить, что это за сорт. Он считает, что это гибрид. Да, я знаю, о чем вы думаете. Этим деревьям может быть восемьдесят лет, но уж никак не тысяча. Однако люди в этом краю консервативны. Мы склонны возделывать землю и сажать растения там, где до нас это делали наши предки. — Перегнувшись через узкий ручей, он отломил с дерева веточку и бросил ее в воду. Веточка медленно завертелась и, подхваченная течением, поплыла и скрылась из глаз.

— Вот так ветка проплывала мимо женских покоев дворца, — прокомментировал доктор, — и на ней были вырезаны инициалы «Т» и «И». А королева Изольда и ее служанка Бранжъена таким образом узнавали, что на берегу нет посторонних.

— Бранжъена, ее верная служанка и наперсница, — вставил нотариус, — из-за небрежности которой любовное зелье, изначально предназначавшееся для короля Марка и его невесты, было выпито невестой и Тристаном.

Доктор хмыкнул.

— Если бы я так же путал рецепты, — он промокнул влажную туфлю тонким батистовым платком, — то число пациентов у меня в приемной возросло бы вдвое. А может быть, и нет, — добавил он задумчиво. — Может быть, стоит попробовать. Доза лекарства от колик для младенцев могла бы пойти на пользу Тиму Уди — как знать? А в бутылочку для

младенца можно налить эль Тима — но смотрите, сюда идут юные Бозанко, чтобы нас поприветствовать. У них очень хорошие манеры. Девочка еще мала, чтобы осознать, какая она хорошенькая, а мальчик все еще верит в фей и любит леденцы от кашля.

Он помахал рукой двум детям, спешившим к ним с горы, и его спутник вздохнул. Придется отложить воссоздание древнего дворца Лантиэн ради детского лепета.

Если бы только нотариус знал, что это был за лепет!

— Интересно, кто он.

— Кто?

— Ну этот старикан, с доктором.

— А мне интересно, где только ты набираешься этих вульгарных слов. «Старикан» — ну и ну! Я бы попросила тебя вести себя прилично. Особенно сейчас, когда никто не знает, что в этот момент происходит с тем молодым человеком, в спальне для гостей. Мама мне сказала, что это молодой человек, и у меня есть идея.

— Расскажи мне.

— Если ты спрашиваешь *меня*, — сказала Мэри, — то я думаю, что папа с мамой что-то скрывают, а этот молодой человек умрет. Если ты спросишь *меня*, то этот старый джентльмен пришел вместе с доктором для консилиума.

— Думаешь, будут похороны? — размышлял Джонни. — Надеюсь, не в субботу — тогда это займет все выходные.

— Не волнуйся. Сегодня четверг, и мама этого не допустит, потому что мне нечего надеть. Кроме того, сначала должна быть операция.

— Точно?

— Обычно так бывает. А потом пациент начинает поправляться, но дальше — рецидив. Так что самое раннее — следующий четверг.

— Вот что я тебе скажу, — загорелся Джонни, — мы можем сегодня попрактиковаться на Араминте, с моим новым ножом.

— Попрактиковаться в чем?

— Сделать операцию. Она старая, и, когда ее берешь в руки, сыплются опилки. Мы можем сделать вид, будто оперируем ее из-за этого. А из-за твоих поцелуев с нее облезла вся краска, так что она будет выглядеть настоящим пациентом.

— Мне совсем не нравится эта идея.

— А потом мы могли бы устроить похороны, — продолжал искуситель.

— Вообще-то, я уже слишком большая, чтобы играть в куклы, —

сказала Мэри, но глаза ее заблестели. — Я об этом подумаю. Чего не понять ни одному мальчику, так это того, что существует такая вещь, как чувства.

И дети понеслись с горы.

В тот вечер месье Ледрю отправился спать вскоре после обеда. За окном его комнаты еще медленно угасал дневной свет, но на ночном столике уже горела свеча. Полулежа на подушках, старый нотариус, не прибегая к помощи очков, изучал карту. Свет от свечи мерцал на столбиках кровати, оставляя в полутьме дальний угол комнаты и слабо освещая резной орнамент из гранатов и балки у него над головой.

Легкий стук в дверь прервал его размышления. Через некоторое время стук повторился, на этот раз громче.

— Entrez!^[24]

Дверная ручка повернулась, и в комнату проскользнула служанка Дебора, держа в руках маленький поднос. Она поставила его на столик у изножья кровати.

— Хозяйка шлет вам поклон, сэр. Она заметила, что у вас был усталый вид, когда вы вернулись сегодня днем, и просит принять этот укрепляющий напиток.

— Она подала мне восхитительное вино за обедом, — ответил месье Ледрю. — Но я ведь иностранец, и если таков обычай в вашей стране...

— Вы не должны недооценивать это и считать чем-то обычным, сэр. В нашем доме, как я слышала, есть хорошие вина и очень старые крепкие напитки. Но этот напиток — особенный, его секрет хранится в семье хозяйки. Я никогда не видела рецепта, поскольку она заперла его в своей шкатулке с драгоценностями. И я никогда не пробовала ни глоточка этого укрепляющего средства. И ни одна девушка не должна его пить — только в свою брачную ночь, — добавила Дебора. — Можно мне одолжить у вас свечу, сэр? Потому что это нужно пить с горячей водой — как можно горячее, насколько вы можете вытерпеть. У меня здесь маленькая кастрюлька, спиртовка и спички. Но мне нужно больше света, не то я перелью через край.

Считая разрешение само собой разумеющимся, она взяла свечу с ночного столика месье Ледрю и перенесла ее на другой, стоявший у изножья кровати. Она ступала совсем неслышно, словно на ней были тряпичные комнатные туфли. Месье Ледрю, приподнявшись на локте, наблюдал за служанкой. Когда она зажгла спиртовку и держала кастрюльку над синеватым пламенем, вид у нее был жутковатый: бледное лицо с

темными бровями приняло синеватый оттенок. Ее платье было невозможно разглядеть — настолько темно было в этом углу.

— Это не займет много времени, — заверила она его, не отрывая взгляда от пламени спиртовки. — Кастрюлька из серебра, она быстро нагреется. Это тоже входит в рецепт напитка — во всяком случае, так говорит хозяйка.

— Как ее девичья фамилия?

— Она была Константайн. Говорят, что Константайны родом с Востока и когда-то они были королями.

— Константайн?

— Да. Бояться не нужно: напиток в основном состоит из неразбавленного бренди, как она говорит. Я видела, как в первую брачную ночь она предложила бокал этого напитка мистеру Льюорну, но он не захотел его выпить, сказал, что уже выпил достаточно шампанского. Ну вот, сэр... И поверьте мне, хозяйка таким образом старается выказать вам свое уважение.

Она бесшумно вернулась к ночному столику со свечой в одной руке и бокалом на высокой ножке, от которого шел пар, — в другой.

— Благодарю вас, мадемуазель — а-ах! — произнес месье Ледрю, отхлебнув и вспомнив пунш доктора Карфэкса. — Однако в этом краю готовят самые восхитительные напитки. Смочите в нем хотя бы губы, моя дорогая.

— Это запрещено, — ответила Дебора, наблюдая, как он пьет.

— Но это же просто чудо! — воскликнул он, возвращая ей пустой бокал. — Это действительно eau-de-vie.^[25] А я был очень усталым, признаюсь вам. Как ваше имя, дочь моя?

— Дебора, сэр.

Позвякивая посудой, она собирала на поднос все, что только что принесла.

— А ваша фамилия?

— Бранжъен.

— Повторите.

— Бранжъен — о, да вы уже почти спите. Произнести по буквам? Б-р-а-н-жъ-е-н.

Она удалилась так же тихо, как вошла. Месье Ледрю, откинувшись на подушку, какое-то время сосредоточенно созерцал дубовую балку. Напиток несомненно был очень крепким. Он был снова молод, и старая резная балка была молода, на ней появились бутоны, усики и зеленые побеги. У него еще хватило сил задуть свечу, перед тем как погрузиться в сон, в котором

портъеры на окне, которые шевелил слабый ночной ветерок, таинственно что-то шептали и превращались в ветви непроходимой лесной чащи.

ГЛАВА 10 Зелье без яблочных зернышек

Неделей позже доктор Карфэкс обедал и ночевал в «Розе и якор» в качестве гостя месье Ледрю. Они нанесли еще два визита в Лантиэн, где пациент быстро выздоравливал. Нотариус съездил в Плимут, откуда вернулся с легким, но объемистым пакетом.

— Это прощальный подарок, — объяснил он доктору, — и я прошу вас отдать это ему завтра, с приветом от меня. Это приличная скрипка, с элементарными указаниями и упражнениями; здесь также запасные струны. Этот инструмент и запасные струны, несомненно, удивят его сначала, но попытки научиться играть на ней помогут скоротать время до полного выздоровления.

— Уж не знаю, помогут ли они скоротать свободные часы миссис Бозанко. Зачем это вам потребовалось подвергать ее такой пытке? — сказал доктор. — Но поскольку вы завтра отбываете, то, вероятно, предоставляете мне разбираться с последствиями?

Месье Ледрю улыбнулся:

— Судя по тому, что я узнал о вас, мой друг, вы охотно выполните это поручение... и, надеюсь, еще одно.

— Хм... пожалуй, я догадываюсь, о чем речь. Вы хотите, чтобы я на досуге порылся в архивах, картах и реестрах на предмет какого-нибудь названия — с помощью «Книги судного дня»^[26] или без оной, — которое встречается у Беруля, или у Готфрида Страсбургского, или в каком-нибудь еще conte^[27] или lai^[28] о Тристане. Так? И сообщил бы вам?

— Могу я рассчитывать на эту дружескую услугу?

— И, могли бы вы добавить, на мое любопытство. Да, можете. Но должен вас предупредить: я занят, но деятелен; усерден, но ленив; раб своих бедных пациентов, но в остальном — раб или господин своих собственных капризов.

— Во всяком случае, я могу на вас рассчитывать? — спросил нотариус.

— Можете, — ответил доктор, лукаво взглянув на своего собеседника, — разве что у нас с вами, как у Беруля, Готфрида Страсбургского и остальных, внезапно оборвутся поиски подлинного Тристана. Любопытное совпадение: ни один поэт — или назовем его исследователем — не дожил до того, чтобы закончить эту историю. Его труд обычно заканчивал кто-нибудь другой.

Месье Ледрю улыбнулся.

— Что касается этого, — заметил он, — я рад оставить свою часть исследования в ваших надежных руках. И помните, что единственным поэтом, завершившим свою поэму, которая была утрачена, был Кретъен де Труа — так что, быть может, Карфэкс из Троя... — Он помедлил и, передав доктору графин, добавил: — Труа и Трой. Вы должны признать, что тут есть некоторое сходство.

Но доктора было не так-то легко одолеть.

— Я не желаю иметь ничего общего с вашими филологами и *peut-êtres*,
[29] — твердо заявил он. — Передайте мне, пожалуйста, эту книгу о кельтских названиях, которая так вас заинтриговала.

Они уже перешли к десерту. Доктор Карфэкс, угостившись третьим стаканом портвейна, расчистил перед собой на столе место для маленького томика, который протянул ему месье Ледрю.

— Полагаю, — продолжал доктор Карфэкс, глотнув из бокала, — что наш хозяин Льюорн купил винный погреб вместе с «Розой и якорем». Может быть, это черная неблагодарность с моей стороны, но меня раздражает, что он не может сказать, урожая какого года это вино, а я не такой знаток, чтобы определить выдержку на вкус. Все-таки приятно знать, что именно пьешь. Так, посмотрим... Да, тут есть ссылка на имя «Тристан», предположительно вырезанное на памятнике, который находится поблизости, всего в миле от Троя. «Имя „Дростан“ запечатлено в надписи в Корнуолле: „Drustagni hic jacet Cunomori filius“». [30] Я, знаете ли, прохожу мимо этого Длинного камня, как мы его называем, почти каждый день — он находится на перепутье четырех дорог. Я много раз изучал его, используя стремянку; его поставили вертикально после того, как перенесли с первоначального места, в четверти акра оттуда. Это была надгробная плита, которая должна была лежать горизонтально — в каковой позиции и была найдена. Вы ее видели. Я помог вам обвести пальцем «Cunomori — или Cunowori? — filius». Что касается слова «jacet», то это можно лишь принять на веру. В любом случае это явно надгробная плита, так как на другой стороне — она, конечно, гораздо меньше пострадала от непогоды, потому что изначально лежала в земле, — надпись: «Thanatos Tau», которую не может не заметить даже случайный прохожий. Но что касается вашего «Dru»... Бог мой, Le Dru! [31] — да такая надпись вполне могла бы быть сделана и на вашей плите!

— Да... Ну не знаю... — прошептал нотариус.

Доктора Карфэкса так и несло вперед. Он мог одновременно сесть на

несколько своих коньков, перепрыгивая с одной темы на другую.

— Итак, я не хочу иметь никакого отношения к вашим кельтским производным — вашим Дестанам, Дростанам и всем прочим. Наш Тристан, герой сотни легенд, возможно, лежал когда-то под этим надгробным камнем. Я, правда, в этом несколько сомневаюсь; в этих ле, написанных по-французски, Тристан был назван так по очень простой причине, которую они и приводят: его мать, испытав родовые муки и отправляясь следом за своим обожаемым умершим мужем, назвала ребенка *Tristis*,^[32] вот и всё. Ваши филологические догадки, сэр, — абсолютный вздор, а вот топография Беруля точна. Например, такие названия, как Лантиэн, Ворота Марка, Сент-Семпсон, где Изольда проходила, чтобы послушать мессу, Мальпас — или *le Mal Pas*, где Тристан под видом прокаженного помог ей высадиться на берег, — она вместе с ним упала на причал, так что смогла потом смело принести клятву, что никто, кроме прокаженного и, конечно, ее мужа Марка, не держал ее в объятиях. Ну что ж, эти названия только множат совпадения, которые...

Тут дверь открылась и вошла миссис Льюорн, за которой следовала Дебора с подносом; на нем кроме кофейника были еще два бокала на высоких ножках, спиртовка и серебряная кастрюлька.

Месье Ледрю и доктор Карфэкс поднялись на ноги и смотрели при свете свечей на ее фигуру — высокую, в бледно-голубом платье необычного покроя: оно свободно ниспадало вниз от самых плеч, а в разрезах длинных рукавов с золотой каймой видны были обнаженные руки. В ту ночь, позже, доктор Карфэкс задумался, отчего Линнет, это дитя, которому он помог появиться на свет девятнадцать лет тому назад, а ныне жена хозяина гостиницы Марка Льюорна, оделась подобным образом. А еще он подумал, что она одинока, у нее нет детей и вряд ли будут, а также о вечном притязании женщин на родословную и утраченное положение. Однако в эту минуту оба мужчины застыли, пораженные красотой ее наряда. Когда Линнет шагнула вперед, в синем пламени спиртовки бледно-голубое платье стало совсем голубым. Сделав знак Деборе, поставившей поднос на стол рядом с месье Ледрю и моментально отступившей в тень, она поклонилась гостям.

— Вы покидаете нас завтра, месье, и я принесла вам прощальный кубок — простите мне мою фантазию и мою смелость.

— Мадам, если это такой же напиток, как тот, который вы прислали мне недавно на ночь...

— Вы слишком устали, и я знала, что он пойдет вам на пользу.

— Это был живительный напиток. Уверяю вас, мадам, я сразу же заснул, и мне снились такие сны, что когда я проснулся, то почувствовал себя на двадцать лет моложе.

— Только и всего? — Бросив на него шаловливый взгляд, она подняла кастрюльку, собираясь подогреть ее над синим пламенем.

— Ну и ну, Линнет! — воскликнул доктор Карфэкс. — Какая у вас отменная вещица из серебра! Вы можете сказать, сколько ей лет?

— Не могу, доктор. Знаю лишь, что она принадлежала моей семье и передавалась из поколения в поколение бесчисленное количество лет. Эта кастрюлька вручается наследнице в день ее свадьбы, вместе с рецептом... Дебора, ты можешь удалиться.

Когда дверь за служанкой закрылась, Линнет продолжила:

— Думаю, доктор, это имеет какое-то отношение к свадьбе. Новобрачная получает два рецепта, на втором стоит подпись и написано: «Проспер Константайн. Да процветает род».^[33] Проспер — имя, часто встречающееся в нашем роду, сэр. Оно постоянно попадает в старой Библии, которую хранит мой отец. И вот что странно — точнее, было бы странным, если бы не существовала история на этот счет: эти два рецепта абсолютно одинаковы, повторяют друг друга слово в слово, за исключением того, что во втором предписывается растереть и подогреть три яблочных зернышка; и предназначен этот напиток только для свадебного кубка — так озаглавлен рецепт.

— И у вас есть эти рецепты?

— Да, поскольку, как вы знаете, я — последняя в роду, причем дочь. Но они у меня заперты. Да я их знаю наизусть, а что касается первого, то один раз я готовила этот напиток для своего отца, когда он, промокнувший и озябший, вернулся с рынка в Ликсэрде. А на днях я приготовила его вечером для месье Ледрю.

— И я подтверждаю его свойства, мадам. Я моментально уснул, а проснулся обновленным.

— Но расскажите же свою историю, Линнет!

— Она старая и, как мне кажется, довольно глупая, доктор. Однажды мне рассказал ее отец. Когда Адам состарился, возделывая землю в дикой местности, то позвал своего сына Сифа и сказал: «Я умираю, но не смогу спокойно лежать в могиле, которую ты мне выроешь, если ты не отправишься к воротам райского сада и не принесешь мне яблоко с дерева познания, растущего в самом центре сада. И если, вернувшись домой, ты найдешь меня мертвым, разрежь яблоко пополам и, когда будешь меня хоронить, положи мне под язык три зернышка». Сиф отправился в райский

сад, выбрал яблоко и вернулся домой. Но Адам был уже мертв. Сиф разрезал яблоко пополам, увидел, что в нем три зернышка, положил их отцу под язык и похоронил его. Потом из этих зернышек, как сказал мой отец, выросли три разных дерева, и первое было дубом, Ной срубил его, чтобы построить свой ковчег. А потом, через сотни лет, из этого дуба сделали крест, на котором распяли нашего Господа...

— Бревно, которое не подошло строителям ковчега... — пробормотал доктор Карфэкс.

— Вторым деревом, — продолжала Линнет, — был остролист. Это под ним Авраам нашел овна, когда собирался принести в жертву своего сына. Но тогда ягоды дерева были бледными и покраснели только через несколько столетий, когда их вплели в терновый венец. А третьим деревом была яблоня, дававшая такие же плоды, что отведала Ева. Она попала в сад царя Соломона, и мой отец сказал, что Суламифь, сбежавшая от царя со своим возлюбленным-пастухом, взяла с собой корзинку с яблоками и черенок от этого дерева. Соломон преследовал любовников по горам до самого берега, но они все-таки скрылись от него на корабле, и их высадили там, где царю было до них не добраться, — у подножия какой-то горы. Не помню, как там дальше: я была очень маленькой, когда слышала эту историю. Но отец вспомнит и расскажет ее вам, доктор, в любой день, когда вы будете проезжать мимо.

— Я думаю, — сказал доктор, улыбнувшись месье Ледрю, — что смогу продолжить эту историю, не консультируясь с вашим отцом. Много лет прошло с тех пор, как умерли эти любовники, и явился другой молодой пастух. Он сорвал яблоко с дерева, которое посадила Суламифь, — прекрасное золотистое яблоко, и три богини претендовали на него в качестве приза за красоту. Их звали Власть, Мудрость и Любовь. И глупый парень отдал яблоко Любви.

— Да, теперь я припоминаю... правда, имена были другие. Значит, это очень старая история?

— Очень старая, моя дорогая.

Линнет налила напиток, от которого исходил пар, в бокалы и предложила гостям.

— А кончается история тем, что кто-то из семьи моей матери — вы же знаете, доктор, что когда-то наш род был очень знатным, — приехал сюда, в Корнуолл, и привез с собой эту яблоню. Ее называют «пепин Константайнов», и она дает плоды только на кончике ветки. Моя мать посадила черенок в Замке Дор на другой день после своей свадьбы.

— Линнет! — позвал снизу ворчливый голос.

Миссис Льюорн подошла к двери и открыла ее — Дебора, оставаясь невидимой, очевидно, стояла за дверью на страже.

— Дебора! — Миссис Льюорн задула спиртовку и, поставив ее вместе с кастрюлькой на поднос, вернулась к дверям. — Отнеси это вниз и скажи хозяину, что я приду, как только закончу обслуживать этих джентльменов. Вам нравится этот укрепляющий напиток, джентльмены?

— Линнет! — снова донеслось снизу.

— Он чудесный, — сказал доктор Карфэкс, сделав пару глотков, осторожно, чтобы не обжечься. — Но я не заметил там никаких следов яблочных зернышек, — добавил он, подняв бокал за ножку, так что красновато-оранжевая жидкость засверкала при свете свечи.

Линнет взглянула на него с вызовом; между ними плыл тонкий пар из бокала, и в его дымке глаза ее потемнели и стали не синими, а фиолетовыми, даже красновато-фиолетовыми.

— Вероятно, они были бы нехороши для вас обоих, — усмехнувшись, ответила Линнет и вышла.

Доктор Карфэкс чуть слышно пробормотал:

В том взгляде были и рай, и ад,
И похоть, и жажда любить,
Столь исступленная, что навряд
Сам дьявол бы смог утолить.

— Что это вы напеваете, друг мой? — осведомился нотариус.

— Ничего, а точнее — строки из стихотворения одного старого поэта, который как-то раз оказал мне честь и поделился своими поэтическими откровениями. Это была странная история о ведьме, колдующей над чудесным зельем. Кстати о поэтах, — продолжал доктор Карфэкс, и взгляд его, дотоле задумчивый, выразил откровенное веселье. — Я повсюду искал, но безуспешно, автора следующих строк — вы только послушайте!

Царь Давид вел веселую жизнь,
А также и царь Соломон.
Много наложниц имели они
И много прекрасных жен.

Но старость скрутила обоих царей —
Неизбежно стареем мы.

И стал Соломон свои притчи писать,
А Давид — свои псалмы.

Когда в ту ночь месье Ледрю заворачивался в одеяла, со старикинской опаской думая о путешествии, намеченном на завтрашнее утро, и чуть ли не молясь о том, чтобы хорошенько выспаться, дабы подготовиться к нему, в дверь снова легонько постучали, и, как раньше, вошла Дебора с подносом.

— С поклоном от хозяйки, сэр. Она шлет вам этот напиток в качестве прощального кубка.

Огонь в камине еще весело пылал, отбрасывая отблески по всей комнате, и тень от старого балдахина казалась еще темнее. Случайный блик упал на резную дубовую балку над изножьем кровати.

Месье Ледрю осушил бокал, задул свечу и откинулся на подушку. Свет от камина все еще играл на старой дубовой отделке комнаты, и дуб тянулся зелеными побегами к потолку. А он сам, влюбленный, проходил под деревьями. Он спешил навстречу своей первой любви. Блики огня в камине, падавшие на мертвые панели, превратились в солнечные лучи, проникавшие сквозь ветви. Потом у него прихватило сердце, и он умер — совсем мирно; заострившиеся черты его старческого лица разгладились, и на нем появилась улыбка.

Доктору Карфэксу в ту ночь тоже снился чудесный сон, начавшийся с воспоминания об аромате шиповника; он спешил по какой-то тропинке, чтобы вдохнуть этот запах, и ему навстречу прямо из прошлого выехала верхом девушка в широкополой шляпе. Улыбнувшись, она спешила; губы их соприкоснулись; они заключили друг друга в объятия — и тут его разбудил стук в дверь: Марк Льюворт сообщил ему новость.

Книга вторая

*Я знаю: очень много в мире тех,
Кто повесть о Тристане прочитал.*

ГЛАВА 11 *Воз с сеном*

Прошел год. Как-то теплым июньским вечером — сумерки сгущались так медленно, что серп луны, висевший над Замком Дор, был едва заметен на голубом небе, — косари фермера Бозанко сидели большим полукругом под изгородью, ограждавшей поле (Ворота Марка), попивая чай, которым их угощала миссис Бозанко, и передавая друг другу тарелки с пирогом, варенье и густые топлёные сливки. Сено было скошено вовремя и уже убрано — за исключением одной копны. Что касается последнего воза, то тут следовало соблюсти церемонию: фермер верил в старые обычаи. После того как будет убран урожай пшеницы, в амбаре устроят обед — с сидром и песнями, чтобы отпраздновать это событие. Но уборка сена завершалась чаепитием под изгородью. Доктор Карфэкс и мистер Трежантиль тоже были приглашены.

Перед тем как прибыл кипяток, некоторые из косарей попытались танцевать под звуки скрипки Амиота. Но они проработали весь день и очень устали, их томила жажда. И теперь они с радостью поглощали угощение, перебрасываясь грубоватыми шуточками и, так сказать, сельскими любезностями. Миссис Бозанко столь усердно потчевала их чаем и пирогами, что время от времени они утирали со лба пот: мужчины просто рукой, а женщины, сидевшие в шляпах, которые защищали их от солнца, делали это более деликатно, носовым платком.

Воз с последним снопом, нагруженный с особым тщанием, стоял от них в нескольких ярдах, в верхушку копны были воткнуты вилы. Чуть подальше, в тени, две лошади, Весельчак и Милашка, щипали траву, мелодично позвякивая упряжью и отгоняя мух и комаров длинными хвостами. Они не были стреножены, но не выходили за черту, которую просто провел в воздухе Амиот. Теперь он был возницей мистера Бозанко, и эта парочка обожала его. Кстати, и двое детей, Мэри и Джонни, — тоже. Амиот рассказывал им всяческие истории, но делал это как-то странно. Казалось, он извлекает их откуда-то из глубины или они рождаются в какой-то сказочной стране. При этом у него на коленях всегда лежала скрипка, но он не играл на ней, а лишь время от времени пощипывал струны, как будто помогая таким образом своей памяти. И вдруг, в самый волнующий момент, он прерывал свой рассказ, говоря, что дальше не знает, и просил детей продолжить.

Сейчас Амиот сидел между доктором Карфэксом и Мэри, и, когда

мимо плотной фалангой пролетала стая грачей, направлявшаяся домой, в Пенквайт, он взглянул на небо.

— Они летят выше, чем вчера, — прокомментировал мистер Трежантиль.

— Семьи снова сбиваются в стаи, — заметил Амиот, пощипывая струны своей скрипки. — Всю весну они разбивались на пары.

— Что это за мелодия, парень? — спросил доктор Карфэкс.

— Не могу вам сказать, сэр. Это глупая старая песня, которую я слышал в детстве, много лет назад.

— А у нее есть слова?

— О да, она очень длинная. Но я помню только последние две строчки. И совсем не помню, сэр, о чем эта песня.

Амиот погладил скрипку и начал скорее мурлыкать, нежели петь:

Iseut ma dru, Iseut m'amie,
En vus ma mort, en vus ma vie. [\[34\]](#)

Доктор Карфэкс, который как раз в эту минуту подносил спичку к своей трубке, замер и пристально посмотрел на него, спичка тем временем погасла.

— А ты не мог бы повторить ее? — медленно произнес доктор.

Амиот послушно повторил, на этот раз четче произнося слова, а потом умолк, бросив застенчивый взгляд на всю компанию.

— Это любовная песня, сэр, — прошептал он, — но я не могу сказать, кто ее написал. Пожалуй, она слишком печальная для такого случая. — И он принялся наигрывать веселую джигу:

N'y pleurez plus, ma fille,
Ran, tan, plan, Tireli!

N'y pleurez-vous, ma fille,
Nous vous marierons riche.
Nous vous marierons riche,
Ran, tan, plan, Tireli!

Avec un gros marchand d'oignons
A six liards de quarteron. [\[35\]](#)

Доктор Карфэкс нахмурился и снова занялся своей трубкой. Момент был неподходящий для того, чтобы продолжать изыскания, но ему вдруг неожиданно вспомнился бедный Ледрю и его роковой сердечный приступ прошлой осенью. Бретонский парень делал успехи в английском под руководством Трежантиля, но как продвигался сам Трежантиль в изучении местных названий? Это занятие доктор прописал ему в дополнение к наблюдению за грачами. Надо бы не забыть спросить об этом, но не сейчас.

— Расскажи нам какую-нибудь историю, Амиот, — попросил Джонни.

— Да, расскажите, пожалуйста, — присоединилась миссис Бозанко. — Только пусть эта история будет веселой, а то дети ночью глаз не сомкнут.

Джонни пристроился рядом с Амиотом, и тот начал, легонько пощипывая струны:

— Там, где я жил, когда мне было столько же лет, сколько сейчас Джонни, был лес. Я думаю, у любого в детстве, где-то в душе, есть лес. Но это был настоящий лес, хотя в нем и случались удивительные вещи. Сначала вы видели там сосны — что-то вроде опушки, и деревья там стояли как колонны в церкви. А потом вы выходили к озеру, посреди которого был остров, и там водились лебеди — о да, все так и было, и старики об этом рассказывали. Так вот, еще дальше, в каменном бассейне, был родник, от которого питалось озеро. Я помню, это озеро называлось Louc'h Rouan, что означает «озеро королевы». А вокруг родника повсюду был красный песок — красный, как кровь. Вода была зеленой и очень чистой, но такой глубокой, что, хотя она и находилась в каменном желобе, дно невозможно было увидеть. Старики говорили: если окунуть в эту воду вилку, а потом воткнуть ее в красный песок, то из леса придет гроза и ветер будет так реветь, что с деревьев облетят все листья. Потом гроза пройдет, туда слетятся птицы и будут петь на голых ветках. Я никогда не осмеливался проделывать такое — я был очень юн. За родником тропинка петляла между деревьями, а дальше были водопады... Теперь продолжай ты, Джонни.

— Это правда, — с жаром подхватил Джонни. — Я ходил вчера этой дорогой — мимо Миллтауна. Мама укрыла меня шалью и сказала, чтобы я спал, как примерный мальчик. Но когда она ушла, я встал и пошел мимо Миллтауна...

— Во всяком случае, он удрал, — перебила его Мэри, втайне завидуя. — Терпеть не могу вранье.

— Это не вранье, — возразил Джонни. — Это сон, если хочешь... Сначала я дошел до виадука, и надо мной грохотали поезда. А потом был Билли Трегенза, он поймал в камышах кузнечика и съел его...

— Вот уж это сущее вранье, — не выдержал старый Трегенза. — Да я никогда в жизни не делал ничего подобного!

— Вы были совсем как настоящий, — защищался Джонни. — А у вас за спиной проходила тропинка... между деревьями... Как же их называют? Лиственницы? Да, Билли Трегенза сказал мне, что это лиственницы.

— Да ничего подобного!

— Не лучше ли тебе отправить этого... этого сорванца в постель? — обратилась Мэри к матери.

— Нет, пусть уж закончит, — сказал доктор Карфэкс. — Это замечательная история, и мне очень интересно.

— А потом, — продолжал Джонни, — вдали, наверху, показался голый мальчик, и под ним плескалась вода. Я даже не могу передать, какой он был голый...

— Мэри права, — вмешалась миссис Бозанко, — отправляйся-ка ты спать, и немедленно.

— Он был такой голый, — продолжал Джонни, прижимаясь к Амиоту, — что мне захотелось с ним подраться. Я крикнул ему, но он не обратил никакого внимания. Я так запыхался, что не знал, смогу ли его ударить... И тут оказалось, что это каменный мальчик в фонтане. А еще в фонтане была золотая рыбка, а с другой стороны мимо темной изгороди проходила какая-то леди...

— Какая еще леди? — спросила его сестра.

— Глупая, леди — это леди, ее всегда отличишь...

— Но какая она была?

— Какая?.. Примерно как миссис Льюворн.

Именно в эту минуту к ним вдоль изгороди шла Линнет Льюворн. На ней была амазонка, а край длинной юбки она перекинула через руку.

— Вы как раз вовремя, миссис, — сказал фермер, вскакивая на ноги и приветствуя ее. — Не окажете ли нам честь выпить чашку чая?

— Нет, спасибо, — ответила Линнет. — Я просто проехала верхом до кузницы возле Замка Дор и оставила там Мерлина, чтобы его подковали. Мне сказали, что сегодня вечером вы везете последнюю копну, и я решила вас поздравить.

— Вот она. — Бозанко указал пальцем на воз с сеном. — Нужна только девушка, чтобы посадить ее сверху. Запрягай-ка лошадей, парень, — обратился он к Амиоту, — и принеси лесенку. Мэри, детка, как насчет того, чтоб проехать, как королева урожая?

Но Мэри дулась: ее задело то, что брату разрешили так поздно рассказывать истории.

— В другой раз, отец, — ответила она. — Мне всегда позволяли ехать на возу домой во время праздника последнего снопа.

— Ну что ж! Тогда полезайте наверх вы, миссис Льюорн. — И после паузы, со смешком: — Правда, по правилам это должна быть девица.

— Неважно, — отрезала миссис Бозанко, бросив проницательный взгляд на Линнет, которая в эту минуту зарделась. — Пусть миссис Льюорн окажет нам честь и заберется наверх, если она не возражает.

Линнет кивнула и полезла по небольшой лесенке, которую придерживал подбежавший Амиот. Он впряг Весельчака и Милашку, и воз, покачиваясь, точнехонько прошел через ворота и свернул направо, на узкую дорогу — такую узкую, что на кустах по обе стороны виднелись клоки сена, выдранные с предыдущих возов, и такую крутую, что Амиоту приходилось все время придерживать Милашку под уздцы. Лошади двигались в тени меж высоких изгородей. Косцы следовали за ними, напевая то поодиночке, то хором. На повороте дороги последние лучи солнца осветили Линнет на верхушке копны и вызолотили вилы, которые она держала.

Один раз Амиот взглянул вверх: на фоне неба она казалась лучезарной. А Линнет отметила про себя его сильные плечи, уверенные движения и то, как он ловко управлялся с лошадьми.

Наконец они прибыли к сеновалу и остановились возле огромного стога. Трегенза и еще один работник, имени которого Линнет не знала, зашли спереди и начали по лесенке взбираться на воз. Их силуэты с вилами в руках вырисовывались в бледном свете уходящего дня.

Амиот, отпустив уздечку Милашки, вознамерился помочь Линнет спуститься.

И тут в считанные секунды чуть было не случилось непоправимое — но беда миновала. Впоследствии Линнет вспоминала лишь, что Амиот посмотрел на нее — ворот его рубашки был распахнут, голая шея присыпана сенной трухой. Тут же, пытаясь спуститься, она запуталась каблуком в юбке и, чтобы удержаться на возу, схватилась за рукоять вил. Вилы соскользнули, но Амиот подхватил их и отбросил в сторону как раз в тот момент, когда зубья чуть не вонзились ей в бок. Линнет упала ему на руки, и тут копна сена, которую вилы больше не удерживали, опрокинулась и укрыла их обоих.

— Ловко сработано, — пробормотал доктор Карфэкс.

— Вот так сено, просто красота! — шутливо воскликнул фермер. — Ну и вовремя же ты подоспел, парень!

Щеки у Линнет горели, Амиот же был бледен, как будто только что увидел привидение. Да и ничего удивительного — ведь какая беда могла случиться! Он с отрешенным видом смотрел на вилы, а потом отшвырнул их — смертоносные зубья воткнулись в большой стог сена.

ГЛАВА 12 «Освежите меня яблоками...»

На следующий день было воскресенье. В июньских лесах звонко куковала кукушка. Линнет вместе со своей служанкой Деборой, которая гребла, плыли по реке, по-весеннему широко разлившейся. Они выбрались из дома под предлогом посещения вечерней службы в Сент-Винноу, а после службы, как только начнется отлив, должны были вернуться домой. Они захватили с собой корзину для пикника, куда Дебора тайком засунула фляжку с вином.

Они миновали церковь за целый час до того, как должен был зазвонить колокол, призывая на богослужение, затем добрались почти до самого виадука под Лантиэном. Здесь, среди остро пахнущих болотом камышей, женщины высадились на берег и нашли себе уютное местечко повыше, у подножья одной из арок виадука. Линнет расположилась там, а Дебора отправилась за сухими веточками и листьями, чтобы сложить костер. Прошлой осенью тут вырубили рощу, и теперь землю устилал ковер из сухих листьев. Дебора разожгла костер и поставила на огонь чайник.

Едва чайник начал шуметь, показался Амиот, который вел своих лошадей на водопой, — женщины знали, что так и будет. Он ехал верхом на Весельчаке, в правой руке держа поводья Милашки.

Амиот остановился, изумленный тем, что видит их здесь. За спиной у него висела скрипка, и он объяснил:

— Я прихожу сюда по вечерам заниматься, журчание воды помогает — уж не знаю почему.

— Ну что же, отложите скрипку и выпейте с нами чаю.

Они попили чаю, и Дебора, подбросив в огонь большую охапку листьев, направилась к лодке, оставив их вдвоем.

По виадуку прогремел поезд.

— Это ночной экспресс, — сказала Линнет. — Он делает остановку в Плимуте, а потом можно унести в другую жизнь — и проснуться в Лондоне.

— Все зависит от того, — серьезно произнес Амиот, — хочется ли другой жизни. Вам хочется?

— Глупый! Конечно хочется! — Откинув голову, Линнет посмотрела вверх, на арку виадука. — Я приезжаю сюда так часто, как позволяет прилив. Эти поезда — только подумай! — уносят столько людей в какую-то иную жизнь!

Линнет открыла фляжку, а Амиот, отойдя к лошадям, похлопал Милашку по крупу и приказал им возвращаться домой, в стойло.

Вернувшись, он присел у костра, сказав: «С вашего позволения, миссис». Скрипку он положил себе на колени, наивно полагая, что таким образом угодит Линнет.

Она наполнила маленький бокал и протянула ему над костром, при слабом пламени которого вспыхнула янтарная жидкость.

— Прошлым вечером... — начала она. — Я пришла специально, чтобы объяснить: вчера вечером, на возу, я поскользнулась нарочно. Вы понимаете?

— Это был очень опасный фокус, — твердо ответил он, явно не совсем еще понимая. — Вы же были просто на волосок от гибели — зубья чуть не вонзились вам в бок. Они были совсем близко, когда я подхватил вилы. — Юноша даже вздрогнул. — Я не признавал, куда их швыряю, — слава богу, миссис, они ни в кого не попали!

— О, конечно, это получилось случайно. Я просто схватилась за вилы, чтобы удержаться на ногах, — теперь-то я понимаю, что, если бы они воткнулись мне в бок, я бы истекла кровью и умерла у вас на руках.

— Ах, не надо, не надо!..

— Но, как видите, я жива и пришла поблагодарить вас. Да, хорошо быть живой... Выпейте за меня, Амиот.

Их разделял мерцавший костер. Взяв бокал, он с изумлением посмотрел в ее колдовские глаза. Пригубив, он вернул ей бокал, и она тоже отпила чуть-чуть.

Амиот опустил локоть. Пламя взметнулось, когда Линнет выплеснула остатки из бокала на тлеющие угольки. Она откинулась на подушку из мха. Огонь в костре угасал. Хотя она была прекрасна и соблазнительна, юноша не осмеливался перешагнуть через костер и дотронуться до нее. Сердце его сжалось, он не мог сделать ни шагу. Чуть ли не теряя сознание, он понял, что это чудо красоты его хочет и что она должна стать его навеки.

Припозднившаяся июньская кукушка в последний раз прокуковала в лесу и умолкла. Наступившая тишина словно развеяла чары, Амиот сел, потянулся за своей скрипкой и начал пощипывать струны, имитируя заунывный голос кукушки.

— Я ненавижу эти звуки, — вдруг заявила Линнет. — Они такие печальные, словно кто-то плачет по покойнику.

Он встал, сломал скрипку о колено и бросил ее в огонь, который почти сразу же начал лизать корпус скрипки.

Их взгляды встретились, и, весь дрожа, он сделал движение, вознамерившись перешагнуть костер и наклониться над ней, но тут хрустнула ветка и из темного леса появилась Дебора.

Она взглянула на две фигуры и на быстро угасавший костер, который все еще разделял их.

— Начинается отлив, хозяйка. Даже сейчас вам вряд ли удастся не испачкать туфли в иле. А лодка наполовину в воде, наполовину на траве. Вы пришли сюда, как приходили и раньше, — обратилась она к Амиоту, — а мы не сходили в церковь и пропустили проповедь. Давайте-ка собираться домой.

ГЛАВА 13 *Вмешательство миссис Бозанко*

— Габриель, я очень тревожусь, — однажды ранним утром призналась мужу миссис Бозанко. — Я сегодня всю ночь глаз не сомкнула... Ты уже проснулся?

— Почти, — сонным голосом ответил фермер и сразу же повернулся к жене, как заботливый муж, который с самого дня свадьбы никогда не забывал, что он еще и любовник. — Тревожишься? — повторил он. — Ты же не хочешь сказать, что детям нездоровится?

— Нет, слава Богу.

— А Пеструха позавчера отелилась, да еще и телочку родила; остальные дают много молока. С балансом в банке тоже все в порядке. Более того, мы же внесли деньги на счет?

— Да, конечно, я уже тебе говорила.

— Тогда я не понимаю, в чем дело. Положи-ка мне головку на плечо, моя дорогая, и расскажи, что тебя тревожит.

— Это касается Амиота... и миссис Льюворт.

— Я не вижу тут никакой связи — наверно, тебе что-то приснилось, ведь в снах все так перепутывается и два плюс два дает пять. Просыпайся, дорогая, и расскажи мне всё.

— Она его любит.

— Ну и что, мы все его любим, и дети тоже.

— Она слишком его любит. И беда в том, что и он ее любит. Я сразу заметила, что она к нему равнодушна. Но он же такой доверчивый... Ты заметил в нем какие-нибудь перемены за последнее время?

— Сейчас, когда ты заговорила об этом, я припоминаю, что теперь мне приходится дважды обращаться к нему, прежде чем он ответит. А ведь обычно он так быстро все схватывает, и проворнее его работника не найдешь.

— Вот я и тревожусь. Мы пребываем в счастливом неведении. Лошади его любят, и дети его любят. А между тем недалеко до греха. Он должен уйти.

— До греха?

— Конечно. Она же замужняя женщина.

— Ну, если дело обстоит так, как ты говоришь...

— Я в этом уверена.

— Если все обстоит так, как ты говоришь, что же тут поделаешь? Коли

старому Льюворну взбрело в голову жениться на девушке втрое моложе себя, пусть он и беспокоится. Я считаю, что это не наше дело.

— Нет, наше. Послушай-ка — придвинься поближе, — разве ты не знаешь, что любая женщина рано или поздно, после определенного возраста, просто до безумия жаждет, чтобы ее любили? Разве ты не знаешь? Ах, мой дорогой, в самом деле не знаешь?!

— Допустим. И все-таки я никак не возьму в толк...

— Не говори глупостей — просто слушай. Я всё обдумала, пока ты тут похрапывал. И вот к какому заключению я пришла: Амиоту придется уйти.

— Мне никогда не нравился Марк Льюворн, я всегда его не переваривал, — пробурчал фермер хриплым со сна голосом. — Но даже если ты и права — пусть он сам присматривает за своим добром. Какое нам до этого дело! Мне нравится этот парень, и тебе тоже; и если придется его выставить, то под каким предлогом я это сделаю, интересно бы знать?

— Предоставь это мне, я всё скажу сама.

— Да ты и всегда это делаешь, слава Богу!

— Но прежде всего я отправлюсь в Трой...

— А это еще зачем? — Мистер Бозанко резко сел в кровати. — Ты же не собираешься всё рассказать Льюворну?

— Нет, мой бедный дурачок! Приляг опять. Я пойду на таможню и спрошу, не нужен ли какому-нибудь шкиперу матрос. Я там знаю сборщика таможенных пошлин — правда, не очень близко. Его фамилия Макфейл, и говорят, он добрый человек. Я просто схожу к нему и скажу, что Амиот — парень с бретонского корабля, и как его к нам привезли, а потом он стал у тебя служить; но поскольку он плавал на корабле, то теперь хочет вернуться в море.

— Но, допустим, Амиот не захочет?

— Захочет, когда я с ним поговорю, — твердо ответила миссис Бозанко. — Но это, полагаю, будет не так-то просто. Что касается миссис Льюворн, то я не думаю, что причиняю ей зло. Мне жаль ее, бедняжку. По-своему я ее понимаю. Но существуют же принципы. К тому же у нас дети, и негоже, чтобы рядом с двумя невинными существами творилось такое.

— Да, — согласился мистер Бозанко, — это серьезный довод, моя дорогая. Не они ли там чирикают за стенкой, в соседней комнате?

— Чирикают, как пара воробушков.

— Почему так рано?

— Потому что сегодня Мэри исполняется четырнадцать лет, и Джонни разбудил ее, чтобы вручить свой подарок — хорошенький молитвенник, который я купила, в переплете, украшенном слоновой костью, с духовными

гимнами Уэсли!

Миссис Бозанко отправилась в Трой в двуколке и вернулась, когда еще не было трех часов. Таким образом у нее осталось достаточно времени, чтобы упаковать корзину для пикника по случаю дня рождения, которую Амиот и Зилла отнесли на место, выбранное детьми, — у подножия виадука, под лиственницами.

Она послала Зиллу на конюшню, а сама поднялась наверх, чтобы принарядиться. Это заняло совсем немного времени, и когда вернулась служанка, миссис Бозанко уже поджидала ее на пороге черного хода.

— Он сейчас придет, — сообщила Зилла.

— Что за женщина беседовала с ним? Я заметила ее из окна спальни.

— Это была служанка мистера Льюорна, из Троя. Я видела ее раза два, однако узнала, когда она шмыгнула прочь. «Шуры-муры», — сказала я себе, хотя и не знала, встречались ли они раньше. Ну что ж, лето — самое подходящее время для таких дел. И я в свое время слушала кукушку. Но он ушел в море и сгинул там зимой.

— Сейчас конец июля. «В июле он готовится сбежать», — процитировала хозяйка.

Семья устроила праздничное чаепитие под виадуком. Дети занялись костром, непрерывно споря и стараясь убрать пепел от костра, который кто-то разложил здесь раньше.

— Но что это такое? — спросил Джонни, поднимая кусок обуглившегося дерева.

— Это моя скрипка, — признался Амиот. — Я понял, что никогда не смогу играть на ней правильно, и сжег ее здесь.

— Значит, мелодий больше не будет?

— И историй не будет?

— О, истории будут, много-много, я надеюсь.

Дети начали к нему приставать, и он рассказал им бретонский вариант истории о Рудольфе и леди из Триполи — одну из тех легенд, которые странствуют по миру. Голос его звучал взволнованно, он раскраснелся и жестикулировал больше, чем обычно. Миссис Бозанко пристально за ним наблюдала. Взгляд ее мужа был устремлен на берег реки и на пшеничное поле.

Потом показались грачи, летевшие в Пенквайт, и Амиот, пересчитывая птиц, говорил, кто из них родители, а кто — птенцы; юные грачи учились летать, с каждым днем все выше и дальше.

Когда чаепитие закончилось и все было упаковано в корзину, миссис

Бозанко тронула юношу за рукав:

— Задержись-ка, Амиот. Я хочу сказать тебе пару слов.

Вздвогнув, Амиот посмотрел на нее.

— Что-то случилось, мадам? Я сделал что-нибудь не так?

— Надеюсь, нет — уверена, что нет; а если это так, то я как раз вовремя.

— Если у хозяина есть какие-то жалобы на мою работу...

— Жалоб нет. Как раз сегодня утром он хвалил тебя.

— Тогда, если я ненароком вас обидел и вы не можете мне простить...

— Нет, Амиот, ничего такого. Ты же знаешь, что все мы — и мистер Бозанко, и я, и дети — очень тебя полюбили.

«Да поможет мне Бог, — подумала она про себя. — Ведь я отсылаю его как раз в тот вечер, когда у Мэри день рождения. Это разобьет ребенку сердце».

— Тогда я понимаю, в чем дело. Вы и хозяин не так богаты, чтобы позволить себе и дальше быть со мной столь щедрыми. Мне следовало бы об этом подумать. Но если дело только в этом, то хозяин может не платить — ведь это он сам великодушно предложил мне плату. И все эти деньги лежат в верхнем ящике комода в моей комнате — в носовом платке, завязанном узелком. Для чего мне здесь деньги? А что до еды, то в последнее время я обнаружил, что мне нужно совсем мало.

При этих словах миссис Бозанко чуть не рассмеялась. Конечно, она это заметила — ей ли, такой рачительной хозяйке, этого не заметить! Но — увы! — она знала, из-за чего он потерял аппетит.

— Амиот, — сказала она, — это совсем тут ни при чем, совсем. Я сказала, что мы тебя любим, но последнее время я за тобой наблюдала, как мать за собственным сыном. И я говорю тебе, точно так же как сказала бы своему сыну, будь он твоего возраста: «Ты должен с этим покончить!»

— Да, вы были мне самым лучшим другом из всех. Я не спрашиваю почему, так как знаю это. Только из-за вашего доброго сердца вы так отнеслись ко мне, чужаку, лишенному друзей. Но разве я не отплатил всем, что было в моих силах?

— Отплатил.

— Тогда скажите мне, по крайней мере, в чем моя вина?

— Ты влюблен.

Он потупился, а потом взглянул ей прямо в глаза.

— Да, влюблен. Это преступление?

— Амиот, ты влюблен в замужнюю женщину, Линнет Льюорн. Она передает тебе послания через свою служанку. Сегодня вечером она тоже

послала тебе записку. Не так ли?

— Так, мадам. Но вы сказали «замужняя»?

Миссис Бозанко поморщилась.

— Что она тебе сказала?

— Вообще-то она ничего мне не сказала, мадам. Но у меня, конечно, есть свои мысли, как и у вас — ваши. Вы мудрее меня. Что же думаете вы?

— Она и ее муж едины пред ликом Божьим, — ответила миссис Бозанко.

— Я очень мало знаю о Божьем лике, — сказал Амиот. — Как вам известно, я попал на исландское рыболовное судно, толком не поучившись в школе. На борту моего первого судна я слышал много грязных разговоров. Но это другое, совсем другое!

— Послушай, Амиот. Я действительно говорю с тобой как с собственным сыном. Ты должен уйти сегодня вечером, покончив с этой ребяческой любовью, ты еще станешь взрослым мужчиной.

Однако миссис Бозанко все время сознавала, что, беседуя с ним как с мальчишкой, она обращается к мужчине — он внезапно повзрослел, и это любовь сделала его взрослым.

— Сегодня я ездила в Трой, — продолжала она, — и завтра утром ты можешь взойти на борт пакетбота «Дауншир», там тебе будут хорошо платить. Ты можешь отнести свои вещи на судно сегодня вечером. Сейчас его грузят, а завтра оно отплывает на Рио-Гранде. Ах, мальчик, поезжай, посмотри мир и забудь всё!

— Забыть? Вы имеете в виду — в объятиях другой женщины? Это будет — ведь я еще только учусь! — это будет угодно Божьему лику?

— Ах, Амиот, не делай этого! Никогда не делай! Вот уж никак не думала, что с тобой будет так трудно говорить!

— Вам не нужно бояться *этого*. Ничто не может меня соблазнить, заставив забыть грех, которого боитесь вы, никогда в жизни — как ничто не может стереть память о вашей доброте ко мне. Пожалуй, я побегу собирать вещи.

Подхватив корзины, он растаял в сгущающихся сумерках.

«Теперь уж и не знаю, — подумала миссис Бозанко, — правильно ли я поступила!»

Она медленно шла в гору, размышляя, как бы сообщить новость детям.

Мэри и Джонни играли во дворе возле конюшни: Джонни носился с новым обручем, а Мэри, с надменным видом усевшись на бревно, хронометрировала его круги по своим новеньким часам.

Остановившись, миссис Бозанко несколько минут за ними наблюдала,

пытаясь решить, что же сказать им за ужином. Но ей ни к чему было беспокоиться. Когда она вернулась в дом, то обнаружила на столике в холле два маленьких пакета, между которыми лежала сложенная записка. Она сама научила Амиота писать по-английски и сейчас, хоть и была озабочена, все же заметила, каким аккуратным почерком, несмотря на спешку, он написал эту записку.

Дорогие хозяин и хозяйка!

Я взял с собой несколько шиллингов. Остальное мое жалованье, пожалуйста, возьмите — оно в этих двух пакетах. Меньший предназначен для Зиллы. Я подумал, что лучше мне не прощаться с ней, да и с остальными тоже. Я бы не смог это вынести. Я поговорил только с лошадьми. Пожалуйста, передайте мой привет мисс Мэри и молодому мастеру Джонни и скажите им, что я всегда буду их помнить. Также передайте, пожалуйста, мои извинения доброму мистеру Трежантилю. За вашу доброту ко мне я благословляю этот дом, стоя на его пороге, перед тем как уйду, и молюсь о том, чтобы Бог был вечно милостив к нему.

Амиот

Накрыли к ужину, и на столе были конфеты-хлопушки. Миссис Бозанко с затуманенным взглядом собственноручно разложила их. Дети были в восторге.

— А почему опаздывает Амиот? — спросил Джонни, когда, наконец утомившись, перестал хлопать в ладоши и подпрыгивать на своем стуле.

Его мать собралась с духом перед ужасным моментом:

— Амиота здесь нет, милые. Он посылает вам привет и поздравляет Мэри с днем рождения, желая ей счастья. Но его вызвали, и он ушел в море, как когда-то покинул его. — Потом, взглянув на их лица, миссис Бозанко впервые в жизни солгала: — Но он обещал скоро вернуться и рассказать вам новые чудесные истории. — При этих словах она расплакалась.

На Джонни ее слезы подействовали мгновенно. Он никогда прежде не видел свою маму плачущей. Вскочив со стула, он подбежал к ней. Мэри же поднялась и пристально смотрела на них обоих. Она выглядела как маленькая трагическая актриса. Ее сухие глаза смотрели прямо в полные слез глаза матери, когда та подняла голову с плеча прильнувшего к ней мальчика; и когда их взгляды скрестились, мать поняла, что она может

ласкать мальчика и принимать его ласки, но в будущем ей придется иметь дело с женщиной: не просто с ребенком, тоже вышедшим из ее чрева, — но и с женщиной.

Это был один быстрый взгляд гладиатора. Клинки впервые скрестились. Мэри повернулась к отцу:

— Если вы так представляете себе день рождения, вы двое, то я представляю его себе иначе! — И она вышла из комнаты.

— Куда она пошла, Зилла? — спросил фермер через какое-то время.

— Думаю, наверх, в свою комнату, сэр.

Но Мэри не поднималась в свою комнату. Она вышла прямо в темноту; позже там ее и нашел отец: она сидела на бревне, и тело девочки сотрясало от душивших ее рыданий. Он поднес фонарь к лицу Мэри — оно не было мокрым от слез.

— Пойдем, детка, пойдем, моя дорогая...

Она позволила взять себя за руку, потом отдернула ее.

— Отец, отец! Ты же не мог быть таким жестоким!

Он уговорил Мэри войти в дом и подняться в ее спальню. Миссис Бозанко, услышавшая ее шаги, немного подождав, встретила мужа на лестничной площадке.

— Она немного успокоилась, — шепотом сообщил он. — Я ушел, чтобы она могла раздеться.

— Я должна пойти к ней и помириться, — сказала жена. — Отправляйся спать, дорогой. Возможно, я вернусь поздно. Мое дитя! Мое бедное дитя!

Прежде чем перейти со своей свечой на половину Мэри, она уложила Джонни. Внизу, в столовой, Зилла согласно указаниям потушила лампы; к ужину никто не притронулся. Через час, вспомнив, что в Корнуолле считается дурной приметой оставлять на ночь белую скатерть на столе, добрая женщина спустилась по лестнице и тихо как мышка убрала все: и праздничный пирог, и хлопушки, и все остальное. Так что вскоре после того, как она закрыла дверь столовой и прокралась обратно в свою мансарду, взошедшая луна, заглянув в щелочку между портьерами, осветила лишь пустой стол из полированного красного дерева и вазу с подсолнухами.

ГЛАВА 14 *Тайное свидание в Замке Дор и его последствия*

Что же сказала Дебора Бранжъен Амиоту на конюшне? Она сказала прямо:

— Госпожа хочет с вами поговорить. Она будет в Замке Дор в девять часов. Ее муж уехал на обед масонов в Сент-Остелл. Он вернется поздно, пьяный. Или, если уснет там на людях, то вернется рано утром. В его отсутствие мы с хозяйкой по очереди управляемся с гостиницей и баром.

— Кажется, я понял, что вы имеете в виду. Но если вам нужна защита, мне стоит лишь попросить разрешения, и я могу вернуться домой после того, как гостиница будет закрыта и я смогу быть уверен, что с вами обеими все в порядке. Правда, я могу запоздать на несколько минут: сегодня вечером праздничный ужин в честь дня рождения мисс Мэри.

— Ну ты и простак! Тебя что, нужно всему учить? Слушай же: я женщина, как и она, и тоже Константайн — только незаконнорожденная. О господи! Я ее служанка, но даже я — слышишь, простофиля! — могла бы тебя кое-чему научить, если бы ты попросил. Короче, она будет в Замке Дор в девять часов с каким-то сообщением — а уж каков его смысл, я не ведаю.

Как нам известно, этот разговор происходил между Амиотом и служанкой перед праздничным чаепитием, примерно за час до того, как миссис Бозанко уволила Амиота. Да, влюбленные должны страдать за любовь, и чем она сильнее, тем сильнее страдания. Ибо истинная любовная страсть, вспыхнувшая с невероятной силой, неизбежно кончается трагедией.

У Амиота, как и у каждого влюбленного, не было никаких дурных предчувствий. Чужой в этой стране, он не поклонялся ее богам. Он знал лишь, что небо стало яснее, зелень листвы — ярче, что птицы стали петь более звонко и проникновенно. Поддавшись настроению, он сломал свою скрипку, но теперь даже не понимал, зачем ему нужно было склоняться над струнами, пытаясь извлечь звуки из куска древесины, когда вокруг поет весь мир, все живое: и лес, и поле — поют от счастья, да и сам он, раскрепощенный, звенит как колокол, и эту музыку подхватывает ветер.

Почему же весь мир не может стать счастливым? Конечно, в нем много жестокости. Далеко, на севере, ему довелось познать дикую ярость моря, когда он много дней отчаянно боролся за свою молодую жизнь. Существовали и такие негодяи, как шкипер Фугеро. И отчего это к радости

всегда примешивается печаль? Почему она отыскала его в этом прекрасном краю, куда его таким загадочным образом забросила судьба и где его с такой добротой лечили, кормили и даже приняли в семью? И он платил чем мог — благодарностью, преданностью, работой, любовью. Почему миссис Бозанко, его вторая мать, относившаяся к нему почти с такой же нежностью, как к своим детям, выставила его за дверь, хотя он ни в чем не провинился? Его родная мать сказала ему однажды, что он был рожден в печали и в печали крещен. Он предполагал, что отец его утонул ночью в Baie des Très-passés — в Бухте мертвецов, как раз накануне того дня, когда его сын появился на свет. Он недолго проучился в школе, а затем ушел в море на исландском рыболовецком судне. Да, тогда-то и начались ужасы: огромные волны бушевали за бортом, подбрасывая судно как скорлупку, а на борту кипели дикие, просто зверские страсти. Ну что же, Богу виднее. Судьба даровала ему отрадную передышку, а теперь — снова в море. Для того он и родился на свет, и нет в его душе вражды к морю.

Он начал подниматься в гору, проходя мимо стогов, которые сам помогал ставить. Их благоухание в этот июльский вечер напомнило ему о Мэри и Джонни, об их невинных играх, в которых он участвовал, о чудесном мирке, от которого его отлучили за то, что он полюбил. У поворота дороги он остановился и оглянулся. Внизу, в долине, светилось окно; и снова, с печалью в душе, он благословил этот дом.

Миновав поле, прозванное Воротами Марка, он выбрал кратчайший путь к Замку Дор. Возле земляного вала он вспомнил наставления Деборы и вошел в амфитеатр. Там было пусто. Дважды он обошел амфитеатр, а затем через ворота выбрался на дорогу.

На некотором расстоянии от Замка Дор на дорогу падала широкая лента света из кузницы. Эту ленту пересекала фигура, отбрасывавшая длинную тень. Казалось, ему было суждено всегда видеть ее в сполохах огня.

— Вы пришли раньше времени, — заметила Линнет.

— Случайно. Я недолго ждал.

— Случайно? А что это за узелок у вас на палке?

— Это все, что у меня есть. Меня уволили. Я должен ехать в Трой и рано утром явиться на таможню, чтобы сесть на пакетбот «Дауншир». Кажется, он отплывает до полудня — так сказала миссис Бозанко, которая все это устроила. Таким образом, нам по пути, и я все объясню, пока буду провожать вас до дому, если позволите.

Но она кивнула в сторону ворот, и он открыл их, пропуская ее вперед.

— Мы можем побеседовать здесь. Она вас уволила? Почему?
— Потому что... — Он запнулся и беспомощно умолк.
— О, я знаю! Эти холодные женщины севера, исполненные чувства долга! Итак, Дебора принесла вам мою записку — и вы уезжаете, Амиот!
— Миссис!
— Здесь темно, и я не вижу ваших глаз. Но посмотрите мне в лицо и скажите правду: что-нибудь случилось с вами в последнее время?
— Я не знаю, не знаю!

В следующее мгновение она оказалась у него в объятиях, захлебываясь счастливым смехом:

— Ты никуда не поедешь! Скажи, что ты никогда не уедешь! Амиот! Амиот!

Они стояли у ворот, и над ними сияла Диана^[36] в своей первой четверти, яркая, с заостренными концами, как кривая восточная сабля.

Старый лесник, живший в домике над маленьким пляжем — вдоль берега тянется целая цепочка таких домишек, к которым спускаются леса от Замка Дор, — поднялся в четыре утра с намерением проверить свои сети. Он исполнял самые разнообразные обязанности при своем хозяине, большой дом которого стоял наверху: сторожил лес, помогал в саду, рыбачил... Всю последнюю неделю в бухте было полно барабульки. У хозяина гостила целая компания, а из рыбного нет ничего вкуснее к завтраку, чем только что выловленная барабулька.

Этот старик, по имени Эли Роу, был не из тех, кого посещают видения, но, занятый своей работой, он вдруг услышал плеск воды — слишком близко к скалам, чтобы это мог быть лосось.

Нет — это нырнул человек: через минуту-другую стало слышно, как кто-то плывет, энергично рассекая воду. Старик вгляделся. Даже в предрассветных сумерках были видны руки пловца в фосфоресцирующей воде, и ясно можно было различить темноволосую голову мужчины.

Потом к кромке воды приблизилась еще одна фигура — женская, в полном одеянии. В тишине рыбак отчетливо слышал, как у нее под ногами хрустит галька. В руках у женщины было что-то, похожее на легкий узелок. Когда пловец повернул обратно к берегу, женская фигура исчезла за выступом скалы.

Эли увидел, как пловец, выйдя из воды, бежит по берегу. Ну что же, в этом странном мире полно людей именно там, где их меньше всего ожидаешь увидеть. И не его это дело.

Но позже, пристав к берегу и вытащив из лодки улов, он, уже стоя

возле калитки своего сада, увидел на тропинке женскую фигуру, удалявшуюся от моря, и подумал, что вид у женщины удрученный. Мужчина же исчез.

Линнет и Амиот пришли на берег лесом, в котором благоухали субтропические кустарники и столь знакомые англичанам мята и чабрец. В теплом ночном воздухе все эти растения источали сильнейший аромат, который окутывал пару, погруженную в свои грезы. Время от времени в тишине были слышны легкие шорохи: лес жил своей жизнью.

— Ты не уедешь!

— Я должен, должен — я дал слово.

— Ну и что? Что значит слово по сравнению с любовью? Любовь — это документ, в конце которого поставлена подпись.

— Поставлена навеки.

— И все-таки ты уезжаешь? Ты мог бы спрятаться в лесах над Лантиэном. Никто бы тебя не искал, и мы могли бы встречаться.

— Я обещал. Разве могу я нарушить свое слово, данное людям, которые были столь добры ко мне? Но однажды я вернусь и встречу с тобой возле Лантиэна. Клянусь тебе. О, любовь моя, как же я могу не вернуться?!

— Я слышала, что мужчины всегда клянутся... Кто это там двигается за деревьями, над нами?

— Всего лишь тени. Там никого нет.

Он открыл калитку; внизу был маленький пляж, залитый лунным светом. Здесь вдруг повеяло соленым запахом моря, перебившим лесные ароматы. Волны лениво лизали белую гальку. На мелководье были видны спутанные водоросли, издававшие острый запах, который разносился по всему побережью. По тропинке они спустились на пляж.

— Побудь здесь, — сказал Амиот. — Я хочу поплавать. А ты умеешь плавать?

— Увы, нет.

— Когда-нибудь я тебя научу. Боже мой, что это будет за урок, когда моя рука будет поддерживать твоё нежное тело!

— «Когда-нибудь»! Ах, это так долго, долго! Все мужчины говорят «когда-нибудь», когда обещают.

Но любовь, ввергнув поначалу Амиота в оцепенение, сделала его сильным. Она превратила его из мальчика в мужчину, властелина.

— Садись здесь, — велел он.

И она, выскользнув из его объятий, раскинулась на гальке,

расслабившись под его поцелуями. Ей нравился его новый тон.

После долгого поцелуя, который, казалось, вынул из нее всю душу, он, отбежав чуть в сторону, разделся в тени утеса, вскарабкался на него и нырнул.

Сквозь дрему она услышала тот же всплеск, что и лесник, а потом — звук, с которым пловец рассекал воду. И внезапно наступила тишина. На самом-то деле Амиот перевернулся на спину и созерцал небо — бездонное, безграничное.

В этой тишине ей вдруг пришла в голову мысль, что он утонул. Ужасный урок, заключающийся в том, что блаженство мимолетно и ничто совершенное не вечно, был преподан ей под рокот волн, набегавших на берег и оставлявших на гальке ручейки.

Она сбросила туфли и чулки и произнесла почти шепотом:

— О, любовь моя! Ты жив? Ты там?

Так она позвала дважды, на третий раз — громче. Он снова поплыл, делая сильные взмахи руками, и наконец побежал к берегу, сверкающий, весь в каплях морской воды.

Она вошла в воду, двигаясь ему навстречу.

— Любовь моя, если бы я умела плавать!

— Что тогда, любимая?

— Мы бы плыли бок о бок, пока не добрались до берега. И даже если бы мы утонули, то там, в самой глубине, были бы потайные пещеры с песчаным дном.

Она провела рукой по его влажному плечу. Он, опустившись на песок, поцеловал ее белые ступни.

— Я вернусь — клянусь тебе в этом.

— Не клянись, Амиот. Не клянись в этом, любовь моя! Все мужчины так поступают, а я хочу ждать и думать, что ты — другой.

— Насколько я понимаю, вам следовало быть здесь вчера вечером, в девять или около того, — сурово произнес мистер Макфейл, когда Амиот появился на таможне. — Я пришел сюда после ужина по просьбе миссис Бозанко, выправил ваши бумаги, и вы могли бы взойти на борт судна. Итак, «Дауншир» уже отплыл. Неужели миссис Бозанко перепутала то, что я ей сказал? Непохоже на эту добрую женщину — по крайней мере, у меня сложилось о ней иное мнение.

— Нет, сэр. Она мне сказала, что «Дауншир» отплывет рано!

— Она сказала, что я буду здесь ждать?

— Я виноват, месье!

— Я полагаю, вы опоздали. Увидели, что в окнах темно, а дверь заперта, да? Может быть, вы выпили?

— Нет, сэр. Я пришел сюда всего пять минут назад.

— Ну что же, «Дауншир» отплыл сегодня утром, в шесть часов.

И действительно, когда Амиот, ошеломленный свалившимися на него блаженством и бедой, сидел у воды на восходе солнца, он видел, как на большом расстоянии от берега мимо прошел пакетбот — несомненно, это был «Дауншир».

— Так, значит, вы провели ночь в Лантиэне? — спросил мистер Макфейл.

— Нет, месье... нет, сэр.

— Я понимаю по-французски, — сказал сборщик таможенных пошлин. Он поднял очки на лоб и взглянул на Амиота, потом водрузил их на место и снова воззрился на него. — Быть может, вы задержались из-за какой-то женщины? — предположил он, и тон у него вовсе не был суровым.

Амиот поморщился и, когда до него полностью дошел смысл этого намека, гордо вздернул подбородок:

— Это было совсем не так, сэр!

— Ну-ну, я же ни о чем не расспрашиваю. Просто знаю, как это бывает у моряков и молодых парней, — ну всё, больше не будем об этом. И что же теперь делать? Ты мне симпатичен, парень, но у тебя не должно быть привычки пропускать назначенную встречу. Как говорит Шекспир, «в делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха». ^[37] Я не упустил свой шанс, когда мне было примерно столько же лет, сколько тебе. Ступай в соседнюю комнату и подожди, пока я схожу в контору гавани и узнаю последние новости. Может быть, ожидается прибытие какого-нибудь судна.

Амиот поблагодарил его и вышел в чистую маленькую комнату с низким потолком. Эркер в комнате нависал почти над самой водой. Конечно, повинаясь инстинкту моряка, он направился прямо к окну, чтобы взглянуть на море и на корабли. Его рука невольно потянулась к глазам, словно для того, чтобы стереть наваждение: у причала стояла «Жоли бриз», уже с грузом, флаг был поднят до середины мачты — чтобы вызвать лоцмана.

Конечно, в этом не было ничего удивительного. Маленькая шхуна курсировала вдоль бретонского побережья, заходя в Трой с разнообразным грузом: с клубникой в сезон, позже — с абрикосами и луком, с известью — на нее здесь был большой спрос, так как печи для обжига, прежде

горевшие на берегу каждой бухты Корнуолла, были заброшены.

Нет, удивляться было нечему. Но сердце Амиота дрогнуло при виде этого знакомого и такого ужасного судна. Оно было пришвартовано рядом с двумя большими кораблями, и возле высокого борта ближайшего из них шхуна «Жоли бриз» казалась лодочкой из пробки.

Ах, эта шхуна была прекрасна! Но если бы таможенник по доброте душевной попытался устроить его именно на ее борт, то могло бы произойти убийство, причем еще до того, как шхуна дошла бы до Ушанта. Амиот возмужал — он вдруг почувствовал себя мужчиной. Если ему суждено вот так распротиться со своей мечтой...

И тут он услышал шаги таможенника, который уже поднимался по ступенькам, а еще до него донесся голос этого проклятого Фугеро, который, следуя за мистером Макфейлом, орал:

— Значит, он здесь, в конторе, эта маленькая свинья! Этот чертов нотариус мертв и помешать мне больше не сможет! Я выследил паршивца на улице! Бежать бесполезно! Закон на моей стороне!

Амиот подошел к двери. Когда вошел мистер Макфейл, он отступил в сторону, а потом встал в дверях, дожидаясь, пока Фугеро с пыхтением преодолеет последнюю ступеньку...

— Vlan!^[38] — выкрикнул Амиот и нанес удар.

Удар пришелся в кадык; второй, более яростный, — в челюсть. А когда Фугеро медленно повернулся, раскинув руки и ища опоры, последовал третий сокрушительный удар — в затылок. Великан скатился с лестницы и затих внизу.

— Боже мой! — воскликнул мистер Макфейл, протискиваясь мимо Амиота. — Ты его убил?! — Склонившись над телом, он не забыл окинуть взглядом улицу и холм и убедился, что кругом ни души — по странному, счастливому стечению обстоятельств.

Не считая горлового всхлипа, который Фугеро издал после первого удара Амиота, поединок начался и закончился в жуткой тишине.

— Боже мой! — повторил мистер Макфейл. — Ты его убил?

— Не знаю. — Амиот, тяжело дыша, спустился по лестнице, рассматривая окровавленные костяшки своих пальцев. И добавил: — Мне все равно.

Женщина, у которой была маленькая зеленая лавка на склоне холма, увидела из своего окна лишь финал. Она выбежала на улицу и помчалась к таможене.

— Что случилось? О, мистер Макфейл! Что случилось?!

— Тише, женщина, придержи язык! — приказал таможенник. — Этот

мужчина упал с лестницы, вот и всё. Он потерял сознание, но дышит. Судя по тому, что от него несет спиртным, он приложился к бутылке. Думаю, придет в себя через минуту-другую. Если хотите быть полезной, можете сбегать на Норт-стрит и привести инспектора. Но никакой паники! Просто отправляйтесь туда и скажите спокойно, что он понадобится мне на таможне через пять минут. Понятно?

Кивнув, женщина убежала.

— А теперь вот что, парень. Давай-ка уходи отсюда побыстрее — вон там лестница, она ведет к причалу. Прилив уже кончился. Иди по прибрежной полосе, потом поднимись по этой лестнице, и окажешься на улице — как будто ты причаливал лодку. У тебя есть носовой платок? Хорошо. Перевяжи руку, а если кого-нибудь встретишь, небрежно засунь ее в карман. Нет, я не принимаю благодарности — это непрофессионально. К счастью для тебя, я на часок отпустил своего клерка. Но Господь заботится о дураках.

ГЛАВА 15 *Два посетителя в «Розе и якор»*

Через пару минут Фугеро открыл глаза, постепенно приходя в себя.

— Какого черта! — прорычал он. — Руки прочь, ты! Что это ты делаешь с моим горлом? — Это было сказано по-французски.

— Я развязывал вам шейный платок, — ответил мистер Макфейл. — Вы сильно ушиблись, упав с лестницы. Лучше полежите минутку спокойно.

Гигант с трудом сел и, оттолкнув таможенника, огляделся. Потом, ухватившись за перила лестницы, поднялся и, привалившись к ним, начал изрыгать проклятия, одновременно ощупывая свои карманы.

— Я вас не ограбил — если вы думаете об этом, — сказал мистер Макфейл.

— В какую сторону побежала эта маленькая скотина?

— Он не скотина, и он не маленький, и я не припоминаю, куда он побежал. Он оставил вас на мое попечение. Занимаясь вами, я не заметил, в какую сторону он пошел.

— Уверен, вы лжете, — заметил Фугеро и сплюнул.

Макфейл даже побледнел.

— Я не лгун, — ответил он, с трудом овладев собой. — Однако заявляю прямо: если бы ложь могла спасти какого-нибудь достойного парня от таких, как вы, я бы солгал.

— Но она его не спасет! Мальчишка принадлежит мне. Он сбежал с судна, и по закону я имею на него право. Да, у меня в сундуке на борту его бумаги, а еще такая хорошенькая плетка, ее называют «кошка». Это уже второй раз. Первый раз его спас один выживший из ума старик нотариус. Но я узнал, что он умер, а мертвые не в счет. А во второй раз *ты* дал ему уйти.

— Это вам еще придется доказать. — Мистер Макфейл тщательно взвешивал свои слова. — Так же, как придется доказать, каким именно образом вы очутились у подножия этой лестницы. Правда — но это лишь мои догадки, — мне думается, что вы получили по заслугам.

— Этот крысеньш застал меня врасплох.

— О, конечно, точно так же, как вы рассчитывали застать его. Не лучше ли вам вернуться на борт и отплыть? Лоцман уже дожидается.

— На черта мне сдался этот лоцман, да и ты тоже! Ничего, подождет, а надоест — пускай посылает счет агентам. Я могу сам вывести свою

посудину из гавани при любом приливе. Но я доберусь до этого парня, даже если просижу здесь неделю.

— А как насчет платы за простой?

— К черту плату за простой! Мне принадлежат три четверти акций.

— Вот как — а как насчет начальника порта? Ему нужно, чтобы вы освободили место.

— Вы не понимаете вот чего: этот парень сбежал с судна, и ваша полиция обязана его разыскать и передать мне.

— Можете сказать им об этом сами: полиция уже здесь.

И действительно, к ним размеренным шагом приближался инспектор полиции, рядом шел молодой констебль. Инспектор, высокий, крепкий мужчина, был всегда серьезен и славился своей терпимостью.

— Я слышал, у вас тут небольшая проблема, — сказал он.

— Проблема? — взвился Фугеро. — Никаких проблем — кроме того, что мой матрос сбежал с судна, и я побеспокою вас просьбой отыскать его.

Просто удивительно, как некоторые люди умудряются вызвать к себе антипатию с самых первых слов. Инспектор окинул шкипера безмятежным взглядом.

— Ваша фамилия?

— Фугеро.

— Да, конечно же, шкипер вон той шхуны, «Жоли бриз», не так ли? А как зовут матроса?

— Амиот Тристан, из Локтюди, это в Бретани. Или так, или Тристан Амиот. В общем, ублюдок.

— Вряд ли я могу дать такое описание на ордере и отнести на подпись судье: по такому описанию нельзя опознать и арестовать человека. Пожалуйста, скажите что-нибудь более определенное. — Инспектор перенял эту манеру вести беседу от заместителя начальника полиции. — Вы наняли этого человека матросом на вашу шхуну. В котором часу вы хватились, что его нет на борту?

Фугеро молчал.

Мистер Макфейл издал смешок.

— Не будьте слишком строги с этим человеком, инспектор. Учитывая, что это произошло почти год тому назад, вы вряд ли можете ожидать, что он вспомнит день и час.

— Я же вам говорю, у меня его бумаги! Если вы подниметесь на борт...

— Я не сделаю этого. Потому что так уж вышло, что у меня есть бумаги, касающиеся вас, и, если вы прогуляетесь со мной до полицейского

участка, я могу их вам показать. Против вас имеются сведения, предоставленные джентльменом из вашей страны и подписанные четырьмя свидетелями.

— Тьфу! Он мертв, и сведения уже устарели.

— Конечно устарели, но все же не так, как ваши притязания на этого молодого человека, а? Имеется также целая кипа документов, касающихся вас, на французском языке. Я сам не читаю по-французски, но, может быть, мистер Макфейл пойдет со мной и переведет эти бумаги.

— Думаю, в этом не будет необходимости, — сказал таможенник.

Фугеро изрыгнул проклятия в адрес обоих и вышел, шаткой походкой направившись к «Розе и якорю», чтобы поправить здоровье. В баре он заказал двойное бренди. Его обслуживала Дебора, молча наблюдавшая за ним.

Фугеро, проглотив бренди, толкнул к ней стакан по металлической стойке, чтобы его снова наполнили. Дебора отправила стакан обратно.

— Я вам больше не налью. Вы уже и так пьяны.

— Ну же, еще один маленький стаканчик, будь умницей!

— Ни капли.

— Вот как! — Он бросил на нее плотоядный взгляд. — Мне нравятся бабы с норовом — да еще с таким бюстом, как у тебя. А знаешь ли ты, что я могу разнести весь твой чертов бар одним взмахом руки — рюмки, бутылки и все остальное?

— Конечно знаю.

— И ты не боишься?

— Вас? Да ни капельки.

Взглянув на нее, Фугеро спросил:

— Наверное, рассчитываешь на поддержку, которую получишь, если позовешь на помощь? Прибегут из задних комнат этого заведения?

— Вовсе нет. Я могу позвать на помощь соседей или, — она бросила взгляд в сторону площади, — полицию. Ну что, позвать?

— Нет, чуть-чуть погоди. Не так уж я пьян, как ты говоришь, просто немного навеселе и пытаюсь думать.

— Ну что ж, думайте.

— Этот ваш паренек — вы с мадам не держите его где-то в доме, а?

— О ком это вы говорите? Ну что, вы уберетесь отсюда или мне позвать хозяина и вызвать полицию?

— Tiens!^[39] Да от вашей английской полиции честному человеку никакого проку — не больше, чем от нашей. Я говорю об этом моем торговце луком, которого вы мне не дали наказать и с которым вступили в

заговор. Он где-то поблизости?

— Нет.

— И не служит здесь?

— Нет, — ответила Дебора. — И даже если бы я знала, где он в эту минуту, то не сказала бы вам. Этого достаточно?

Фугеро поднялся.

— Достаточно. Но еще один стаканчик бренди не помешал бы, а?

— Если вы пообещаете — хотя вы и скотина — сразу же уйти.

Ему налили, он выпил свой стакан и, пошатываясь, побрел прочь.

В то же утро, немного позже, мистер Макфейл зашел в «Розу и якорь», чтобы, по своему обыкновению, выпить пинту сидра. Он предпочитал сидр пиву — он здесь был превосходный, из яблок, выращенных в саду отца миссис Льюорн. У этого сидра был привкус груши, а по цвету он напоминал светлый янтарь. Ежедневно ближе к полудню таможенник появлялся в «Розе и якорь», заходил в бар, трижды ударял в гонг, в остальном полагаясь на сообразительность тех, кто обслуживал здесь клиентов.

Вошла Линнет Льюорн, неся на подносе кувшин, стакан и безукоризненно начищенную оловянную кружку. Мистер Макфейл приподнялся со стула, давая понять, что оценил эту честь, и она объяснила, что Деборы нет, а парень, прислуживающий в баре, накануне вечером подвернул ногу, когда шел домой.

— Вам не за что извиняться, мэм, — сказал мистер Макфейл. — Вы оказываете мне честь. И если позволите старику такую вольность, то замечу, что никогда не наблюдал вас в таком цветущем виде. Замужество определенно пошло вам на пользу.

— Благодарю вас, мистер Макфейл. — Линнет осторожно налила сидр из кувшина в стакан. — А теперь посмотрите на свет. И прежде чем я перелью его в кружку, скажите, я нацеживаю так же хорошо, как Дебора?

— Несомненно, мэм. Чистый, как драгоценные камни, о которых читаешь в Апокалипсисе, но редко видишь в жизни. — Он вернул стакан. — Я очень рад, что вы обслуживаете меня вместо Деборы. Потому что хочу рассказать вам одну интересную историю о том, что произошло совсем недавно. Помните торговца луком, которого вы спасли чуть ли не год тому назад? Осторожнее, мэм, и переливайте быстро, не то прольете, — нельзя терять ни капли столь драгоценного напитка.

— У Деборы это выходит более ловко, чем у меня. — Линнет быстро перелила сидр.

— Вот и хорошо... Итак, он пришел сегодня утром ко мне в контору и там — вы просто не поверите! — случайно столкнулся с тем шкипером, Фугеро... Точнее, Фугеро наткнулся на него на Фор-стрит и пошел за ним следом. А парень как следует врезал ему три раза...

Мистер Макфейл пересказал всю историю, время от времени отрываясь от кружки. Линнет слушала, в поисках опоры нащупывая за спиной горячими руками дверной косяк.

— Но где же он?

— Шкипер? По правде говоря, ему бы следовало сейчас быть в больнице. Но такое животное... Когда-то в школе я читал об одном греке, который мог одним ударом убить вола. Я тогда не поверил... а теперь верю еще меньше. Ужасные лгуны все эти греки, которых я встречал.

— Нет, нет! Я имею в виду Амиота!

Мистер Макфейл испытующе взглянул на нее поверх своей оловянной кружки.

— Я не полицейский. Вы имеете в виду бретонского парня? Я не заметил, в какую сторону он пошел. Может быть, вверх по реке...

Шхуна «Жоли бриз» отчалила от берега вечером, во время прилива. У руля стоял помощник капитана. Шкипер лежал внизу, в каюте. Он вытянулся на койке и весь горел, дыхание было тяжелым. Бутылка бренди на столе была не тронута.

ГЛАВА 16 Награды и феи

В то утро, когда Амиот исчез из Лантиэна, Джонни Бозанко проснулся, исполненный надежд, которые постепенно сменились отчаянием. На кровати напротив не было Мэри, с которой можно было бы поболтать и что-нибудь придумать. Мэри забрали в комнату матери, где девочка, осыпая мать укорами, рыдала, пока не заснула. Их обожаемый Амиот ушел, а с ним — и маленькие надежды Джонни на счастье. Но он был мужественным и изобретательным ребенком. Поскольку на него и Мэри обрушилась беда, он должен действовать. Он прокрался вниз, в гостиную, нашел там лист бумаги и написал:

Дорогие феи!

Пожалуйста, отыщите Амиота и вирните его сюда. Моя сестра Мэри плачет из-за того, что он ушел, и мне ее очень жаль.

Дорогие друзья, если бы вы только знали, как мы оба разтраиваемся!

С уважением, Дж. Бозанко

На письме был обозначен адрес: «Феям, где-нибудь около Лантиэна, Лостуитъель».

Джонни послал его через кухонный дымоход, как обычно посылал свои пожелания Санта-Клаусу на Рождество.

А когда все в доме встали, он уговорил сестру пойти в лес за черникой. Мать положила им в корзинку немного еды и велела вернуться с полной корзинкой ягод. «Честный обмен — это не грабеж, а ваш отец больше всего на свете любит пирог с черникой». Солнце просто палило, но в лесу детям не грозил солнечный удар.

— Но теперь же все испорчено! — причитала Мэри.

— Ничего подобного, — решительно возразил Джонни.

— Пожалуй, в мире нет никого, кто был бы столь же... столь же черств, как мальчики.

— Если ты имеешь в виду, что я бесчувственный, то немножко подожди — пока я тебе кое-что не найду.

— Что?

— Угадай!

— Ты очень загадочен сегодня утром.

— А ты все время говоришь красивые слова. Я помню, папа как-то раз сказал, что красивые слова на хлеб не намажешь. Не знаю, что он имел в виду, но тебе нужно отучаться от этой привычки.

— Ну так что же ты обещаешь найти?!

Джонни заколебался, но вовремя вспомнил, как Мэри однажды сказала, что феи — это что-то такое... в общем, развенчанное. Это значило, что она в них не верит.

— Я не обещаю ничего конкретного. Ну, предположим, это гнездо кроншнепа...

Он снова совершил промах. Грачи, которыми так интересовался мистер Трежантиль, гнездились на деревьях, и их гнезда были хорошо видны; но труднее всего было найти гнезда кроншнепа. «Голос его повсюду, а гнезда нет нигде», — однажды сказал Амиот и добавил, что не успокоится, пока не найдет для них гнездо кроншнепа.

Мэри подавила свое горе, и они начали собирать чернику.

Когда дети набрали достаточно ягод на пирог, а рты у них были совсем черными («Нужно же попробовать, хорошие ли они», — повторял Джонни), они спустились на берег реки у Вудгейт-Пилл и умылись солоноватой водой. Возвращаясь обратно, они набрали на полуразрушенное строение, за которым был заброшенный сад. Они нашли там себе подходящее местечко и устроили пикник. Впервые в жизни Джонни, благодаря печали, познал одно отрадное чувство, которое, конечно, не смог бы выразить словами. Они с Мэри потеряли горячо любимого ими Амиота и потому были безутешны. Но их экспедиция и пикник были очень романтичны, а самое главное — Джонни впервые осознал, что он мужчина. Мэри плакала у него на плече. Это означало, что, несмотря на то что Мэри старше и превосходит его в знаниях, она — забавное существо, девчонка, и он должен ее утешать и защищать. Таким образом, к Джонни столь рано пришла догадка о долге мужчины в жизни. Все утро он бродил по лесу, проникаясь сознанием своей значимости. А еще он верил. И когда Мэри собрала остатки пиршества в корзинку, он сказал:

— А теперь я бы не удивился, если бы оказалось, что именно тут мы найдем гнездо кроншнепа — скажем, вон на той стене.

— Ты же ломаешь себе шею, — беспокоилась Мэри, когда он начал карабкаться на стену. — Я тебе запрещаю! Да и какие могут быть яйца кроншнепа в это время года?

— Я говорю не о яйцах. Я говорю о гнездах.

Он забрался на самый верх и, оглядевшись, соскользнул обратно.

— Там нет никаких гнезд, — объявил он.

— Я знала, что их там нет.

— Но на холме яблоневый сад — его не видно снизу, с берега. Ты тут пока собирайся и жди меня. Пойду взгляну, что там за яблоки — на вид они просто чудесные.

Джонни отсутствовал пару минут, а когда вернулся, то вид у него был загадочный и он весь сиял.

— Я знал это все время, — произнес он шепотом, — я знал...

— Да что же там такое?!

— Это вовсе даже не *что*, это *кто*. Угадай же, угадай! Нет, не могу больше терпеть! Это Амиот!

— Может быть, мисс, — не удержался Джонни, несмотря на то что был очень взволнован, — может быть, в следующий раз вы не будете так самоуверенно утверждать, что феи не существуют.

— О чем ты говоришь?

— Дело в том, что я взял да написал им. Написал и отправил письмо через дымоход — вот так-то.

— Что? Да у тебя солнечный удар! Амиот!

— Разве я не обещал тебе кое-что найти? Так вот, я залез на дерево, но на самом деле искал не яблоки. На самом деле, пока ты тут укладывала все в корзинку, я искал Амиота. А теперь тебе бы лучше снова заглянуть в нее — не осталось ли там чего: судя по его виду, он голоден. Когда он поднял голову с травы, на которой спал...

— Но где же он?

Джонни подошел к дверному проему и позвал:

— Амиот!

Через несколько секунд появился Амиот, усталый, растрепанный и ослабевший; у него едва хватило сил, чтобы принять в свои объятия Мэри, он даже качнулся, когда она в восторге бросилась ему на грудь.

— Я слышал ваши голоса, а потом свалился и уснул, наверное. И все-таки я слышал ваши голоса...

— Амиот!

Они отдали ему остатки съестного, и он жадно набросился на еду, но ел как-то машинально, а взгляд его, несколько странный, не отрывался от мирных лесов и реки, медленно текущей у подножия холма.

— Мы принесем тебе еще. О, посиди здесь, пока мы сбегает и скажем маме!

Оставив его, дети убежали. Тропинка вела через дубовую рощицу, и здесь-то они и встретили миссис Льюорн — Линнет. У нее на руке тоже висела корзинка. Пусть Джонни верил в фей и всякое такое, но для Мэри именно миссис Льюорн была воплощением всего лучшего в той взрослой жизни, о которой девочка мечтала: красота, грация, величавая осанка, нежный, но властный голос, безукоризненное произношение, нарядная одежда и прочие атрибуты богатства — короче говоря, все, чего жаждала ее юная душа. И она не гнушается носить корзинку!

— Какое чудесное утро, — сказала эта красивая леди. — Я думала, вы устроили в той стороне пикник. И я думала...

— Да, да — мы нашли Амиота! Он там, внизу, в доме! Мы пошли за едой для него. Нам сказать маме, что мы его встретили?

Линнет Льюорн немного помолчала. Потом вдруг приложила палец к губам.

— Подождите, — ответила она. — Давайте посоветуемся — мы втроем.

Она загадочно улыбнулась и, поманив детей пальцем, повела их в маленькую лощину под дубами. Усевшись на землю, она похлопала руками, указывая им место рядом с собой. Дети последовали ее примеру, сгорая от любопытства.

— Я так понимаю, что вы не хотите Амиоту зла? — Вопрос, прозвучавший неожиданно резко, ошеломил детей.

— Конечно нет, — ответила Мэри, а Джонни решительно добавил:

— Я бы стал за него драться, если бы понадобилось, и если это тот французский шкипер, который его преследует, вам стоит только сказать нашему отцу...

Но миссис Льюорн с серьезным видом покачала головой.

— В том-то и дело, — объяснила она, — что твой отец ничего бы не смог сделать. Его долг — выдать Амиота полиции. Этот французский негодяй вернулся, и Амиот подрался с ним и сбил его с ног, а это значит, что его могут арестовать и обвинить в оскорблении действием — вы понимаете, что это означает?

— Тюрьма? — выдохнула Мэри, побледнев.

Линнет кивнула.

— Шесть месяцев или больше, — сказала она. — Вы только подумайте: ему придется дробить камни или шить мешки для почты. А если он попытается бежать, его будут искать с собаками.

Дети в ужасе уставились на нее.

— Так что же мы можем сделать? — воскликнул Джонни. — Если

полицейские узнают, что он здесь, они придут сюда и наденут на него наручники. И поведут к судье.

— Вот именно, — подтвердила Линнет. — Они не должны его найти. И вот почему вам не следует говорить ни вашему отцу, ни вашей матери, что он здесь. Это было бы несправедливо по отношению к ним.

Мэри и Джонни были в недоумении. Их так воспитали, что со всеми своими горестями они шли к родителям. Это никуда не годится — вернуться домой и лгать. Линнет Льюорн поняла по выражению их лиц, что творится у них в душе.

— Я не прошу вас их обманывать, — мягко произнесла она, — вы просто не упоминайте о том, что нашли его. Они не станут вас спрашивать: ведь они думают, что он сейчас далеко в море. А если в Лантиэн явится полиция с расспросами — ну что же, тогда и будем думать, что делать.

Мэри, вспомнив о своем испорченном дне рождения, первой поддалась искушению.

— Никто не собирается его здесь искать, — заявила она, — и мы с Джонни легко можем приносить ему хлеб и яйца и все, что сбережем из нашего собственного завтрака и обеда.

— О, что до того, — сказала Линнет, — то я всегда могу прийти. За мной никто не будет следить и не будет ни о чем спрашивать. Единственное, в чем я хочу быть уверена, так это что вы не выдадите его.

— Выдать Амиота?! — пылко воскликнула Мэри. — Да ни за что на свете!

— Мы клянемся собственной жизнью, — сказал Джонни.

Они были вознаграждены ослепительной улыбкой, а потом — объятиями и поцелуем. Затем искусительница поднялась на ноги.

— Итак, мы договорились, — заключила она. — Место, где прячется Амиот, — секрет, известный только нам троим. А теперь — что, если вам вернуться в Лантиэн — не спеша, с очень естественным видом, — а я бы пока пополнила запасы нашего... нашего пленника?

Позже дети решили, что это очень здорово — делить секрет с миссис Льюорн. Ведь она взрослая и замужем, и, разумеется, она знает, что делает. Она никогда бы не предложила хранить что-то в секрете, если бы в этом было нечто дурное.

— Не забыть бы нашу чернику, — сказала Мэри. — Там, внизу, у залива, целая корзинка.

— Надо отдать четверть ягод Амиоту, — добавил Джонни. — Если мы отдадим больше, мама что-нибудь заподозрит или обвинит нас в том, что мы съели чернику сами.

Они вернулись на берег, на этот раз крадучись, обмениваясь взглядами, как заговорщики. Радость от того, что они нашли Амиота, теперь несколько померкла из-за тревоги. Секрет был захватывающим, но в то же время лег на них тяжким бременем. Даже великолепный день слегка утратил свое сияние; на западе собирались облака, предсказывавшие перемену погоды. Стая черноголовых чаек, предвестников осени, поднялась с песчаной отмели и с тревожным и пронзительным криком понеслась над берегом вниз по течению. Одинокая цапля, которая спокойно отыскивала себе пропитание, тоже забеспокоилась и, захлопав крыльями, пустилась следом за чайками.

Амиота не было видно, но Линнет, бросив взгляд в сторону разрушенного дома с зияющим дверным проемом, улыбнулась и сказала:

— Вам бы лучше пойти домой, дети. Я позабочусь о нем.

Взмахнув рукой, она отвернулась, как бы отпуская их. Джонни с Мэри молча взяли корзину с черникой и, не оглядываясь, направились к лесу.

Они прошли несколько сотен ярдов, и вдруг Джонни остановился:

— Мы же забыли дать Амиоту ягод! — Он указал на корзину. — Мне сбегать?

Мэри покачала головой.

— Мы им не нужны, — ответила она коротко, — и черника тоже.

Они молча побрели домой. Им казалось, что в лесу нависла гнетущая тишина. Внизу, в заливе, все замерло, словно погрузилось в полуденную дрему. Лишь время от времени малиновка заводила свою жалобную песню в заброшенном саду, где никогда больше не будут собирать яблоки.

ГЛАВА 17 Доктору Карфэксу помешали

У доктора Карфэкса был поздний ланч после утреннего объезда пациентов, и поскольку больше вызовов не было, он пообещал себе, что время, оставшееся до вечернего приема, относительно спокойно проведет в своем саду. Точнее, в маленькой деревянной хижине, которую он себе построил в конце садовой дорожки, возле хорошо ухоженной лужайки. Морской порт, в котором кипела жизнь, прибытие и отбытие судов и прогулочных яхт — все это занимало его как наблюдателя, вооруженного подзорной трубой, в то время как мусорная куча, разместившаяся за хижинкой (садовник сбрасывал туда птичий помет и прочее), давала доктору Карфэксу пищу для философских размышлений — к примеру, о бренности всего, что имеет растительное или животное происхождение, особенно животное, ибо в данную минуту он с помощью подзорной трубы наблюдал смертельную схватку между двумя случайно попавшими туда ухвертками и колонией муравьев.

Поэтому в этот июльский полдень доктор особенно рассердился, когда в окне хижины показалось круглое лицо Моны (миссис Уэлч — для всех, кроме доктора), славной женщины, служившей у него; она объявила, что звонят в колокольчик у парадного входа.

— Пусть продолжают в том же духе, — решительно ответил ее хозяин. — Ребенок у Робертсов должен появиться на свет не раньше чем через две недели, сегодня утром я забинтовал щиколотку Неду Варкоу, а у Элизы Хокен достаточно таблеток от несварения желудка, чтобы убить ее, если ей так заблагорассудится. К тому же если я нужен кому-либо из моих пациентов, то они знают, что надо идти ко входу во врачебный кабинет. Ради бога, женщина, уйди и оставь меня в покое.

Но Мона не сдавалась. Звяканье дверного колокольчика прервало на середине ее дневное омовение, столь же священное для нее, как размышления — для ее хозяина, и теперь они должны страдать оба.

— Нет никакого смысла препираться со мной, доктор, — ответила она. — К тому времени, когда я дошла до парадного входа, он уже вошел, и я же не могла отрицать, что вы дома, поскольку он видел, как вы пошли в хижину.

— Черт побери! — Доктор взорвался, как фейерверк пятого ноября, в Ночь Гая Фокса.^[40] — Вечно они заглядывают в окно кухни и просят вас оторвать меня от обеда. Это было ошибкой — поселиться в доме, который

стоит прямо на улице, а еще — иметь такую низкую стену вокруг сада, что не успеешь и пару минут погреться на солнышке, как все пациенты уже знают об этом. Клянусь, как-нибудь на днях я удеру на бодминские вересковые пустоши и построю там себе неприступное «орлиное гнездо», а те, кому нужна помощь врача, пусть едут за ней верхом через болота.

— Да, доктор, — вздохнула Мона, которая уже слышала все это дюжину раз. — А между тем он вошел в библиотеку, не спросив у меня разрешения, и, насколько мне известны его повадки, сидит сейчас в вашем собственном кресле, с которого я утром как раз сняла чехол, не ожидая никаких посетителей.

— Ну и мерзавец! — воскликнул доктор, добавив несколько эпитетов, не подходящих для ушей его экономки. — А кто же, позвольте спросить, этот невоспитанный незваный гость, который врывается в мои личные апартаменты, в то время как всем известно, что входить туда моим пациентам строго воспрещается?

— Это мистер Льюорн, сэр, из «Розы и якоря».

— Льюорн?!

Гнев сменился изумлением, а взрыв ноябрьской петарды — удивленным свистом.

— И что же это, интересно, ему от меня надо? Он даже не входит в число моих пациентов.

— Не знаю, доктор. Он спросил вас и прошел прямо мимо меня, вот и всё. Но я не могла не заметить, что он как-то странно выглядит.

— Хм...

Карфэкс не очень-то жаловал хозяина «Розы и якоря», который купил свое положение за деньги и был задирой и хвастуном. Если бы не тот факт, что у Льюорна был отменный винный погреб и что ему посчастливилось жениться на самой красивой женщине в Трое, доктор вряд ли обменивался бы с ним даже обычными любезностями. Правда, винный погреб достался ему от предшественника, точнее — был продан вместе с заведением, а Линнет Константайн он получил в результате сделки с ее обнищавшим отцом. Льюорн проявил смекалку, купив и то и другое, и тем не менее было что-то неприятное в человеке, который не мог отличить одну марку вина от другой да к тому же обладал женой, у которой еще не сошел со щек девичий румянец.

— Значит, он не сказал, по какому делу явился, — задумчиво выговорил доктор, поворачиваясь спиной к мусорной куче и гавани и направляясь по садовой дорожке к дому: любопытство внезапно перевесило стремление к философии и одиночеству. — Ну что ж, сейчас

мы это узнаем, — заметил он скорее себе, нежели Моне.

Однако добрая женщина, семенившая рядом с ним, сочла это приглашением к разговору и, будучи наделена некоторой долей проницательности, как и подобает экономке врача, не упустила шанс предположить, что миссис Льюворт наконец-то в интересном положении.

Это «наконец-то», подумал доктор, было намеком, показывающим, что сплетники в Трое уже заинтересовались тем, что природа не торопится устроить так, чтобы под крышей «Розы и якоря» раздавался топот маленьких ножек; а если он верно судил об обитателях Троя, то скоро там станут шептаться и об открытом разрыве между мужем и женой. Доктор благоразумно воздержался от комментариев, ничего не ответив на слова своей экономки. Обогнув дом, он поднялся по садовой лестнице и вошел в библиотеку через эркер, намереваясь напугать посетителя и одновременно сделать так, чтобы ему прямо в лицо бил солнечный свет. Замысел доктора удался. Марк Льюворт неловко поднялся на ноги, не успев придать лицу надлежащее выражение. Мона была права, выглядел он действительно неважно. Можно даже сказать, представлял собою печальное зрелище: опущенные плечи, взгляд больной собаки, руки, неуклюже прижатые к бокам.

— Итак, Льюворт, чем могу служить? Насколько я понимаю, вы не больны, иначе бы удосужились узнать, что я принимаю с шести до семи.

Доктор Карфэкс был резок. Вряд ли стоило быть обходительным с человеком, который не блещет воспитанием.

Хозяин гостиницы зашаркал ногами.

— Простите, что побеспокоил вас, доктор, — сказал он, — но это личное дело, не имеющее никакого отношения к моему здоровью... вернее, прямого отношения: при таких огорчениях и потере сна я не удивлюсь, если уже немного похудел.

— Вам не вредно и похудеть, — отрезал доктор. — Мужчины в вашем возрасте чаще умирают от избыточного веса, нежели по какой-то другой причине. Переходите к делу. В чем оно состоит?

Марк Льюворт сначала посмотрел на потолок, потом — на пол и наконец перевел полный отчаяния взгляд на своего собеседника.

— Моя жена, — ответил он, — она разбивает мне сердце.

Доктор Карфэкс перешел от эркера к камину и, стоя спиной к каминной решетке, за которой не горел огонь, начал рыться в карманах в поисках трубки и спичек. Это давало ему возможность собраться с мыслями, а незваному гостю — обрести равновесие.

— Много лет тому назад, — сказал он наконец между затяжками

(поскольку эта трубка медленно раскуривалась), — я, будучи студентом, написал работу о природе и функции сердца. И могу вас заверить (а мое мнение подтверждено величайшими авторитетами в области медицины): данный орган сконструирован таким образом, что можно смело отвергнуть вероятность того, будто он способен разбиться. Или, если вы игрок, то такая возможность составляет миллион против одного.

Это утверждение ни в коей мере не успокоило хозяина гостиницы.

— Может, и так, доктор, — упорствовал он. — Но я же говорю не о медицинской стороне дела. Я имею в виду свое душевное состояние. Я просто дошел до крайности!

Доктор Карфэкс вздохнул. Размышления в саду с подозрительной трубой откладывались на неопределенное время. Он привык к исповедам, а эта, судя по всему, обещала затянуться до бесконечности.

— В таком случае садитесь, — доктор придвинул гостю кресло, — и, если вам хочется закурить, прошу вас, не стесняйтесь.

Мистер Льюорн покачал головой. Опустившись в предложенное кресло, он с серьезным видом заглянул доктору в глаза.

— Она к вам прислушается, — заявил он, — вот что я себе сказал. Она так считается с вашим мнением! И одно ваше слово всё бы исправило. Она никогда не посмеет не считаться с вами. — Он стукнул себя по колену, как бы подчеркивая свои слова, а его собеседник продолжал с невозмутимым видом курить трубку.

— Вы жалуетесь на поведение своей жены, — спросил доктор, — или на то, что она проходит какой-то курс лечения, который может оказаться пагубным для ее здоровья?

Прошло минуты две, прежде чем хозяин гостиницы уловил смысл этого вопроса.

— С ее здоровьем все в порядке, — ответил он нахмурившись. — Она никогда еще не выглядела так хорошо. Дело в том, что она обращается со своим мужем так, что это противно природе.

— А! — Известный в Трое врач не в первый раз выслушивал подобные жалобы от разгневанных или разочарованных мужей, и найти решение было не всегда легко, тут требовались деликатность и такт. — Насколько я понимаю, она выпроваживает вас как раз в тот момент, когда вам особенно хочется засвидетельствовать ей свое почтение?

— Выпроваживает? — повторил хозяин гостиницы. — Говорю вам, доктор, она вообще не желает меня видеть. Она никогда не разговаривает со мной вежливо. А разве я не дал ей все самое лучшее: хороший дом, наряды, украшения — все, о чем она ни попросит? Да ни с одной

женщиной в Трое так не носятся! И все, что я получаю за это, — холодные взгляды и колкости. Да еще и не наедине, а на людях. Скоро я стану посмешищем для всех моих клиентов и не смогу показаться в своем собственном баре.

Этот человек был так расстроен, что на глазах у него выступили слезы, и у него не хватило гордости их вытереть. Раздумывая над его словами, доктор снова переместился к эркеру, откуда ему был виден паром, перевозивший пассажиров на другой берег. Несомненно, Линнет Льюорн была виновата. Она не имела никакого права так обращаться со своим мужем ни наедине, ни прилюдно. Она дала клятву у алтаря и должна смириться. Что касается ее мужа, то этому дураку не следовало жениться на девушке, которая годится ему во внучки.

— А теперь послушайте меня, Льюорн, — начал доктор. — Я никогда еще не выступал в роли посредника и не собираюсь делать это сейчас. Уясните себе это сразу же. То, что происходит у вас с женой, это ваше, а не мое дело. Да, я помог ей появиться на свет и лечил от разных детских болезней, но это не делает меня отцом-исповедником. Если вы хотите, чтобы я указал на причину ваших неприятностей, я могу это сделать, но вы вряд ли будете мне за это благодарны. И вот в чем она заключается: вы старше жены более чем на сорок лет.

Доктор вынес свой вердикт и снова начал раскуривать трубку, которая погасла. Хозяин гостиницы продолжал смотреть на него с умоляющим видом.

— Я говорил это себе сотни раз, — наконец произнес он, — но ведь она была шелковая, когда мы только поженились. Я считал себя самым счастливым мужчиной на свете. Нет, я скажу вам, доктор, в чем дело. — Льюорн подался вперед и понизил голос. — У нее есть кто-то другой, и если бы я знал, кто это, то свернул бы ему шею.

«Вот, значит, что, — подумал Карфэкс. — Так, так... Ну что же, это лишь подтверждает мой диагноз».

— И чего же вы от меня хотите? — произнес он. — Добиться признания от вашей жены и потом выдать ее вам?

— Нет, доктор, — возразил хозяин гостиницы, — для этого у меня есть другие. Я хочу, чтобы вы ее как следует напугали и она бы осознала свою ошибку, пока еще не поздно.

— Вот те на!

От возмущения Карфэкс поднялся со своего кресла. Ну и нахал! Врывается в его дом — причем Льюорн даже не входит в число его пациентов — и требует, чтобы он, Карфэкс, сделался проповедником и стал

наставлять на путь истинный молодую женщину, которой он, по правде говоря, очень сочувствует. Нет, это уж слишком!

— Извините, Льюорн, — резко заявил он, — но это не мое дело. Ваша жена достаточно взрослая, чтобы знать, что делает, и если ведет себя не так, как надо, вы должны разбираться с этим сами. До свидания. — Он проследовал к дверям и демонстративно их распахнул.

Хозяин «Розы и якоря» наблюдал за ним с унылым видом.

— Но что же мне делать, доктор? — воскликнул он. — Она клянется в одном, а делает другое. Она гуляла при луне с каким-то парнем — мой бармен говорит, что видел ее прошлой ночью, когда я был на масонском обеде. А когда я сегодня утром обвинил ее в этом, она презрительно рассмеялась.

Карфэкс нахмурил брови. Муж, который прислушивается к сплетням, получил по заслугам. Так вот, значит, где вывихнул ногу Нед Варкоу: шпионил за женой своего хозяина. Льюорн, который не мог больше игнорировать распахнутую дверь, неохотно встал.

— Ну что ж, доктор, — сказал он, — если вы не хотите с ней побеседовать, я не могу вас заставить. Но хоть она и языкастая, над вами ей бы не взять верх, как надо мной. «О да, — говорит она мне, — конечно, я лежала в объятиях другого мужчины. Я упала с воза с сеном у мистера Бозанко и, если бы меня не поймал его работник, сломала бы себе ребра. Так как же я могу поклясться, что никто, кроме вас, до меня не дотрагивался?» И с этими словами она со смехом закрывает дверь перед моим носом. Что бы вы на это ответили, доктор?

— До свидания, Льюорн, — мрачно повторил Карфэкс.

Хозяин гостиницы замешкался, протянул было доктору руку, но тут же отдернул ее и, пройдя через холл, вышел из дома. Доктор, произнеся с отвращением: «Тьфу!», распахнул окно, чтобы проветрить библиотеку. Он вернулся к хижине, но за то время, что он отсутствовал, небо затянули тучи, да и после вторжения незваного гостя он уже не мог предаваться приятным размышлениям. «О, черт возьми, — пробормотал он раздраженно, смахнув с подозрной трубы паука, которого в любое другое время принялся бы с интересом изучать. — Пусть Линнет Льюорн сама занимается своими делами». И тем не менее прощальные слова хозяина гостиницы вызвали у него в памяти тот эпизод, когда Линнет в роли королевы урожая внезапно упала с воза и могла бы серьезно пострадать, если бы не находчивость бретонского парня, стоявшего рядом.

«Случайность ли, подстроенный ли несчастный случай, но это было ловко сработано», — подумал доктор и вдруг замер на месте, пораженный

одной мыслью. Разве он не описывал год назад точно такой же случай бедному Ледрю? Разве много веков тому назад одна королева не покрывала свою вину именно таким образом?

— Будь я... — Доктор, резко оборвав готовое вырваться проклятие, повернулся на каблуках и поспешил к дому.

Только когда он подошел к книжным полкам, то вспомнил, что все томики, где излагается подобный случай, который, конечно же, не был связан ни с каким возом сена, он сам же на несколько месяцев отдал мистеру Трежантилю из Пенквайта.

Доктору стало ясно, что именно произошло. Трежантиль, который, подобно другим его пациентам, подбирал тонизирующее средство по своему вкусу, превысил прописанную ему дозу исследований местных карт и документов, касающихся старинных майоров: он начал внимательно читать легенды о Тристане и, что еще более неэтично, наверное, с жаром пересказывал их своему наивному ученику. Одно дело — «Робинзон Крузо», и совсем другое — поэмы двенадцатого века. Пожалуй, нужно проучить Трежантиля и посадить его на рыбную диету, да еще заставить пить молоко с содой вместо вина. Во всяком случае, эти уроки английского надо пресечь в корне, чтобы переводы глубокомысленно не обсуждались учителем и учеником в присутствии романтично настроенной хозяйки «Розы и якоря». Шагая в гору к конюшне, доктор Карфэкс размышлял о том, кто будет сильнее огорчен этим неожиданным выездом в три часа дня, да еще после напряженного утра, — он или Кассандра.

ГЛАВА 18 Любовный дуэт

*Там погребенная любовь живет
И память о любовниках былых.* [\[41\]](#)

— Скажи мне, скажи, когда ты впервые...

— Впервые?..

— Когда ты впервые почувствовал... ну, в самый первый раз...

Амиот, а именно ему был задан этот неизбежный вопрос, старый, как сама любовь, или моложе ее на несколько минут, растянулся на земле, подмяв папоротник, и, прикрыв глаза, следил за жаворонком, который пел, выписывая спирали в сияющей вышине, и вдруг резко ринулся вниз.

— Первого раза не было... Ах нет, был! Правда, это был всего лишь трепет, когда ты дотронулась до меня — в тот день, когда я мыл спину губкой.

— Да, да. — Склонившаяся над ним Линнет кивнула.

Она задержала его руку, которой он водил по своему лбу, и притянула ее к себе, но он отнял руку.

— Дай-ка мне подумать... А еще... когда месье Ледрю указал вниз с вершины горы, что-то как будто разбилось, вот здесь. — Он снова дотронулся до лба. — Это было... как бы тебе сказать... Как будто кто-то разбил флакон с духами... Но это был запах чабреца, по которому ступали наши ноги, а еще была музыка, и я почувствовал прикосновение на своем лице и волосах, словно чьи-то пальцы играли какую-то мелодию. И тогда у меня с губ сорвалось то слово...

— Какое слово?

— Название. Я никогда не слышал его прежде.

— Что за название?

— Название места — вот этих лесов, что над нами. Лантиэн.

Линнет немного помолчала. «Это было чудо», — думала она. Затем вслух произнесла:

— Но у меня было еще удивительнее. Перед тем как я тебя увидела, примерно за минуту до того, я услышала, как произнесли имя. И это было твое имя — Амиот. Оно влетело в старое окно, которое я как раз открыла. Нет, теперь, когда я об этом думаю, — оно не влетело, а скорее зазвучало, как те аккорды, которые ты извлекал из своей скрипки, касаясь струн. И сердце мое тоже зазвучало от этого, сильно забилось, и раньше, чем ты, да,

раньше, чем ты, я пробудилась и ожила. Да, еще до того, как мои пальцы дотронулись до тебя, когда в руке твоей была губка, — даже раньше, чем я тебя увидела. Но расскажи мне, что произошло дальше.

— В ту минуту, как это слово слетело с моих уст, я увидел экипаж, мчавшийся по дороге. И я побежал и начал кричать. У меня вырвался такой вопль! Я даже не узнал собственного голоса.

— Да! Это оттого, что в ту минуту ты родился заново: превратился из мальчика в мужчину. Совсем неожиданно — да? — ты вдруг смог подчинить себе лошадей.

— Я никогда не узнаю, как это произошло. Видишь ли, я родился на крошечном острове, где не было ни одной лошади — только несколько несчастных осликов, которые таскали наши повозки с рыбой.

— Однако в то мгновение ты почувствовал, что ты — повелитель лошадей!

— Я не знал этого — просто закричал. Но с тех пор меня действительно слушаются лошади — меня, который ни разу не сидел в седле! Даже теперь я не уверен, что смог бы ездить верхом. Но я могу им приказывать, мне стоит лишь прошептать. Мистер Бозанко может подтвердить это. Для меня это загадка.

Они немного помолчали, потом Линнет снова обратилась к своему возлюбленному:

— Слушай же. Положи голову мне на грудь и слушай, теперь моя очередь рассказывать. Когда экипаж бешено раскачивался, а обезумевшие лошади неслись по дороге, я приготовилась к смерти. Вцепилась в поручни и прощалась со всем миром. Я услышала твой крик, увидела фигуру, твою, черную на сверкающей дороге. Говорят, что в последнее мгновение перед утопающим мелькают воспоминания. Амиот, взгляни на меня и ответь. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что ты и я жили прежде — быть может, много раз, чтобы снова родиться, целоваться, вдохнуть в другого свою душу через уста, чтобы обладать друг другом и умереть? Подумай, любовь моя, и помоги мне, если можешь.

— Я не могу думать, Линнет, когда моя голова лежит у тебя на груди. Я только изумляюсь и мечтаю.

— Помечтай еще немного. Потому что мне нужно многое тебе рассказать. Ты помнишь, как потом лежал на дороге, а я склонилась над тобой и пыталась тебя разбудить, а кровь из моего пореза над бровью капала на тебя, так что даже дождь не успевал ее смывать, и над нами стояла туча, как натянутое полотно, и я склонялась над тобой, трогала тебя, взяла твою голову в руки? Но на самом деле — да, я это видела — я сидела

где-то наверху, высоко, как на верхнем ярусе в театре; а ты, обнаженный, с голой грудью и бедрами, лежал в тени от занавеса. Лежал, вытянувшись на песке, на окровавленном песке. Потом все закончилось, и мы снова оказались в Замке Дор, и доктор Карфэкс подошел, чтобы помочь тебе. Но в ту ночь ты приснился мне, и я внезапно проснулась, словно в лихорадке. Мне снилось, что я иду к тебе по горящему мосту и путь мне преграждают. Я никак не могла до тебя дойти. Кажется, я кричала от муки, а потом вдруг проснулась, и рядом со мной лежал старик, и ноги его обжигали, как горящий мост.

Она склонилась над Амиотом, коснувшись его губ, и он притянул ее к себе, удивленно глядя в ее опечаленные глаза, пораженный тем, что она страдает из-за него в своих снах.

— У меня было не так, — сказал он. — С того самого дня я спал как убитый. Но когда просыпался, ты всегда была со мной — неважно, где я и что делаю, есть только ты, и ты мне улыбаешься, как тогда, когда нас разделял костер. Ты помнишь, мы пили из одного бокала, и я сломал свою скрипку о колено, зная, что отныне наделен небывалой силой и что она каким-то загадочным образом пришла ко мне от тебя. Ни у одного мужчины, ни у одной женщины, ни у одного зверя нет надо мной власти — я почувствовал это, когда ударил Фугеро. Словно в меня вселилась какая-то волшебная сила и благодаря ей мы ожили, ты и я. Без нее мы были бы просто обычными смертными, слепыми, глухими, немymi. Поцелуй меня еще раз, Линнет.

— Уверяю вас, что ни в малейшей степени не отклонился от ваших инструкций, — произнес голос мистера Трежантиля, приближавшегося с той стороны бухты, где находился Пенквайт. Голос этот звучал пронзительно, а тон был сварливый. — Я строго придерживался «Робинзона Крузо», и мне бы никогда не пришло в голову читать ваши записи этому молодому человеку или те тома, которые вы мне одолжили, а тем более обсуждать их содержание. Кроме того, у него не хватило бы ума их понять. — Трежантиль явно обращался к доктору Карфэксу. — Что касается той молодой женщины, которую вы упомянули, то я с ней и двух слов не сказал. В любом случае, ваше предписание более не актуально, так как, насколько мне известно, Амиот был уволен Бозанко и отплыл из Троя в это самое утро. Но я не могу понять, почему это должно послужить причиной того, что вы посадили меня на вареную рыбу и молоко с содой. Все это сильно действует на нервы, и это как раз в тот момент, когда грачи и галки собираются в стаи. Я рассчитывал на этого юношу, полагая, что он

мог бы заняться наблюдением за тем, как они добывают себе корм. Осторожно, здесь дорога внезапно идет под уклон. Ах! Миссис Льюорн!

Амиот исчез, нырнув в подлесок. Линнет сидела на пригорке посреди просеки — бледная, сосредоточенная, с вызывающим видом обхватив руками колени.

ГЛАВА 19 Столкновение в Пенквайте

«Если бы я не знал, что Трежантиль и по своему характеру, и по складу ума не способен к тайной любовной связи, — подумал доктор Карфэкс, — я бы решил, что застукал его на месте преступления». Ибо владелец Пенквайта залился румянцем, удивительным для человека, долгие годы страдавшего от больной печени, а красивая молодая хозяйка «Розы и якоря» находилась довольно далеко от Троя, куда ее должны бы призывать прямые обязанности, так что можно было предположить, что она пришла в это отдаленное место с определенной целью. Короче говоря, человек, наделенный хотя бы крупницей проницательности, подумал бы, что это заранее назначенное любовное свидание.

Доктор Карфэкс проехал в двуколке, в которую была впряжена исполненная негодования Кассандра, трусившая мерной рысцой, две с половиной мили, отделявшие его от Пенквайта. Там он узнал, что Трежантиль отправился на прогулку и в последний раз его видели, когда он спускался с холма, направляясь в Вудгейт-Пилл. Доктор оставил лошадь и двуколку на попечение Дингля, кучера, и отправился пешком на поиски своего пациента, которого в конце концов обнаружил в нижней части поля, расположенного на холме, — Трежантиль собирался спуститься к бухте.

Мистер Трежантиль, полагавший, что его гость прибыл, чтобы приятно провести время, наблюдая за птицами, а затем выпить чашечку чаю, был обескуражен, когда сделался объектом нападок. Негодуя, пациент начал доказывать свою невиновность, и как раз в этот момент они наткнулись на ту самую злосчастную женщину, имя которой было на устах у обоих. Уже само по себе плохо было то, что его обвинили, будто он показал личные записи и бумаги доктора парню из Бретани, но когда за этим обвинением последовало предположение, будто он обсуждал с женой хозяина гостиницы достойную порицания любовную связь давно усопших Тристана и Изольды, это ущемило чувство собственного достоинства мистера Трежантиля. Не удивительно, что он покраснел и под взглядом доктора начал выпутываться из затруднительного положения:

— Какой приятный сюрприз! Так редко встречаешь кого-то в Вудгейт-Пилл — все так заросло, столько крапивы и папоротника. Но в этом году такое изобилие ежевики — я вижу, вы захватили с собой корзинку, несомненно, вы намереваетесь наполнить ее прямо сейчас. Ну-ну, кто бы мог подумать! Я только что говорил доктору Карфэксу... — Мистер

Трежантиль оставил фразу незаконченной из опасения, что это даст лишний повод наговорить в его адрес еще больше обвинений. И он изобразил бурную деятельность, хлеща своей палкой по зарослям. Это позволило ему повернуться спиной к Карфэксу и молодой женщине, скрывая таким образом свое смущение и одновременно пытаясь уменьшить запустение, царившее здесь веками.

Линнет Льюорн перевела презрительный взгляд с пациента доктора Карфэкса, с такой яростью набросившегося вдруг на ни в чем не повинный папоротник, на высокую фигуру самого доктора Карфэкса. Его насмешливый взгляд напомнил ей те времена, когда она в детстве пыталась скрыть от него сыпь, настаивая, будто эта сыпь от того, что она ела клубнику, хотя они оба прекрасно понимали, что у нее корь.

— Чудесное утро для размышлений, — заметил доктор, окидывая взглядом пейзаж, — и ничто не дает мужчине или женщине такого чувства соразмерности, как бухта во время отлива: тогда обнажаются все тайные уродства, которые мы считали забытыми и мертвыми. Однако я не вижу ни лодки, ни лошади — следовательно, вы пришли пешком. Вы любите ходить?

Линнет истолковала его интонацию следующим образом: если это еще не война, то скоро до того дойдет. Доктор Карфэкс что-то подозревает — но что именно?

— Вообще-то люблю, — ответила она холодно. — Я зашла к людям, которые живут там, где я родилась, — в кузнице у Замка Дор, а потом решила прийти сюда. Как вы сказали, сегодня чудесное утро для размышлений.

— Но, кажется, пойдет дождь, — возразил ее противник, — еще до наступления сумерек. Поэтому вам бы лучше дойти с нами до Пенквайта, и я, с вашего разрешения, подвез бы вас в своей двуколке.

Линнет колебалась, украдкой бросая взгляды на полуразрушенное строение, и доктор, от зорких глаз которого не ускользало ничто, недоумевал: отчего это уединенное жилище, хоть и очаровательное в своем романтическом обрамлении, она предпочитает его обществу в двуколке. Быть может, он все-таки прав и она пришла сюда на свидание с кем-то — Трежантиль, конечно, не в счет.

Должно быть, Линнет угадала его мысли, так как медленно поднялась на ноги, взяла свою корзинку и отряхнула с платья приставшие к нему листья.

— Благодарю вас, — произнесла она небрежно, а затем, неожиданно повысив голос — вероятно, чтобы привлечь внимание мистера Трежантиля,

все еще сражавшегося с зарослями, добавила: — Наверно, будет разумным принять ваше предложение и отправиться с вами домой, в Трой. А ежевики я смогу собирать и завтра, если будет хорошая погода.

Очевидно, ее слова были услышаны, ибо мистер Трежантиль, в замешательстве глядя на доктора, появился из зарослей, весь в колючках. Он указал на изгородь, за которой простирались его владения.

— Осторожно, — произнес он нервно, — здесь крутовато. Прошу вас, возьмите меня под руку.

Но Линнет уже была далеко, и мистер Трежантиль не успел ей помочь. Она поднялась по склону холма и была уже в поле, поджидая обоих мужчин. Игнорируя доктора, она одарила его пациента ослепительной, манящей улыбкой.

— Как удалены вы здесь от всех испытаний и суеты мира! — воскликнула она, тепло взглянув на мистера Трежантиля. — Не удивительно, что вы редко отсюда выезжаете. А вам не бывает одиноко?

Такое тепло, подумал доктор, растопило бы сердце самого непоколебимого женоненавистника. Однако какого черта она тратит свое обаяние на Трежантиля? Наверняка что-то замышляет.

— Одиноко?! Боже мой, нет — то есть бывает, но крайне редко. У меня так много увлечений, — взволнованно произнес пациент Карфэкса, не зная, идти ли ему вперед или оставаться рядом с неожиданной гостьей, — он не привык общаться с лицами противоположного пола, за исключением миссис Бозанко. — Я наблюдаю за птицами, коллекционирую бабочек и переплетаю книги, а теперь еще разбираю бумаги доктора Карфэкса. Другими словами, я очень занят с утра до ночи.

Мистер Трежантиль с тревогой взглянул на доктора, осознав, что от волнения коснулся запретной темы: ведь именно из-за этих бумаг его врач обрушил на него свой гнев каких-нибудь десять минут назад. Карфэкс ничего не сказал, и выражение его лица было непроницаемым. А вот миссис Льюворн, напротив, сразу пустилась по следу, как гончая за зайцем.

— Разбираете бумаги? — переспросила она. — Я больше всего на свете люблю это занятие. В прежние времена у нас дома тоже было полно бумаг, и их бы выбросили, если бы не я. Мистер Трежантиль, если вам нужна помощь, я буду счастлива предложить себя в качестве помощника библиотекаря. По правде говоря, мне нечем заняться в «Розе и якоре», особенно днем, когда закрыт бар.

Не очень мелодичные звуки у них за спиной известили и Линнет, и хозяина Пенквайта, что доктор Карфэкс мурлычет какую-то мелодию, что с ним обычно бывало, когда он задумывался, а особенно часто — когда

состояние пациента требовало резко изменить план лечения. Мистер Трежантиль узнал этот злобный сигнал и, в ужасе оттого, что в ближайшем будущем ему грозит молочно-содовая диета, мужественно попытался сочетать твердость с обходительностью.

— Весьма любезно с вашей стороны... весьма любезно, я очень тронут, — запинаясь, начал он, и цвет лица у него стал еще более желтым. — Но дело в том, что у меня своя собственная система составления картотеки. Много лет, проведенных в Индии, я ее совершенствовал, и никто, кроме меня, не сможет в ней разобраться. — Обнажив длинные зубы, Трежантиль улыбнулся извиняющейся улыбкой (как он тщеславно полагал), на самом же деле это сделало его похожим на отощавшего загнанного волка. — К тому же, — добавил он, — могут начать роиться пчелы. Знаете ли, иногда это с ними бывает, и в августе тоже, если какой-то период стоит солнечная погода. Если пчелы роятся, я бросаю всё и бегу — это небезопасно. Даже люди в сторожке в таких случаях запираются.

Мурлыканье за ее спиной сменилось фырканьем, и Линнет, с подозрением оглянувшись через плечо на человека, который помог ей появиться на свет, увидела, что он наклонился — якобы для того, чтобы завязать шнурок. Когда он поднял голову, она встретила с ним взглядом. На глазах у него выступили слезы, свидетельствовавшие о приступе веселья, неподобающем человеку его лет.

— Мы тоже разводили пчел, — спокойно сказала она, не отрывая взгляда от доктора. — В «Розе и якоре» у меня еще хранятся перчатки и маска. Моего отца несколько раз ужалили, а меня — никогда.

Мистер Трежантиль вприпрыжку побежал по полю впереди своих гостей, и они едва поспевали за ним. Он думал лишь об одном: как бы попрощаться с миссис Льюорн, прежде чем она напросится на приглашение в дом. Если ей это удастся сделать при докторе, то его посадят на тюремную пищу по крайней мере на три недели. Когда они очутились перед довольно непривлекательным фасадом Пенквайта — из окон хоть и открывался великолепный вид, но они выходили на север, и поэтому в комнатах всегда была тень, — мистер Трежантиль, как будто забыв о том, что в гостиной их ждут уютные кресла и стол, накрытый для чаепития, поспешил к подъездной аллее, где Кассандра терпеливо поджидала своего хозяина. Его гостям волей-неволей пришлось последовать за ним.

— Спасибо, Дингль, спасибо, — обратился хозяин Пенквайта к своему кучеру. — Доктор Карфэкс и миссис Льюорн собираются уезжать. В

самом деле, — повернулся он к Линнет, — вероятно, примерно через час начнется дождь, который зарядит на весь вечер, так что лучше не терять времени.

А поскольку он подал Линнет руку, то ей не оставалось ничего другого, кроме как сесть в двуколку доктора.

— Не так скоро, Трежантиль, — заметил эскулап. — Нужно еще обсудить небольшой вопрос относительно вашего лечения. Я думаю изменить свои предписания.

— Разумеется, разумеется! — Пациент озираясь с безумным видом. — Уверен, миссис Льюорн нас извинит, всего несколько минут — мое несчастное здоровье... — С этими словами мистер Трежантиль припустил к парадному крыльцу, словно за ним гнался рой его собственных пчел. Оказавшись в безопасности в своем собственном кабинете, он рухнул в первое подвернувшееся кресло и, стеная, прижал руку к сердцу. — Вы же видите, — задыхаясь, проговорил он, — что мне действительно очень нехорошо. Ваши обвинения меня расстроили, а эта молодая женщина не имела никакого права бродить там, собирая ежевику, — уверяю вас, я был изумлен, обнаружив ее. Что касается ее предложения помочь мне разбирать бумаги — какая ужасная перспектива! Я страшно разволновался — пожалуйста, Карфэкс, немедленно увезите ее отсюда, пока она не наделала бед.

Доктор Карфэкс не обращал внимания на своего пациента. Он подошел к столу, на котором лежала кipa бумаг и документов, а рядом — стопка кельтских и бретонских журналов. Вытащив один наугад, он принялся перелистывать страницы.

— Хм, — произнес он, — Пенквэйт, Пенкуа, ранняя форма Пенкуз, или «конец леса», — ее употребляли в Восточном Корнуолле. Между этим поместьем и Труро должна быть по крайней мере дюжина мест с таким названием. Это вполне могла быть граница леса, тянувшаяся в те дни от реки Фэл до реки Фоуи. О чем говорят мои выписки из Беруля? О том, что любовники скрывались в лесу Моруа — да, а старое название Сент-Клеменс на реке Фэл было Мореск. Пожалуй, предположение, будто лес Моруа протяженностью двадцать восемь миль заканчивался здесь, не совсем верно. Не знаю...

Его пациент, обрадовавшись, что мысли доктора далеко и больше не заняты молоком с содой и мерзкой вареной рыбой, забыл о боли в боку и вскочил с кресла.

— Извините меня, Карфэкс, — прервал он размышления доктора, — но я позволил себе вольность отметить некоторые расхождения в

различных журналах. Там много путаницы с валлийскими, корнуэльскими и бретонскими названиями. Что же касается истории Тристана и Изольды, — а именно это, судя по вашим бумагам, вас интересует, — то существует столько вариантов, что разобраться в них просто невозможно! Признаюсь, я совсем запутался.

Доктор Карфэкс положил на место взятый со стола журнал и нащупал в нагрудном кармане записную книжку (внушавшую его пациенту просто панический ужас) и карандаш.

— Не вы первый, — сухо ответил доктор. — Эта загадка веками сбивала людей с толку. Так-так, посмотрим: сильная нервозность, затрудненное дыхание. Вам не повредит, если вы проведете сутки в постели, а о рыбе мы забудем. Вам также не повредит крылышко цыпленка и лимонное суфле — ваша кухарка умеет готовить суфле? Разумеется, никакого кофе, а в остальном пейте, что пожелаете. А чтобы отвлечься от своих болезней, возьмите с собой наверх, в спальню, что-нибудь из этих бумаг; выпишите для меня основные различия между вариантом поэмы Томаса, написанным Готфридом Страсбургским, и поэмой Беруля — все это где-то там, в моих заметках.

— Да, да, все что скажете, — с жаром согласился пациент. — Вы только что упомянули лес Моруа. У Беруля есть лес, а у Готфрида королева и ее любовник прячутся в пещере, в гористой местности, по всей вероятности в Уэльсе, и это следует за позорной клятвой леди...

— Знаю, знаю, — нетерпеливо перебил его доктор, взглянув на часы. — Отмечайте какие угодно расхождения, но избавьте меня от ваших выводов. — Он направился к холлу. — В одном варианте — забыл, в каком именно, — Тристан убивает великана, — добавил Карфэкс, — а в другом убитый — карлик, кажется Фросин.

Мистер Трежантиль, которому еще не верилось, что он избежал ужасных предписаний доктора, был счастлив поторопить своих гостей. Но он очень гордился своими недавно приобретенными познаниями.

— Беруль назвал этого карлика Фросин, — сказал он, когда они шли по аллее к двуколке, — но в варианте Готфрида его имя Мелот. Очевидно, кто-то из них ошибается. Но одно бесспорно: любовников видели, когда они гуляли при луне, и, — он слишком поздно понизил свой пронзительный голос, — человек, который выдал их мужу леди, был его слугой... Миссис Льюорн, боюсь, мы заставили вас ждать.

Взгляд, обращенный на него, в котором прежде было столько теплоты, теперь был ледяным.

— Это не имеет значения, — ответила она, глядя прямо перед собой.

Доктор Карфэкс уселся рядом с ней и взял в руки поводья.

— Не забудьте, Трежантиль, — напомнил он, — сутки в постели. До свидания.

Кассандра рванула по аллее с такой прытью, словно ее огрели кнутом, хотя кучер всего лишь угостил ее кусочком сахара. Только когда они выехали на дорогу, оставив за собой все ворота, доктор Карфэкс заметил, что его спутница как-то необычно молчалива. Взглянув на нее, он увидел, что лицо ее побледнело, а губы плотно сжаты.

— Что-нибудь случилось? — осведомился он.

И только тогда Линнет повернулась к нему с горящим взглядом:

— Как вы смеете обсуждать мою личную жизнь с мистером Трежантилем? — спросила она.

ГЛАВА 20 *Громы и молнии в Замке Дор*

Доктор Карфэкс, чьи неординарные методы лечения столь шокировали пациентов, что заставляли их немедленно исцелиться, особенно если это были симулянты, попался сейчас в собственную ловушку. Он был так изумлен внезапной атакой, что не заметил, как Кассандра, разозленная долгим ожиданием без кормежки у парадного входа Пенквайта, закусила удила и вместо того, чтобы свернуть на тропинку, как надлежало сделать, доставив таким образом своего хозяина и пассажирку домой прямым, хотя и более тернистым путем, устремилась по дороге к Замку Дор. Она сделала это намеренно или, как выразился бы старик, чистивший ее конюшню, «из вредности», поскольку прекрасно знала, что у кузнеца на вершине холма есть запас сочных яблок для таких обделенных вниманием животных, как она, — ведь ей самым недопустимым образом испортили сегодня день.

Прошло несколько минут, пока хозяину удалось призвать Кассандру к порядку, но к этому времени зло уже свершилось: характерный звук подсказал доктору, что сейчас она потеряет подкову. Он тихонько выругался.

— Не остается ничего другого, кроме как ехать в кузницу, — произнес он уныло. — Если я принесу извинения за то, что моя лошадь показала свой норов, может быть, вы из уважения к приличиям сделаете то же самое и возьмете назад слова, которые сказали перед тем, как Кассандра понесла.

Линнет Льюорн продолжала смотреть прямо перед собой. От галопа Кассандры она покраснелась, но никоим образом не утратила самообладания.

— Я ничего не возьму обратно, — ответила она, — пока вы не объяснитесь.

— Объяснитесь?! — загремел доктор. — Что это я должен объяснить вам, скажите на милость?

— Ну же, доктор, — сказала Линнет, пожав плечами, — нет смысла притворяться, будто вы не знаете, что я имею в виду. Я невольно услышала сейчас мистера Трежантиля, хотя он и пытался понизить голос. Я всегда знала, что Трой — рассадник сплетен, но, должна признаться, была удивлена, узнав, что мои личные дела так свободно обсуждаются и здесь, в сельской местности.

Доктор Карфэкс заставил Кассандру идти шагом и минуту-другую не отвечал. Трежантиль определенно что-то бормотал насчет карлика

Фросина, или Мелота, или как там его звали — того, кто выдал Тристана и Изольду королю. И пациент, и он сам были очень далеки от текущих дел и сплетен в Трое и ни разу не упомянули ни одну живую душу. Разве что...

— Я полагаю, вас вызвали взглянуть на ногу Неда Варкоу, — с негодованием продолжала Линнет, — а он имел наглость сказать вам, как сказал и моему мужу, что видел, будто я гуляла в полночь под звездами. Надеюсь, когда в следующий раз этот горбун попытается шпионить, он свернет себе шею.

Доктор, человек спокойного темперамента, если его не злили, и не подверженный быстрой смене настроения, внезапно ощутил холодок. Он вспомнил, как несколько лет назад, будучи еще молодым, допустил серьезную ошибку в диагнозе. Он довольно резко посоветовал одному пациенту — моряку, который любил приложиться к бутылке и маялся от характерных симптомов похмелья, — хорошенько проспаться. А оказалось, что у того опухоль мозга, и его не спас самый лучший хирург в Плимуте. Теперь доктор ощутил такой же испуг и тревогу, как тогда. Но на этом сходство кончалось. Сейчас он столкнулся с тем, чему нет названия в мире медицины, что принадлежит к какому-то другому измерению, к другому времени и что он отказывался признать как ученый.

— Да, на воре шапка горит, — сказал он наконец. — Как глупо с моей стороны сразу же не понять: Нед Варкоу родился с уродством, бедняга, и перестал расти с десяти лет. Несомненно, он из-за этого озлоблен.

Хозяйка «Розы и якоря» поплотнее запахнула шаль. Возможно, она тоже почувствовала, что со стороны Замка Дор повеяло прохладой.

— Значит, вы это признаете? — спросила она. — Вы нарушили все профессиональные правила и обсуждали этот случай с пациентом?

Доктор чуть тронул лошадь поводьями: Кассандра требовала такого же деликатного обращения, как Линнет.

— Моя дорогая, — ответил он, — если бы я вам сказал, что мы с Трежантилем беседовали о королеве, умершей тринадцать столетий назад, вы бы мне не поверили. О да, я повинен в непрофессиональном поведении. Мы несомненно обсуждали ваши дела. Но уверяю вас, что я услышал эту историю не от Неда Варкоу.

— Тогда от кого же? — вспыхнула Линнет.

Доктор задумался. Конечно, именно недоразумение заставило его сломя голову помчаться в Пенквайт. Может быть, пришло время отплатить той же монетой молодой женщине, из-за которой возникло это недоразумение?

— Вы помните чаепитие по окончании сенокоса в Лантиэне? —

осведомился он.

— Прекрасно помню, — ответила она.

— Тогда, быть может, вы мне скажете, зачем намеренно упали с воза на руки тому бретонскому парню, работавшему у Бозанко?

В яблочко. Молчание, которое последовало, свидетельствовало, что удар попал в цель. Они приближались к вершине холма, когда доктор задал свой вопрос, и Кассандра ускорила шаг, заведя знакомые вежи. Кузница находилась справа, и двуколка остановилась перед ней, прежде чем Линнет успела сформулировать ответ. Случилось так, что кузнец как раз стоял возле кузницы, провожая взглядом верховую лошадку, которую только что подковал перед предстоящей ярмаркой, — она удалялась в сторону Лостуитьеля. Заслышав стук колес двуколки доктора, он повернулся и поднял руку, приветствуя его.

— Добрый день, доктор. Вижу, у Кассандры непорядок. Сейчас она получит яблоко. Здравствуйте, мэ. Давненько вас не видел. Я только вчера сказал хозяйке: «Давненько к нам не заглядывала миссис Льюорн». Как жаль, что жена сегодня уехала в Сент-Остелл и не вернется до вечера.

Доктор старался не смотреть на свою спутницу, пока та, запинаясь, выражала свое сожаление по поводу отсутствия жены кузнеца. Теперь ясно, что ее утверждение, будто она уже побывала в то утро в кузнице, — ложь. «О, какую запутанную паутину мы иногда ткем!» — подумал доктор, когда помогал Линнет выйти из двуколки. Кузнец со своим подручным увели Кассандру в кузницу, она пошла с ними очень охотно. Линнет тоже последовала за ними и постояла минуту-другую, глядя на яркий огонь и на кузнецов в кожаных фартуках, которые в полумраке казались демонами, и искры чуть ли не опаляли им волосы. Даже Кассандра, которая с удовольствием жевала свое первое яблоко, стала в этом обрамлении призраком лошади, а звон металла и едкий запах наводили на мысль о насилии. Словом, кузница уже не показалась Линнет привычной и уютной.

Доктор Карфэкс подошел поболтать с кузнецом, который уже снимал с Кассандры злосчастную подкову. Но, оглянувшись, заметил у входа в кузницу удаляющуюся тень. Линнет исчезла.

Извинившись перед кузнецом, доктор вышел на дорогу. Его спутницы нигде не было. Оглядевшись, он позвал ее — никакого ответа. Он прошел в заднее помещение кузницы — на случай, если она решила подождать внутри, но и тут ее не было.

— Что за черт! — выругался он вполголоса, взглянув на небо: надвинулись тучи, и здесь, на возвышенности, ветер уже качал изгороди.

— Она вон там! — В верхнем окне кузницы показалась чумазая

мордашка одного из детишек кузнеца. Ребенок указывал в поле. — Я только что видел ее там!

Еще раз чертыхнувшись в раздражении, доктор отворил калитку и пошел в направлении, указанном ухмылявшимся пострелом. Больше всего на свете Карфэкс не любил пробираться по сельским тропинкам, особенно если земля была неровная, а с ним не было его любимой трубки из вишневого дерева. Черт подери, вот же она, Линнет, в нескольких сотнях ярдов от него, направляется к диким зарослям на бывшем укреплении. Он сложил руки рупором и закричал: «Линнет Льюворт, вернитесь!»

Из уважения к приличиям она обернулась и посмотрела в его сторону, но не подчинилась, а лишь отмахнулась от него. И тут пошел дождь — сначала несколько капель, потом все сильнее и сильнее и наконец полил как из ведра. Раздался удар грома. Повинуясь инстинкту, Карфэкс бросился бежать. Ругаясь и спотыкаясь, ослепший от дождя, он наконец поравнялся с Линнет, но она нырнула, задыхаясь, во внешний ров земляного укрепления, ища укрытия под раскинувшимися ветвями остролиста. Карфэкс сделал то же самое. Теперь они сидели рядом в канаве, а сверху хлестал косой дождь, и было ни зги не видно.

— Зачем вы это сделали? — спросил доктор. — Вы не в своем уме?

Она взглянула на него со смехом; по ее лицу и волосам струилась дождевая вода.

— Я не в своем уме с тех пор, как соскочила с воза с сеном, — ответила она, — и мне безразлично, знаете ли вы об этом. Да и в любом случае, вы всегда видели больше чем нужно.

Слева от них громынуло второй раз, и Линнет, вместо того чтобы еще глубже запрятаться под остролистом, вышла из-под ветвей, и теперь дождь хлестал ей прямо в лицо.

— Пусть затопит его погреба, и пусть они оба утонут, — сказала она, — тогда уж я точно от них избавлюсь.

Доктор не был уверен, адресовано ли это замечание ему, но ее внезапно вспыхнувшая ярость гармонировала с погодой. Затаскивая ее обратно в укрытие, Карфэкс задел за корень остролиста, и на них посыпались земля, камни и мусор, копившийся столетиями: осколок фаянса, сгнившая деревяшка, заплесневелая кость.

— Если бы я знал, что у вас будет такой плохой характер, я бы никогда не шлепнул, вдохнув в вас жизнь, двадцать лет тому назад.

— Жаль, что вы это сделали, — ответила она, — потому что я приношу несчастье, где бы ни появилась. Только послушайте, какой гром! Да их там затопит, внизу, в Лантиэне, — с горы польются потоки в долину,

к реке.

Ехидная нотка в ее голосе разозлила доктора: с чего бы ей радоваться, что затопит ферму Бозанко и пострадают люди, которые всегда относились к ней с такой добротой?

— Что касается вашего мужа, — сказал он, — топите его на здоровье, и его слуг тоже. Но пощадите ваших друзей.

При этих словах она повернулась к доктору и в ярости ударила его по плечу.

— У меня нет друзей! — закричала она. — Все они шпионы, все до одного! Они расставляют ловушки, чтобы нас поймать, но это им не удастся. И вы — вы не лучше остальных! Марк послал вас сегодня шпионить за мной, и вы не можете это отрицать.

— Ничего подобного! — возразил Карфэкс, схватив ее за запястье. — Хотя он и жаловался мне на ваше поведение. Но не могу сказать, что виню его, — теперь, когда услышал, как вы неистовствуете. — Он вдруг подался вперед, прислушиваясь к эху, долетевшему сквозь шум дождя и рев ветра. — Что это было? Вы слышали?

— Я ничего не слышала.

— Это похоже на рожок — да, вот снова! — Он отчетливо услышал высокую, пронзительную ноту — не зов охотничьего рога, не какие-то знакомые звуки с большой дороги — нет, кто-то невидимый, стоя на валу над ними, поднес к губам рожок и дунул. Карфэкс почувствовал, как в нем закипает неуправляемый гнев, — он сам себя не узнавал. Эта девчонка дурачит его вместе со своим любовником, просто возмутительно! Он так сжал ее запястье, что она вскрикнула от боли.

— Вы меня обманываете! — заорал он. — Играете в какую-то игру, чтобы выставить меня на посмешище, как вашего мужа. Признавайтесь немедленно!

Но даже в эту минуту его не покидало чувство, невероятное и ужасное, будто все, что сейчас происходит, уже случалось сотни раз прежде; эта сцена между ними была кошмарным повторением других сцен, слишком хорошо известных: как будто он действительно был тем самым мужем, которого ревность из-за разницы лет с женой довела до безумия. Не один раз, не два и не три, а много раз была она ему неверна, но всегда переворачивала все с ног на голову, несмотря на явные доказательства ее вины, и он, обвинитель, превращался в обвиняемого.

— Да и кто бы не стал дурачить старика? — воскликнула она с презрением. — Когда женщина молода, она любит инстинктом, а не по долгу. И первая хитрость была самой лучшей: в первую брачную ночь моя

служанка легла вместо меня с моим мужем, который был так пьян, что ничего не заметил. А теперь, когда я знаю, что такое любовь, я буду обманывать вас и весь мир, чтобы сохранить то, чего добились, — неважно, во что мне это обойдется.

Дождь прекратился так же внезапно, как начался. Туман рассеялся. Все стихло. Карфэкс выпустил запястье Линнет, сам не понимая, зачем вцепился в него. В ушах у него звенело, и это подсказало ему, что гром грянул совсем близко: он даже оглох на время. Линнет возилась с рассыпавшимися волосами, из которых выпали шпильки.

— Мы счастливо отделались, — заметил доктор. — Всю жизнь мечтал быть застигнутым грозой за городом.

— Простите, — ответила Линнет. — Я не знаю, что на меня нашло в кузнице, но меня вдруг затошнило от запаха раскаленного металла. Я почувствовала, что должна выйти на свежий воздух, иначе умру. А это место я люблю. Здесь можно дышать полной грудью, в долине же задыхаешься.

Они вышли из-под остролиста, и Линнет, пошевелив ногой мусор, нагнулась и что-то подняла.

— Взгляните, — сказала она, — какой странный камень. В середине дырка — он похож на кольцо.

Карфэкс взял у нее эту вещицу и повертел в руках.

— Это наручень, — медленно произнес он. — Похоже на сланец, и он пролежал здесь не одно столетие. Может быть, его сделали здесь, на этом самом месте. Я дам его осмотреть эксперту и установлю дату.

— Нет! — Линнет чуть не выхватила камень у него из рук. — Какое значение имеет дата?! Я предпочитаю сохранить его. Это подошло бы для мужской руки.

Они выбрались из рва в поле. От мокрой травы поднимался пар. Гроза, сопровождаемая затихавшими раскатами грома, направилась в сторону Лискэрда. Карфэкс помотал головой, пытаясь прочистить уши. Он все еще не пришел в себя.

— Кассандра так же не любит гром, как и я, — сказал он, когда они шли через поле к кузнице. — Надеюсь только, что им удалось ее удержать. Что мы обсуждали перед тем, как все это произошло?

— Ничего существенного, — пожала плечами Линнет. — У меня болела голова, но это прошло — так же, как и гроза.

Когда они добрались до кузницы, то обнаружили, что Кассандру уже подковали, а яблоки отвлекли ее от грозы и успокоили. Что касается кузнеца и его сына, то они считали само собой разумеющимся, что доктор

Карфэкс и его спутница пережидали грозу в жилой части дома, за кузницей.

Возвращение в Трой прошло без всяких происшествий. В пути Линнет болтала о своем детстве на ферме «по ту сторону воды», а доктор не заговаривал о нынешних сложностях в ее супружеской жизни. Они расстались у конюшни Кассандры: доктор должен был препоручить свою лошадь заботам конюха и вовремя вернуться, чтобы подготовиться к вечернему приему, а хозяйка «Розы и якоря» — отправиться в гостиницу и приступить к исполнению своих обязанностей в баре.

— Дайте мне знать, — сказал Карфэкс, дневные размышления которого были столь грубо прерваны из-за нее, — если я чем-нибудь могу вам помочь, в любое время.

Она подала ему руку и улыбнулась.

— Что до этого, — ответила она, — то я редко болею. Но уж если такое случится, то предпочту оказаться именно в ваших руках. — С этими прощальными словами она стала спускаться с холма, доктор же в замешательстве смотрел ей вслед.

Когда спустя полчаса он вошел в свой дом через парадный вход, то увидел, что в холле его ждут два посетителя. Это были сборщик таможенных пошлин и полицейский инспектор.

— Добрый вечер, — поздоровался с ними доктор. — Каким злым ветром вас занесло сюда в такое время? Какой-нибудь правонарушитель сломал себе шею, пытаясь увильнуть от правительства Ее Величества?

Оба мужчины поднялись на ноги.

— Можно выразиться и так, — ответил инспектор. — Правда, речь идет не о шее, а о челюсти. Это шкипер шхуны «Жоли бриз», который сегодня утром подрался, а днем с приливом отплыл. По правде говоря, он доставлял много хлопот, и мы были рады от него избавиться. Но дело в том, что час назад его команда самостоятельно привела судно обратно, и на борту у них мертвый шкипер. Я хотел бы получить от вас свидетельство о смерти, сэр, если вы не против пойти на шхуну и подписать его.

Да, это был трудный день. Карфэкс взял свою шляпу, которую только что положил в холле на скамью.

— Он умер от полученного удара? — спросил доктор.

— Похоже на то, — ответил инспектор, — но решающее слово за вами. Во всяком случае, по словам команды, он так и не пришел в себя. А молодой человек, который это сделал, все еще на свободе. Если бы мистер Макфейл знал, что дело так обернется, он бы никогда не позволил ему уйти. Это тот бретонский парень, который несколько месяцев назад плавал

на «Жоли бриз».

Доктор Карфэкс нахмурился.

— Бретонский парень? — переспросил он. — Но мне известно из авторитетных источников, что он уплыл на «Дауншире» и сейчас, должно быть, уже далеко.

Таможенник покачал головой и робко улыбнулся.

— Это не так, доктор, — возразил он. — «Дауншир» уплыл без него. Парень явился слишком поздно. Именно тогда он и подрался со шкипером, и, надо сказать, сражался с ним, как Давид с Голиафом: этот великан свалился, как вол. Сейчас-то я понимаю, что поступил неправильно, дав парню улизнуть, потому что теперь, когда шкипер... — Он взглянул на инспектора: — Ведь этого парня будут разыскивать за убийство, не так ли?

Мистер Трежантиль полулежал в постели на подушках. На ночном столике стояли бутылка легкого вина и бокал. Сверяясь с записями, разбросанными на одеяле, он небрежным почерком подытоживал их содержание на листке бумаги.

«Согласно Готфриду Страсбургскому, — писал он, — Тристан повстречался с великаном Урганом на мосту, предварительно отрубив ему руку, и, ослепив его на оба глаза, сбросил с моста на скалы, и тот умер. В благодарность за то, что Тристан избавил его страну от такого чудовища, его друг Жилен подарил ему волшебную собачку Пти-Крю, которую Тристан тотчас же отнес своей возлюбленной, королеве Изольде. Именно после этого король Марк, обезумев от ревности, изгнал любовников. Поэт Беруль, — добавил он в сноске, — не упоминает о сражении с великаном и о подаренной собачке, но описывает бегство любовников в лес Моруа, где они находят приют у отшельника Огрин. Очевидно, возникла путаница с именами Урган и Огрин. Любопытно, что в поэме Беруля содержатся элементы примитивного, можно даже сказать варварского свойства: в одном случае Тристан снимает с противника скальп, что позволяет предположить следующее: так называемый средневековый роман о Тристане и Изольде основан на гораздо более древнем и грубом сказании, ведущем свое происхождение с доисторических времен».

ГЛАВА 21 «Косматого Ургана я убил...»

*Косматого Ургана я убил
И тем Пти-Крю волшебную добыл.*

— Сегодня дети как-то необычно спокойны, — заметил мистер Бозанко, обращаясь к жене, когда со свечой в руке поднимался по лестнице в спальню. — И если бы они уже не были привычны к грозам, я бы сказал, что на них так подействовала эта недавняя гроза.

Миссис Бозанко молчала, поскольку остановилась перед дверью детской, прислушиваясь. Там все было тихо, и она последовала за мужем в спальню.

— Это из-за Амиота, — спокойно ответила она. — Они расстраиваются из-за него.

Фермер поскреб подбородок и нахмурился.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказал он. — Я и сам к нему привязался, но никогда не думал, что он будет с нами всегда. Рано или поздно он бы снялся с места, даже если бы между ним и миссис Льюворт не было этой любовной стены, как ты считаешь. А если он склонен к амурам — по-моему, таковы все французы, — то лучше ему здесь не болтаться: ведь наша девчушка быстро растет.

Шокированная миссис Бозанко пристально взглянула на мужа.

— Габриель, — всполошилась она, — что у тебя за мысли! Ведь Мэри только что исполнилось четырнадцать, она еще играет в куклы!

— Может, оно и так, дорогая, может, и так. — Мистер Бозанко поставил свечу на туалетный столик. — Но если бы ты слышала, как она плакала навзрыд вчера вечером возле конюшни, ты бы сказала, что ей никак не меньше шестнадцати и сердце ее разрывается от горестей первой любви. Вот что чудно: у женщин возникают разные фантазии насчет того, что кто-то на кого-то не так посмотрел, и при этом они ничего не видят у себя под носом.

Миссис Бозанко, сражавшаяся с непослушными крючками лифа, ничего не ответила. Она вспомнила, как Мэри прижалась лицом к оконному стеклу, за которым лил дождь и сверкали молнии, и как-то странно спросила: «Сколько людей погибло от грозы?» Она наверняка думала об Амиоте. Но ведь «Дауншир», слава богу, сейчас далеко в море, и там хорошая погода.

В детской было тихо, но это вовсе не означало, что дети спят. Ничего подобного. Они укладывали в корзину продукты, которые взяли в кладовой.

— Если нас спросят, — прошептала Мэри без малейших угрызений совести, чего с ней не бывало прежде, — мы скажем, что где-то поблизости разгуливает вор.

— Я с радостью хожу голодный, — заявил Джонни, который откинул штору, чтобы взглянуть на небо. — Половина моего ужина в любом случае отправлялась в мои карманы. Смотри-ка, проясняется, и на небе появились звезды. Я считаю, нужно отправиться в путь сейчас, пока у нас есть шанс.

— Лучше подождать до рассвета, — предложила его более практичная сестра. — Если вдруг все раскроется, мы можем сказать, что рано утром пошли в лес по грибы.

И в доказательство того, что ей не нужен будильник, Мэри привязала кусочек бечевки к большому пальцу ноги, а другой конец — к столбику кровати. Таким образом, если она повернется в кровати, ее разбудит боль. Если бы ее сейчас мог видеть отец, его теория насчет первой любви полностью бы подтвердилась.

Но первым проснулся Джонни — без всякой бечевки. Открыв глаза, он увидел, что бледный рассвет уже вползает в окно. Выскользнув из постели и взглянув на часы, подаренные Мэри в день рождения, он обнаружил, что скоро пять. Джонни перевел взгляд с приготовленной корзинки на спящую сестру, и возникший у него накануне план, окончательно оформившийся во сне, обрел величие и великолепие грандиозного приключения. А заключался он в следующем: они с Амиотом сбегут вместе и отправятся искать счастья. Амиот будет рыцарем, а он — оруженосцем, и они станут бродить по лесам Корнуолла — а если не будет лесов, то хотя бы по вересковым пустошам возле Браун-Уилли — и добывать пищу, охотясь на дичь, ставя силки на птиц, хоть это и жестоко, а еще можно ловить в ручьях форель. Но если их будет сопровождать Мэри, все это превратится в несбыточные мечты. Ведь известно, что в подобных случаях девчонки — это обуза. С собой можно брать только девицу в беде, но Мэри еще не взрослая девица и к тому же не в беде.

Джонни быстро и бесшумно оделся и, тихонько выбравшись с корзинкой из комнаты, стал спускаться по лестнице, держа башмаки в руках. Он вышел во двор с черного хода; воздух был еще очень холодным, но первые лучи утреннего солнца уже осветили деревья за домом. То, что мальчик не отправился в лес по тропинке, которая в конце концов привела бы его в Вудгейт, к другу, а прошел по двору к свинарнику, которым не пользовались, открыл дверь и начал ползать на коленях по свежей соломе,

было частью его плана. Этот план переплелся с его сном, и он знал лишь, что повинуется порыву, более сильному, нежели любой приказ. Он подобрал что-то с соломы и отправился в путь, чтобы в одиночестве осуществлять свою миссию, заключающуюся в помощи Амиоту Тристану.

«Странно, — размышлял он, — но я ни капельки не боюсь. А любой бы напугался: ведь я один иду по тропинке, а кругом ни души. Я бы боялся, если бы не сон». И ему так живо представилась картинка, как они с Амиотом, смеясь, сражаются бок о бок против трех гнусных баронов, которые подскакали к ним верхом, и Джонни поражает их одного за другим ударом меча (эти бароны имели несомненное сходство с мистером Макфейлом, сборщиком таможенных пошлин в Трое, полицейским инспектором и его помощником), что, если бы они сейчас действительно выскочили из зарослей, размахивая копьями и боевыми топорами, он бы их не пощадил. Какой плотной стеной стоят деревья, и ветви их переплелись, а большие кроны доходят до самого неба — вчера он этого не замечал. Влево уходит барсучий след — а может быть, медвежий? Нет, это вздор: в Англии не осталось медведей, и драконов тоже; правда, никто не может сказать, что стало с их телами; может быть, их похоронили под корнями деревьев или в каких-то неведомых пещерах. А куда исчезли двуручные мечи, и золото, и кольца, украшавшие пальцы разных леди, и браслеты, и драгоценные камни? Исчезло так много прекрасного! Никто, даже его отец, не знал ответа на эти вопросы.

«И вот что странно, — подумал Джонни, добравшись до возвышенности и бросив взгляд на запад, где виднелись холмы. — Кажется, там бивачные костры, наверху, где Замок Дор, и всадники скачут, а за ними следуют собаки, большие, как олени». Но это, конечно, обманчивый свет раннего утра превратил деревья на фоне неба в причудливые фигуры. Джонни срезал путь, спускаясь лесом, и уже был виден блеск воды и белый туман, окутавший долину. Мир еще спал — бодрствовал только Джонни, пробиравшийся между молодыми дубами; влажные листья, опавшие во время вчерашней грозы, приглушали его шаги. Когда он наконец добрался до полуразрушенного дома, утонувшего в тумане, у него от удивления перехватило дыхание: несомненно, в бухте был какой-то мужчина, он подтягивал багром плоскодонку к поросшему травой берегу. Он был бос и обнажен до пояса, длинные волосы разметались по плечам.

— Амиот! — позвал Джонни. — Амиот!

Мальчик побежал, забыв о тяжелой корзинке, и, зацепившись ногой за корень дерева, пересекавший тропинку, полетел в яму с ежевикой. Он

ударился виском о зазубренный осколок старого глиняного горшка, который выбросили бог знает сколько веков назад. И осколок этот лежал тут, невидимый и покрытый плесенью, пока столь отважный, но такой неосторожный путешественник во времени Джонни Бозанко случайно не наткнулся на него и как-то странно не затих.

Линнет Льюорн тоже рано поднялась в то утро. По правде говоря, она почти всю ночь глаз не сомкнула. Разговоры в баре все время вертелись вокруг возвращения в гавань «Жоли бриз» с мертвым шкипером на борту.

— Это из-за того удара, — заявил Тим Уди с авторитетным видом человека, старший сын которого лижет марки в конторе таможни. — Он рухнул как подкошенный и так и не пришел в себя. Он отплыл из Троя наполовину ослепший, у него в мозгу свернулась кровь.

— Может быть, он и ослеп наполовину, — вмешалась Дебора, поставив на стойку бара кружку пива, — а если так, то все это от выпивки, но не от нашей, а той, что он заглотил в «Короле Пруссии», на набережной. Отсюда-то я его быстренько спровадила.

Она метнула взгляд на свою хозяйку, которая гордо стояла поодаль, между общим баром и баром-салонем, не принимая участия в беседе. Хозяин гостиницы, напротив, с заинтересованным видом повернулся к Деборе.

— Значит, ты его обслуживала, не так ли? — осведомился он. — Причем после того, как ему нанесли тот удар? Если не ошибаюсь, тебе придется выступить в качестве свидетельницы.

Дебора пожала плечами:

— Ну что ж, я готова присягнуть, что шкипер был в полном порядке.

— Все это очень хорошо, — продолжал Марк Льюорн. — Может быть, тебе и показалось, что он в полном порядке, но шкипер, несомненно, скончался в результате последствий этого удара. Очень странно, что он внезапно заболел и через несколько часов покинул этот мир. Не сомневайтесь, они арестуют человека, который повинен в этом, и он предстанет перед судом как убийца, а может, и того хуже...

При этих словах Линнет выступила вперед, не обращая внимания на собравшихся, с горящим взором и гневным румянцем на щеках.

— И что же придает вам такую уверенность? — спросила она. — Если вы изучали в молодости право, то я впервые об этом слышу. Мы не успеем оглянуться, как вас выберут мировым судьей. — Кто-то в дальнем углу хихикнул, но сразу умолк, когда хозяин гостиницы бросил злобный взгляд в ту сторону.

— Это был бы не такой уж плохой выбор, — медленно произнес он, сверля жену взглядом. — Уж я бы позаботился, чтобы правосудие свершилось. Сейчас некоторым сходит с рук то, что они делают, не имея на это никакого права.

Такое заявление вызвало интерес. Все взоры обратились к мистеру Льюворну. Да, в этот вечер после закрытия бара посетители, отправляясь по домам, будут обсуждать не только смерть шкипера, но и ссору на публике между хозяином «Розы и якоря» и его молодой красавицей женой.

Бен Тэбб, который почти двадцать лет был старшим на спасательной шлюпке, человек очень миролюбивый, попытался потушить пожар.

— Ну да ладно, — сказал он, — вполне естественно, что женщины защищают парня, попавшего в беду. Шкипер «Жоли бриз» — небольшая потеря, упокой Господи его душу. Да к тому же, думаю, он сам и задирался. Не волнуйтесь, миссис, они его оправдают.

— Оправдают? — повторила Линнет, подняв брови. — Сначала им нужно его поймать. — С этими словами она, шурша юбками, размеренным шагом направилась к дверям, оставив собравшихся спорить дальше. Но она успела заметить задумчивый взгляд своего мужа и хитрую усмешку на остреньком личике Неда Варкоу, который, время от времени поглаживая больную ногу, вытирал стаканы в дальнем конце бара.

Ее вспышка могла повредить и Амиоту, и ей самой. Подозрения рождали уверенность, и теперь могли догадаться, кто ее предполагаемый любовник, с которым она гуляла при луне. Так или иначе, но одно было несомненно: Амиоту грозит опасность, и не со стороны ее мужа Марка Льюворна или его шпиона Неда Варкоу, а со стороны самого закона. Последнее ей стало известно от Деборы, которая незадолго до закрытия бара взбежала по лестнице вверх, чтобы сообщить своей хозяйке то, о чем проговорился припозднившийся посетитель бара, младший из двух констеблей Троя, на минуту утративший бдительность.

— Рано утром в Лантиэн отправится отряд полиции, — прошептала служанка, просунув голову в дверь спальни. — Если мистер Бозанко не сможет сообщить им ничего нового, будут обыскивать округу. Они намереваются быть там к семи утра.

Линнет лихорадочно соображала. Это означало, что они хотят задержать Амиота, чтобы допросить, потому что причиной смерти шкипера явился все-таки удар по голове.

— Когда начинается прилив? — шепотом спросила Линнет.

— Где-то около семи, миссис. Не бойтесь, я знаю, чего вы от меня хотите. В пять часов утра у причала вас будет ждать лодка.

Таким образом, когда Джонни Бозанко вылез из своей кровати в Лантиэне, две молодые женщины уже упорно гребли в предутреннем свете; они проплыли мимо морга, где накануне вечером доктор Карфэкс вскрывал Фугеро, после чего были приведены в действие силы закона; мимо безмолвных судов, ожидавших своей очереди у мола гавани Троя, и наконец добрались до спящих лесов и полей, окутанных туманом, где у кромки воды рос папоротник, доходивший человеку до пояса.

Им потребовалось полтора часа, чтобы добраться до Вудгейт-Пилла, хотя прилив уже начался и первые лучи солнца пробивались сквозь свинцовое небо. Пенквайт, расположенный на холме, со своими наглухо закрытыми ставнями походил на крепость, сооруженную столь высоко для того, чтобы держать под наблюдением бухту.

Уставшие Линнет и Дебора перестали грести, позволяя течению нести лодку к топкому берегу. Над заброшенным домом вился дымок: по-видимому, Амиот развел костер и сушил свою одежду, промокшую во время вчерашней грозы.

Наконец лодка слегка коснулась носом берега, и Линнет сказала:

— Жди здесь моего возвращения, и, если мы будем вдвоем, ты знаешь, где нас высадить на том берегу. А потом тебе останется лишь молчать, и черт с ними, с последствиями.

Дебора Бранжён серьезно взглянула на свою госпожу.

— А вы подумали о том, что будет, — спросила она, — как только выяснится, что вы с ним убежали и за вами по пятам следует полиция? Тут уж ничего не удастся скрыть. Об этом напишут в газетах, а вы — женщина заметная.

— Мне все равно, — ответила Линнет. — Если он должен страдать за то, что сделал, я буду страдать вместе с ним. Пути назад нет.

— Одно дело, когда любовь — это тайные свидания, о которых никто не знает, — возразила Дебора, — и совсем другое, когда у вас нет ни денег, ни крыши над головой и все показывают на вас пальцем и называют прелюбодейкой.

— Пусть они называют меня как угодно, — сказала Линнет. — Мы с ним связаны до конца наших дней, и пусть об этом узнает хоть весь мир.

Подобрав юбки, она спрыгнула на берег. Пара лебедей, чистивших перья на травке, зашипела, недовольная этим вторжением, и уплыла вверх по течению, а за ними — их выводок, состоявший из семи птенцов.

Линнет нырнула в заросли, топча ежевику, и сразу же увидела Амиота, который, присев на корточки, ворошил ветки в едва тлеющем костре. Он был обнажен до пояса, а его рубашка, куртка и носки сушились,

разложенные на папоротнике.

— Амиот, — тихонько позвала она, — Амиот, любовь моя!

Когда он вскочил на ноги и пошел к ней, босиком, отшвырнув погнутый железный прут, которым помешивал в костре, Линнет показалось, что, обнаженный, он стал как будто выше ростом и каким-то более далеким, а нечесанные волосы придавали ему грозный вид. Прут, небрежно отброшенный, вполне мог бы быть копьем, а ржавчина на нем — засохшей кровью поверженного врага. Но через минуту они уже сжимали друг друга в объятиях, и его поцелуй доказал, что это не какой-то незнакомец, а Амиот, которого она знала и любила.

— Твой муж плохо с тобой обращается, не так ли? — спросил Амиот. — И ты пришла искать у меня защиты? Я готов к встрече с ним, если он последует за тобой сюда.

Линнет поднесла свою руку к его губам:

— Тише! Не так громко! Нет, любимый, я пришла сюда не ради себя, а ради тебя. Шкипер «Жоли бриз» умер. Он скончался из-за удара, который ты ему нанес. Сегодня утром полиция будет тебя разыскивать в Лантиэне. Нельзя терять ни минуты.

Амиот с ошеломленным видом смотрел на нее.

— Фугеро умер! — повторил он. — Клянусь Богом, я этого не хотел. Я расскажу им все, что они хотят знать, и сделаю это охотно.

— Ты не понимаешь, — настойчиво заговорила Линнет. — По английскому закону тебя могут держать под арестом. Как только они тебя схватят, то могут не отпустить. И самое худшее — тебя могут судить за убийство. И тогда тебе грозит провести в тюрьме месяцы, годы — я не так хорошо знаю законы. Единственное, что я знаю, — это то, что тебе надо немедленно уходить отсюда, и я уйду вместе с тобой.

Она уже выскользнула из его объятий и принялась собирать сушившуюся одежду, а потом постаралась затоптать тлеющий костер.

— Если то, что ты говоришь, правда, — произнес Амиот, — мы будем считаться лицами, скрывающимися от правосудия, и за мою голову назначат награду. Видит Бог, как мне хочется, чтобы ты была со мной, но у меня почти совсем нет денег.

— У меня достаточно денег для нас двоих, — заверила она. — Нет причин беспокоиться по этому поводу. А что касается того, что мы скрываемся от закона, то нам нужно лишь сесть на поезд и затеряться в Лондоне, где находят убежище многие, спасающиеся от преследования.

Линнет сказала, что она все спланировала: как они будут пробираться по тропинкам, потом остановят на дороге первую попавшуюся телегу и,

добравшись до Лискэрда, сядут на утренний поезд, идущий до Плимута и дальше. Погоня начнется, когда они уже будут за много миль отсюда. Насколько она знает методы полиции Троя, то, когда они уже сядут на поезд в Лискэрде, те еще будут обсуждать это дело за завтраком у фермера Бозанко.

— Погоди, — сказала Линнет, когда он натягивал на себя еще не высохшую рубашку. — Это тебе. Я нашла это вчера вечером — позже расскажу.

Порывшись в сумочке, висевшей у нее на поясе, Линнет вытащила наручень.

— Видишь? — Она улыбнулась, надев его Амиоту на запястье. — Он идеально подходит. Если обстоятельства когда-нибудь разлучат нас, ты можешь послать его мне, и я приду. Он связывает нас, как кольцо — супругов, хоть мы и не давали клятвы у алтаря.

Он взял ее лицо в свои руки и поцеловал ее в губы.

— Нам с тобой не нужны клятвы, — сказал Амиот, — и не нужно золото. То, что нас связывает, будет с нами до самой могилы и даже после.

Они уже собирались окликнуть Дебору, ждавшую их в лодке, как вдруг Амиот повернул голову к лесной тропинке, спускавшейся с холма.

— Ты слышала? — спросил он. — Похоже на крик о помощи.

— Сейчас это неважно, — нетерпеливо ответила Линнет. — Может быть, это ягненок, отбившийся от стада. Какое это имеет значение?

Звук повторился, и на этот раз нельзя было ошибиться: это было не блеянье ягненка, а слабый крик ребенка.

— Амиот! О, Амиот!

Возлюбленный Линнет рвался у нее из рук — она пыталась его удержать.

— Это Джонни, — сказал он. — Я его голос всегда узнаю. Он там, в лесу, и, может быть, с ним что-то случилось. Мы должны отправиться туда.

Линнет, которой не терпелось поскорее уехать отсюда, оглянулась. Уже начинался отлив.

— Я позову Дебору, — предложила она. — Дебора найдет его и отведет в Лантиэн, а мы поплывем на лодке к тому берегу, в Сент-Винноу, а затем отправимся в путь пешком.

— Нет, — возразил Амиот. — Нет...

Высвободившись из ее рук, он побежал по тропинке в лес — туда, откуда доносился крик. Линнет последовала за ним, чуть не плача от досады: ведь если они еще немного помедлят, осуществить ее план уже не удастся — здесь появятся люди, да и прилив не станет ждать.

Поднявшись в гору по тропинке, она вошла в лес и скоро наткнулась на Амиота, который стоял на коленях возле ямы, держа в руках безвольное тело Джонни Бозанко. У ребенка шла кровь из пореза на лбу, а лицо и губы были мертвенно бледными.

— Он сильно поранился, — сказал Амиот. — Мы должны отнести его домой.

Рядом валялась опрокинутая корзина, из которой вывалилось ее содержимое.

— Разве ты не видишь? — спросил Амиот. — Он нес мне еду. Он пришел сюда один ради меня. Кто знает, сколько он тут пролежал.

Вдруг в зарослях что-то шевельнулось, и, словно вторя стонам мальчика, оттуда донеслось слабое твяканье. Крошечное существо выбралось из травы и, отряхнувшись, засеменило к ним, задрав хвостик. Это была самая маленькая собачка, какую только доводилось видеть Линнет. Никто бы не смог ответить на вопрос, какую роль сыграла она в беде, приключившейся с Джонни Бозанко.

С тяжелым сердцем Линнет наклонилась и начала машинально складывать в корзину выпавшие из нее свертки.

— Ты знаешь, что это значит? — сказала она. — Для тебя все кончено. Спасения нет.

— Я знаю, — ответил Амиот. — Они придут за мной в Лантиэн. И если меня посадят в тюрьму, я это заслужил. Не за то, что сделал с Фугеро, а за то, что сделал с Джонни.

Он взглянул на мальчика, лежавшего у него на руках. Когда Амиот произнес имя Джонни, тот в первый раз открыл глаза и улыбнулся, узнав его.

— Я принес тебе щенка, — пролепетал он. — Ты его сам выбрал, разве не помнишь? самого маленького из этого помета, но и самого лучшего.

Амиот пытался остановить кровь, струившуюся по щеке мальчика.

— Да, — произнес он мягко, — я помню.

Щенок начал трепать юбку Линнет, и она, поставив корзинку, позволила ему забраться на руку. Песик тут же начал покусывать ей пальцы.

— Он никогда не причинит зла, — прошептал Джонни. — Это волшебная собачка, она приносит счастье. Это настоящий корнуэлец, ведь папа выдал нашу Бесси за чистокровного терьера с залива Герран.

Он еще раз улыбнулся Амиоту, прежде чем закрыть глаза.

— Я рад, что ты победил великана, — сказал Джонни. — Надеюсь, ты снял с него скальп. Да, забыл сказать: щенка зовут Пти-Крю.

И тут слышались голоса и шаги: преследователи пробирались
сквозь заросли.

Книга третья

*И все же знаю: в мире мало тех,
Кто повесть о Тристане разгадал.*

ГЛАВА 22 «... Не убить бессмертную любовь»

*Пусть разлучили нас с тобою вновь,
Но не убить бессмертную любовь.*

В октябре Доктор Карфэкс возвращался с выездной сессии суда присяжных в Бодмине. Его попутчиком был мистер Макфейл, и надо сказать, что доктор оказался не особенно общительным спутником. Таможенник решил, что это начинает сказываться возраст. Если же вспомнить, как раздраженно он давал показания, когда слушалось дело молодого иностранного моряка Амиота Тристана, то можно было предположить, что у Карфэкса портится и характер тоже. Доктор, похоже, принял как личное оскорбление тот факт, что шкипер «Жоли бриз» скончался и он вынужден был засвидетельствовать причину смерти — кровоизлияние в мозг, вызванное падением с лестницы. Правда, подписав свидетельство о смерти, доктор лишь исполнил свой долг, так же как он, Макфейл, неохотно исполнил свой — как свидетель драки на лестнице конторы; но все это, начиная с момента вскрытия почти три месяца тому назад и до предварительного слушания, на котором судьи пришли к выводу, что произошло убийство и молодой Тристан должен предстать в качестве обвиняемого на следующей выездной сессии суда присяжных, удивительно состарило доктора Карфэкса.

— Вот что странно, — сказал Макфейл своей жене. — Доктор Карфэкс, который сотни раз видел, как люди преставляются по той или иной причине, причем нередко это были его собственные пациенты, которых он хорошо знал, вдруг делает трагедию из того, что один француз с грязной шхуны получил по заслугам от другого лягушатника, который вдвое меньше его.

Миссис Макфейл, как и подобает женщине, выразила доктору свое сочувствие.

— Если из-за одного его слова молодого человека могут посадить в тюрьму, то тут нечему удивляться, — ответила она. — Да еще такого милого молодого человека и такого вежливого — я знаю, потому что как-то давно покупала у него лук, за четверть цены по сравнению с тем, сколько дерут в городе. И все-таки долг есть долг, как ты сказал, а не то нас всех поубивают прямо в постели.

Ее муж никогда не говорил ничего подобного, но ему вспомнилось это

случайное замечание жены, когда один из судей после предварительного слушания сказал: «Мы не можем позволить иностранцам безнаказанно вести себя в наших респектабельных городах так, как будто они у себя, на своих глухих улицах. Всему есть предел!»

И предел был положен делом Амиота Тристана: он просидел в заточении десять недель — срок, по-видимому, достаточный, чтобы серьезно поразмыслить над последствиями совершенного им в гневе убийства своего соотечественника. Добрые люди Троя, внимание которых на какое-то время привлекла эта драка моряков, в результате которой один из драчунов погиб, были склонны согласиться с официальным мнением.

— Они должны его примерно наказать, вот что я скажу, чтобы другим неповадно было.

— Нужно отослать его туда, откуда он родом. Нам ни к чему, чтобы такие, как он, разгуливали под нашими окнами. Так недолго и до поножовщины.

— Этот парень — настоящий язычник: прятался в лесу и питался одними ягодами. Хорошо, что его посадили под замок.

К чести полицейского инспектора и его молодого помощника, никто в городе не узнал о трудно объяснимом присутствии в лесу Лантиэна хозяйки «Розы и якоря» в то самое утро, когда арестовали Амиота Тристана. Предположили, что миссис Льюорн и ее служанка Дебора Бранжъен рано встали, чтобы отправиться в лес за черникой или грибами, и их внимание привлек крик ребенка в лесу. То, что они столкнулись с беглецом, который нес ребенка в Лантиэн, было чистым совпадением.

Одно было несомненно, и это неохотно признавали суровые сторонники порядка в Трое, которые были за то, чтобы отправить преступника на остров Дьявола: молодой моряк не пытался избежать ареста. Доставив ребенка домой, к родителям, он сам отдал себя в руки правосудия. На этом смягчающем обстоятельстве особенно яростно настаивал фермер Бозанко из Лантиэна, и это спасло Амиота Тристана на выездной сессии суда присяжных в Бодмине.

— Итак, доктор, — сказал мистер Макфейл, нарушив молчание, которое грозило затянуться на весь путь от Бодмина до Троя, — все хорошо, что хорошо кончается, и я полагаю, что вы, так же как и я, рады видеть этого молодого парня на свободе и сознавать, что ему не придется отбывать длительное тюремное заключение.

Доктор Карфэкс хмыкнул в ответ, потом хлестнул Кассандру, понуждая ее ехать побыстрее: на большой дороге уже не было тех трудностей, которые он испытывал, управляя Кассандрой на узких

городских улицах.

— Я воздерживаюсь от высказываний на какую-либо тему, если не уверен в фактах, — ответил он наконец, ибо откуда нам знать, что все закончилось хорошо. Несомненно, молодой Тристан освобожден из-под стражи, но его обязали не нарушать общественного порядка, и пока мы не увидим, как он будет вести себя после этого, мы не можем сказать наверняка, что все хорошо.

— О, да будет вам, доктор! — возразил таможенник. — Вряд ли он еще раз будет причиной смерти другого человека. Парень получил хороший урок. Вы слышали, что сказал мистер Бозанко? Он поручился за молодого Тристана.

В ответ хозяин двуколки издал уклончивое «хм», а спустя пару минут последовало столь малоприятное замечание, что мистер Макфейл изумился.

— Было бы лучше для Амиота Тристана и всех, кто имеет к этому отношение, — заявил доктор Карфэкс, — если бы его выслали. — И словно для того, чтобы подчеркнуть эту мысль демонстрацией силы, он щелкнул хлыстом, и Кассандра, взбрыкнув, пустилась галопом. Мистер Макфейл, которого сильно потрянуло, вынужден был одной рукой ухватиться за шляпу, чтобы не слетела, а другой — за поручни двуколки.

— Вы хотите сказать, что у него преступные наклонности? — спросил он, когда отдышался и снова обрел дар речи.

— Нет, не хочу, — отрезал доктор.

— Что же тогда?

— Тут не может быть никаких «что же тогда». Молодому человеку было бы лучше в родной стране, где он мог бы жениться на ком-нибудь из своих и прочно там обосноваться, вместо того чтобы злоупотреблять добротой мистера и миссис Бозанко. А они еще об этом пожалеют.

«Вот до какой степени можно ошибиться в характере человека», — сказал мистер Макфейл своей жене в тот вечер. Ведь доктор Карфэкс, который так пекся о судьбе заключенного, словно этот молодой человек приходился ему родным племянником, отворачивается от него, как только того оправдали, и заявляет, что этого парня нужно выслать из страны.

«У этого старого черта просто каменное сердце, — заявил таможенник, попивая горячий грог: возле Замка Дор, на холме, дул резкий ветер, и поездка в двуколке далась мистеру Макфейлу очень нелегко. — Моя дорогая, если ты или я заболеем зимой, я за то, чтобы вызвать этого нового молодого доктора из Сент-Блейзи. Говорят, он кроткий как овечка и никогда не препирается с пациентами».

Доктор Карфэкс, не ведавший, что из-за своего вспыльчивого нрава потерял двух потенциальных пациентов, направился из конюшни не домой, а в город. Ему нужно было выполнить одну неприятную миссию, и, возможно, именно в предвкушении этого он показал себя таким необщительным спутником во время поездки из Бодмина в Трой.

Было октябрьское половодье, к тому же дул яростный ветер с юго-запада. Возле церкви в медленно сгущавшихся сумерках доктор увидел группы взволнованных людей и слышал смех молодежи. Судя по всему, набережную затопило, и вода добралась до церковной площади и Фор-стрит. Самые нетерпеливые уже брели по колено в воде, и восторженные крики и смех приветствовали какую-то молодую женщину, которая вынуждена была высоко подобрать юбки, показав пару удивительно стройных ножек.

— Подними-ка их выше, Деб! — завопил один из зрителей (нет необходимости говорить, что это был мужчина), который, забравшись на церковную стену, вместе со своими друзьями занимал очень выгодную позицию. — Мы с нетерпением ждем!

Молодая женщина, ничуть не смутившись, продолжала поддерживать одной рукой юбки, а другой окатила водой веселую компанию.

— Если вам хочется соленой водички, то тут ее полно, — ответила она. — Всех вас надо бы в нее окунуть, как вы того заслуживаете.

Наконец она выбралась на сухое место возле «Розы и якоря», и ее встретили радостными выкриками. У черного хода гостиницы она неожиданно столкнулась с доктором Карфэксом, который по каким-то своим соображениям не хотел, чтобы его появление привлекло общее внимание.

— О, доктор! — воскликнула Дебора (а это была именно она). — А я вас и не заметила из-за всех этих зевак, глазевших на меня.

Он отступил в сторону, давая ей пройти, и осведомился, дома ли ее госпожа.

— Она была наверху, когда я видела ее в последний раз, сэр. Я выскочила на минутку узнать, нет ли каких новостей, и... — Дебора умолкла, так как единственная новость, которая могла интересовать в тот вечер хозяйку «Розы и якоря», — это чем кончилась выездная сессия суда присяжных в Бодмине.

— И при этом насквозь промокли, — dokonчил за нее фразу доктор. — Ступайте и немедленно переоденьтесь. Но прежде проводите меня наверх, к вашей хозяйке, поскольку мне нужно ей кое-что сообщить.

Дебора провела его к лучшей спальне в гостинице, окна ее выходили

на площадь, — в этой комнате год тому назад несчастный нотариус Ледрю испустил последний вздох. Постучав в дверь и приоткрыв ее, она объявила: «К вам доктор Карфэкс, мэм», а затем удалилась. Однако посетитель успел заметить, что две молодые женщины быстро обменялись взглядами и служанка едва заметно кивнула. Легко было догадаться, что это были вопрос и ответ. Кивок означал, что Амиота Тристана освободили.

— Добрый вечер, Линнет, — поздоровался доктор. — Извините за столь бесцеремонное вторжение, но, зная, что ваш муж в это время обычно бывает занят в баре, я подумал, что смогу застать вас одну.

Линнет отошла от окна, из которого наблюдала за сценой внизу. В полумраке доктору показалось, что в ее красоте, которой он всегда любовался, появилось нечто странное, сверхъестественное — словно она была видением из сна, который с трудом можешь вспомнить. Слегка насмешливая улыбка, с которой Линнет поприветствовала его, заронила тревогу в его душу.

— Вы хорошо выбрали момент, — сказала она, и в ее голосе ему тоже почудилась насмешка. — Никто не побеспокоит нас здесь, когда внизу так глупо забавляются. Отчего это мужчины ведут себя как дети только потому, что вода, которую они видят каждый день, иногда чуть намочит им лодыжки?

Да, подумал доктор, если бы вода поднялась до самого подоконника и они боролись бы за свою жизнь, ты бы распахнула окно и ради забавы, смеясь, держала пари на того, кто лучше всех плавает.

Тут он заметил, что у нее в руках крошечная собачка — щенок с нелепым колокольчиком на шее. Опустив его на пол, Линнет принялась зажигать лампу.

— Это новый домашний любимец, не так ли? — спросил доктор.

— Не такой уж и новый, — ответила она. — Он у меня уже пару месяцев, если не больше.

Сейчас, когда она возилась с лампой, прикрывая лицо от пламени, он увидел, что Линнет очень бледна. А еще его поразило, насколько она похудела с тех пор, как они виделись в последний раз.

— У нас теперь так мало народу, что я стала пользоваться этой комнатой как своей собственной, — сказала она. — Я плохо спала на прежнем месте. Присаживайтесь.

Доктор заметил, что в комнате нет никаких вещей мистера Льюорна, а это означало... Это означало именно то, что означало.

— Я сразу же перейду к цели своего визита, — начал он. — Я здесь по просьбе миссис Бозанко. Я присутствовал на выездной сессии суда

присяжных в Бодмине, и она хочет, чтобы вы знали, что с молодого Амиота Тристана сняли обвинение в убийстве. Его обязали не нарушать общественный порядок, и мистер Бозанко за него поручился.

— Ну что ж... — сказала Линнет.

В ее голосе он уловил ликующие нотки.

— Это означает, что по крайней мере шесть месяцев Амиот Тристан будет находиться под наблюдением мистера Бозанко и его жены, — продолжал доктор, — без права выходить за пределы фермы без специального на то разрешения. Миссис Бозанко подумала, что вам было бы интересно узнать, на каких именно условиях он обрел свободу.

Молчание, последовавшее за этим сообщением, было доказательством того, насколько оно важно для собеседницы доктора. Вне всякого сомнения, она совсем иначе трактовала слово «свобода».

— Я перекинулся несколькими словами с этим молодым человеком, — добавил доктор, — и он понимает, что, если бы не вмешательство его работодателей, его бы выслали из страны. Он заверил меня со слезами на глазах, что сделает все, что в его силах, чтобы загладить свою вину перед ними. Я, со своей стороны, полагаю, они вряд ли бы так старались, если бы не дети.

Линнет наклонилась, чтобы взять на руки собачку, которая сейчас жалась к ее ногам, наострив ушки и уставившись умными глазками на гостя.

— Амиот винил себя за несчастный случай с Джонни, — сказала Линнет. — Всех этих неприятностей не было бы, если бы он вовремя скрылся.

— И таким образом стал бы причиной второй смерти, — сухо произнес доктор. — Джонни Бозанко умер бы от потери крови, если бы его бросили в лесу. У него на всю жизнь останется шрам на виске. Амиот Тристан поступит правильно, если на ближайшие несколько месяцев полностью посвятит себя этому мальчику и его родителям.

Когда вода выплескивалась на набережную и окатывала зрителей, с площади доносились веселые возгласы, но в комнате для гостей гостиницы «Роза и якорь» царила тишина. Доктор Карфэкс поднялся на ноги.

— Не смею вас больше задерживать, — сказал он, — хочу лишь передать последнее сообщение от миссис Бозанко. Она просила вас сказать, что сожалеет о том, что при нынешних обстоятельствах не может оказать вам гостеприимство в Лантиэне.

Линнет Льюворт направилась к двери, но, прежде чем открыть ее, помедлила какое-то мгновение, глядя на доктора с таким непроницаемым

выражением лица, что он так и не понял, считает она его врагом или другом.

— Я не напрашиваюсь ни на чье гостеприимство, — ответила она, — и уж меньше всего — на гостеприимство миссис Бозанко. Но вот что я вам скажу: горе тому, кто попытается встать между мной и человеком, которого я люблю.

Часы на церкви били семь, когда доктор Карфэкс, застегивая пуговицы куртки, чтобы защититься от ветра, покинул «Розу и якорь» и направился домой. Возбужденные возгласы толпы, наблюдавшей за все прибывавшей водой, вторили бою часов. На душе у доктора было тягостно: молодая женщина, с которой он только что расстался, могла быть столь же безжалостной, как эти волны, бившиеся о берег и затоплявшие обезлюдевшую набережную.

ГЛАВА 23 *Мэри находит рыцаря, а мистер Трежантиль пьет чай в Лантиэне*

— Джонни, ты слезешь с этой стены?

— Нет, мисс, ни за что.

— Джонни, если ты не будешь меня слушаться, то упадешь и снова разобьешь себе голову, а сейчас меня будут обвинять еще больше и пошлют в исправительную школу.

Эта угроза заставила Джонни отказаться от попытки через щель в шиферной крыше посыпать зерном лысую голову отцовского работника, ходившего за коровами. Болтая ногами, он надменно и в то же время снисходительно взглянул на сестру.

— Хорошо, — наконец согласился он, — но я забрался слишком высоко, и отсюда не спрыгнуть. Пусть придет Амиот и снимет меня.

Теперь было ясно, что Джонни, вовсе не присмиривший после несчастного случая, приключившегося с ним в июле, благодаря необдуманному действию родителей, баловавших его, понемногу превращается в домашнего тирана. Мэри, пожав плечами, пошла звать Амиота, прекрасно зная, что он сейчас обихаживает Весельчака и Милашку после тяжелых дневных трудов в поле.

Стук копыт, доносившийся с конюшни, показал, что она права. Мэри принялась следить, как ее любимец ворошит сено в кормушке Весельчака, тихонько напевая при этом, — это была странная, заразительная песенка на французском, которую Мэри часто слышала прежде.

— Тебе бы лучше пойти туда, — мрачно произнесла она. — Он снова взялся за свое.

Амиот повернулся и, увидев Мэри, улыбнулся и отставил вилы.

— Ты меня напугала, — сказал он. — Я был так далеко отсюда!

— В Бретани? — спросила она, и ее радость вдруг померкла без всяких на то причин.

— Не в Бретани и не в Корнуолле, а в какой-то стране грез между ними, — ответил он. — Вот к чему приводит столько недель полного безделья. Что случилось? Опять Джонни?

Она кивнула, в первый раз заметив, что с тех пор, как Амиот вернулся к ним из Бодмина, он перестал употреблять слова «мисс» и «мастер» — во всяком случае, когда они были втроем. Это дало ей приятное ощущение равенства. Он последовал за девочкой туда, где ее братец с нахальным и

торжествующим видом сидел на стене высотой в десять футов, барабана по ней пятками. Амиот, не говоря ни слова, поднял руки и повернулся к нему спиной — мальчик тут же соскользнул к нему на плечи.

— А теперь — эй, давай-ка галопом! — скомандовал Джонни властно, как смертельно больной, слово которого — закон. Однако, к тайной радости Мэри, Амиот только улыбнулся и спустил его на землю.

— Нет, — возразил он, — это ты будешь на меня работать, а не я на тебя. Пойди-ка задай корм лошадям, а потом поможешь начистить медь. У братьев по оружию амуниция должна блестеть.

«Удивительно, — подумала Мэри, — он так понимает брата и его детские игры, как будто верит в них сам. Но ведь все взрослые знают, что герои, рыцари и битвы — это всё из мира фантазии и не имеет никакого отношения к прозе жизни».

Несчастный случай, пометивший лицо ее брата, очень подействовал на четырнадцатилетнюю Мэри, которая, обладая обостренной чувствительностью, винила во всем себя. Если бы она не спала так крепко в то роковое утро, брат не свалился бы в яму, а Амиота не арестовали бы. А теперь даже выздоровление Джонни и освобождение Амиота не могли стереть в памяти девочки то страшное утро, когда сразу же, как только прибыла полиция, разыскивавшая Амиота, стало ясно, что ее заверения, будто Джонни с утра пораньше пошел за грибами, — ложь. А потом полицейские отправились в лес, и ее отец сопровождал их; а потом они вернулись, и убитый горем Амиот нес на руках Джонни, который был без сознания. То, что накануне ночью казалось дерзким и волнующим приключением, превратилось в трагедию, и у Мэри в ушах до сих пор стоял крик матери при виде истекавшего кровью Джонни: «Он умер?! О боже, он умер?!» Открытие, что взрослые беспомощны перед лицом опасности — даже та из них, которая, казалось, может защитить от чего угодно и рядом с которой всегда чувствуешь себя спокойно, — было столь болезненно, что навсегда развенчало в глазах девочки превосходство мира взрослых.

Она увидела, что взрослые, обладающие властью, так же уязвимы, как она. Даже такая уверенная в себе особа, как миссис Льюорн, каким-то странным образом оказавшаяся на месте трагедии, утратила хладнокровие и уверенность. Она почти ничего не говорила и даже не взглянула на Мэри, которая прошлым вечером была ее союзницей. Миссис Льюорн держалась на заднем плане, бледная и напряженная, прижимая к себе самого маленького щенка Бесс.

Инстинктивно Мэри ощущала, что миссис Льюорн согрешила,

навещающая Амиота в лесу, что это причинит ему зло, что секрет, известный им троим, в эту ночь был осквернен. Причины, по которым Амиот прятался в Вудгейт-Пилле, были ей неясны, его внезапный уход с фермы был в первую очередь связан с этим, и, возможно, полиция собиралась обвинить Амиота не только в убийстве человека, но и в каких-то других преступлениях. Мэри не могла ни с кем поделиться тем, что ее мучило. Мать, не отходившая от постели Джонни, думала только о нем, а отец, в ужасе от того, что парня, к которому он относился дружески, должны судить за убийство, был слишком занят своими собственными чувствами, чтобы уделить внимание дочери. Поэтому Мэри помалкивала, сразу повзрослев и став мудрее от своего печального опыта. А когда выпущенный из-под стражи Амиот вернулся в Лантиэн, ее радость от того, что он снова дома, смешалась с решимостью в дальнейшем уберечь его от беды, и бедой этой была миссис Льюорн, в чем девочка боялась признаться даже себе.

В то утро она последовала за Амиотом и своим братом на конюшню и, усевшись на лесенке, ведущей на чердак, наблюдала, как эти двое, покончив с заботами о лошадях, начали начищать упряжь.

— А теперь, сэр, — сказал Джонни, с детской непосредственностью касаясь щекотливой темы, — мы готовы скакать верхом вдвоем и защищать нашу честь от любого врага.

Он отложил кожаный ремешок, на пряжку которого смачно плевал, начищая ее до блеска, и добавил:

— Вопрос в том, чьим рыцарем ты бы хотел быть — Мэри или миссис Льюорн из Троя?

Мэри, пунцовая от смущения не только за себя, но и за Амиота, поспешно вклинилась:

— Не говори глупости, Джонни! Амиот не хочет быть ничьим рыцарем. — И девочка спрыгнула с лесенки, отряхивая с юбки приставшее сено.

— Но ты же хочешь, не так ли, Амиот? — продолжал приставать неугомонный Джонни, поворачиваясь к своему другу. — Все рыцари клянутся в верности какой-нибудь даме и носят ее ленту; это одна из причин, по которой они сражаются.

Амиот, к величайшему облегчению Мэри, спокойно улыбнулся Джонни.

— Конечно, так они и делают, — подтвердил он, — но в пылу битвы не всегда об этом помнят. Если Мэри согласна, я рад буду стать ее рыцарем.

— Значит, договорились! — в восторге воскликнул Джонни. — Дай ему кусок твоей ленты, Мэри, и он вденет его в петлицу.

И мальчик не успокоился, пока его сестра не отдала Амиоту половину своей алой ленты для волос, которую отрезали складным ножом. С подобающей случаю торжественностью рыцарь вдел ленту в верхнюю петлицу своей куртки.

— Конечно, это всего лишь игра, — тут же прошептала Мэри, горя желанием доказать Амиоту, что она достигла возраста, когда подобные игры считают глупостью.

То ли он не понял ее цели, то ли хотел успокоить ее брата, но он взглянул на нее очень серьезно и сказал:

— Я с радостью отдал бы жизнь за вас обоих, и об этом будем знать мы трое.

Как раз в эту минуту они услышали голос матери, которая звала их в дом: мистер Трежантиль зашел к чаю, их тоже ждут к столу, только сначала им надо вымыть руки и лицо; а если Амиот закончил работу, то и его тоже приглашают в дом. Джонни моментально и след простыл, ибо после несчастного случая владелец Пенквайта, нанося визиты на ферму, приобрел приятную привычку оказывать небольшие знаки внимания: он прихватывал из дому то несколько яиц дятла, которые еще в юности выпил через дырочку и очень ценил; то двух красивых бабочек-репейниц, которых он собственноручно приколол булавками, когда зрение у него было острее; и, наконец, корабль с полной оснасткой, помещенный в бутылку, — мистер Трежантиль смастерил его долгими вечерами, когда много лет назад сидел на веранде своего бунгало в Индии.

— Мы ему неинтересны, — рассмеялся Амиот, — сегодняшний подарок гораздо важнее, чем завтрашние битвы. Но я все равно буду носить цвета своей дамы. — И он дотронулся до ленты в петлице.

«Вот и пойми, — подумала Мэри, моя руки, — всерьез ли это сказал Амиот, который порой казался мальчишкой, как Джонни, а через минуту — взрослым мужчиной? Она ему сказала, что кусок ленты всего лишь шутка, и, может быть, он уже забыл, что эта лента должна означать, но сама так остро реагировала на петлицу Амиота, что ей казалось, будто лента стала размером с целый флаг». Мэри заняла свое место за столом на кухне, где уже восседал мистер Трежантиль.

— ...Так что, по-видимому, я совершенно прав в своих предположениях и вы происходите из королевского рода, — торжествуя, продолжал он свои рассуждения; на его высоких скулах загорелись пятна румянца, а глаза расширились от удовольствия при виде большого куска яблочного пирога, который ему только что положили на тарелку.

— О господи, — благодушно произнесла миссис Бозанко, — как

обычно, обращая больше внимания на то, чтобы хорошо попотчевать гостя, а не на то, о чем он толкует. Раз уж мистер Трежантиль нагрязнул неожиданно, пусть довольствуется тем, что имеется, и не рассчитывает на чай в гостиную. Слава богу, и Габриель, и Амиот в куртках, а Джонни так занят маленькой костяной фигуркой, которую подарил ему гость, что не пытается кормить котенка кусочками со стола.

— О господи, — повторила она, — и что же дальше? Большую розовую чашку для мистера Трежантиля, Мэри, — не ту, с трещиной. Ну что же, я считаю, что все мы должны быть весьма польщены и нам следует соответственно улучшить свои манеры. Габриель, ты бы мог начать с того, что перестанешь пить чай из блюдечка и дуть на него. — Это было сказано с кивком в сторону гостя, который, по правде сказать, ничего не замечал.

— Моя дорогая, — ответил ей муж, — я пил чай из блюдечка по крайней мере сорок лет и не откажусь от этой привычки сейчас даже ради всей голубой крови христианского мира. Простите меня, мистер Трежантиль, но что именно вы открыли о моих предках?

— Я как раз пытался объяснить это вашей жене, когда мы сели пить чай, — ответил гость, прожевывая пирог, — пожалуйста, четыре кусочка сахара, миссис Бозанко, и побольше молока, если оно не слишком жирное: мой желудок не переваривает сливки. Так вот, мои изыскания относительно вашего происхождения доказывают, что ваша мать была Хоэль, и, значит, вы, Бозанко, по всей вероятности, происходите от Хоэля Первого, короля Малой Британии.

Фермер воспринял эту поразительную новость с таким же спокойствием, как и его супруга.

— Простите мое невежество, сэр, но мои познания в истории ограничиваются Вильгельмом Завоевателем, хотя я знаю и об Альфреде, и о нашем собственном короле Артуре. А что касается вашего Хоэля, то я никогда о нем не слышал.

Помешав свой чай, мистер Трежантиль с авторитетным видом взглянул на хозяина дома. Задание, которое он выполнял согласно предписанию доктора Карфэкса, настолько поглотило его, что он больше не рассматривал его как лечение, скорее это было хобби, угрожавшее вытеснить все другие увлечения. Сейчас он занимался шестым веком нашей эры, и горе тому, кто попытался бы с ним спорить на эту тему!

— Хоэль Первый, — начал он, откашлявшись, словно готовился прочесть лекцию, — был современником короля Артура. Вы должны понимать, что в пятьсот тридцатом году нашей эры страна была раздроблена на маленькие королевства. В ходе своих изысканий я уверовал,

что Малая Британия — это вовсе не Бретань, как прежде предполагали, а область, простирающаяся примерно от Додмэна до устья реки Фэл. Король Хоэль со своим двором пребывал в Карэхиз, или Кархэйз, как мы его называем, что не следует путать с Кархэ в Бретани.

Он торжествующе отметил, что к нему приковано внимание всех сидевших за столом. Все знали Додмэн — мыс в десяти милях к западу от Троя, а пляж возле Замка Кархэйз для воскресной школы был любимым местом вылазок на природу.

— Ну и ну, — пробормотал мистер Бозанко, — а моя мать ничего об этом не ведала. Ее звали Мэри Хоэль, из Порглоу, и, насколько мне известно, она ни разу не бывала в Замке Кархэйз.

Гость не смог удержаться от самодовольной улыбки:

— Я же говорю о Кархэйз, каким он был в шестом веке нашей эры, мой добрый Бозанко. В те дни замок был скорее крепостью на холме, а король Хоэль, по всей вероятности, варваром. Я не могу вам гарантировать, что у вашего предка были возвышенные чувства и изысканные манеры.

— А носил ли он корону, сэр? Вот что хочется узнать этим детям. Разве я не прав, Джонни?

Фермер подмигнул сыну, словно весь разговор был шуткой, но Джонни и Мэри были столь же серьезны, как и сам лектор. Мистер Трежантиль, заподозрив, что на старших членов семьи его сообщение не произвело должного впечатления, сделался немного чопорным и отказался от второго куска яблочного пирога.

— Корону? Вряд ли, — ответил он, взмахом руки отменяя такую ребяческую идею. — По всей вероятности, это был какой-то особый головной убор, отличавший его от подданных, но не более того.

Мэри, которая стала теперь чрезвычайно ранимой, почувствовала, что он задет, и, поскольку была дочерью своей матери, интуитивно постаралась загладить неловкость и вернуть гостю хорошее расположение духа.

— Ваш предок тоже был королем, мистер Трежантиль? — вежливо поинтересовалась она. — И он правил своими подданными в Пенквайте?

Так уж вышло, что отец мистера Трежантиля не был родовит. Он нажил свое небольшое состояние торговлей скобяными товарами, а его сын, выйдя в отставку после того, как тридцать лет был чайным плантатором, смог наслаждаться плодами отцовских трудов, взяв в долгосрочную аренду особняк, в котором сейчас проживал. Результаты исследований пока что не давали ему права претендовать на родство с древним родом де Пенкуа, существующим и ныне. Мистер Трежантиль был разочарован, и получилось, что Мэри ненамеренно коснулась больной

темы. Однако это дитя проявило интерес, в отличие от своих родителей, и заслуживало того, чтобы ей ответили.

— Трежантили никогда не селились у реки, — важно ответил он, — они явились с гор. — Он взмахнул рукой в сторону севера. — Когда-то у них были манор и земли недалеко от Сент-Колумба, и, хотя трудно определить их точное местонахождение, я предлагаю в ближайшем будущем совершить экскурсию по той округе. Вполне может оказаться, что у Трежантилей есть права феодала на сам Замок ан-Динас.

Он подождал, пока эти сведения произведут должный эффект. Джонни, не спускавший глаз с мистера Трежантиля с тех пор, как тот упомянул Хоэля Первого, наконец не выдержал:

— А что это такое? — спросил он.

Гость выпрямился на стуле, словно проглотил палку.

— Величайшее земляное укрепление во всем Корнуолле, — ответил он.

Джонни просто зашелся от восторга. Он моментально представил себе мистера Трежантиля стоящим на огромном крепостном валу, а за ним — десять тысяч вооруженных воинов, подчиняющихся каждому ему приказу.

— Мне бы ужасно хотелось на него взглянуть! — заявил он.

К величайшему удивлению родителей Джонни, мистер Трежантиль не оставил эту просьбу без внимания, а отозвался на нее с удовольствием.

— В самом деле, почему бы и нет? — сказал он. — Нет ничего проще. Экскурсия в Замок ан-Динас должна входить в образование каждого корнуэльского мальчика.

Джонни сразу же ухватился за представившуюся возможность.

— Мэри тоже должна поехать, — настоятельно сказал он, — и Амиот, потому что он — рыцарь Мэри. Мы все должны поехать.

— Мой дорогой, успокойся, — вмешалась миссис Бозанко. — У мистера Трежантиля есть другие дела, помимо того чтобы сопровождать такую ораву по вересковым пустошам в это время года, когда дни становятся короче и всякое такое.

И тут она заметила в петлице Амиота красную ленту. «Надеюсь, это не означает, что Мэри забивает себе голову глупостями», — мелькнула у нее мысль.

— Уверяю вас, миссис Бозанко, — серьезно заявил гость, — что для меня нет большего удовольствия, нежели сопровождать вашу семью в Замок ан-Динас, тем более если Амиот тоже поедет с нами. Мы можем назначить день и, выехав пораньше, вернуться до наступления темноты. Нечасто встречаешь молодых людей, проявляющих подобный интерес к

истории.

Итак, жена фермера позволила себя убедить. В конце концов, эта идея могла ничем не кончиться и оказаться одной из фантазий мистера Трежантиля — вроде происхождения ее мужа от короля Хоэля. На следующей неделе ему взбредет в голову что-нибудь другое, и он забудет о замках и королях.

После ухода гостя Мэри и Джонни не могли говорить ни о чем другом. Зимой развлечений мало, и до них еще далеко, а визит в родовой замок мистера Трежантиля, пожалуй, самое лучшее, что можно придумать до Рождества. Только Амиот молчал, и мистер Бозанко, положив руку ему на плечо, добродушно осведомился:

— Что тебя беспокоит, парень? Тебе не хочется побродить по вересковым пустошам в поисках замков?

Амиот вздрогнул: он был погружен в раздумья, а взгляд его был сосредоточен на открытой двери.

— Отчего же, сэр, я с радостью поеду, — ответил он. — Просто я гадал, где мог прежде слышать это имя — Динас. Я мог бы поклясться, что когда-то знал человека с таким именем, но не помню, кем он был и когда это было.

Мистер Трежантиль, чтобы добраться до Пенквайта засветло, бежал по тропинке вприпрыжку. Он пришел к печальному выводу, что у фермера Бозанко нет чувства истории. Его совершенно не взволновала новость о Хоэле Первом. И, по всей вероятности, ничего бы не изменилось, даже если бы он продолжил свою лекцию и поведал этому славному человеку, что Хоэль Первый был отцом молодого рыцаря Каэрдина и Изольды Белорукой, несчастной девицы, которая попыталась утешить легендарного Тристана, когда тот расстался с ее тезкой, Изольдой Белокурой, женой короля Марка. Правда, Готфрид Страсбургский дал отцу имя Джовелин и сделал его герцогом Арундельским, но это была явная ошибка.

Однако доктор Карфэкс просил своего пациента придерживаться фактов, и мистер Трежантиль, хорошенько обдумав этот вопрос, решил не беспокоить своего врача таким незначительным делом, как происхождение Габриеля Бозанко от Хоэля Первого, а дать эти сведения в сноске, когда будет возвращать доктору его книги и бумаги.

ГЛАВА 24 *Заговор и контрзаговор*

Эпидемия простуд, наступившая раньше обычного, удерживала доктора Карфэкса в Трое с самой сессии суда присяжных, и поэтому он не ездил в последнее время «за город» (так обитатели Троя называли местность, находившуюся всего в миле от города), дабы нанести свой обычный визит мистеру Трежантилю в Пенквайте или семье Бозанко в Лантиэне.

Когда доктор последний раз слышал о них, чайный плантатор в отставке пребывал в добром здравии и посвящал все время своему новому увлечению — этимологии, которая увела его так далеко от изначальной задачи — разобрать бумаги доктора, — что последний потребовал, чтобы пациент отослал ему всю кипу бумаг обратно. Ну а что касается Джонни Бозанко, который легко отделался шрамом на лбу, то ему, скорее, нужна была розга учителя, нежели врачебная помощь.

Однажды вечером, в конце месяца, окончив прием пациентов, доктор Карфэкс прошел в столовую и в ожидании обеда разбирал свою почту; среди прочей корреспонденции он обнаружил записку от миссис Бозанко. Она просила его благословения на предмет предполагаемой экспедиции в Замок ан-Динас.

«Дорогой доктор, — писала она, — мистер Трежантиль весьма любезно предложил показать детям большой земляной замок возле Сент-Колум-ба, где, по-видимому, несколько столетий назад жили его предки. Не будет ли это слишком большой нагрузкой для Джонни и не отложить ли эту экскурсию до весны? Я не хочу их разочаровывать, и если Вы скажете, что им можно поехать, они поедут. Мне приятно Вам сообщить, что Джонни, кажется, совсем поправился. Искренне Ваша Элис Бозанко».

Издав негромкий смешок, доктор отложил это письмо. Итак, в результате своих изысканий его пациент дошел до того, что претендует на родство с неизвестными обитателями Замка ан-Динас — «земляного замка возле Сент-Колумба», как определила его миссис Бозанко, — пожалуй, это самая лучшая новость, услышанная им сегодня. Дальше Трежантиль заявит о своем происхождении от самой девственницы Колумбы, чем вызовет возмущение у великого множества народа, особенно у тех, кто поклоняется этой святой в церкви Сент-Колумб. Правда, если бы они узнали, что манор Тресаддерн, к западу от этого земляного укрепления, назван так потому, что это был Тре-Саддарн, или город бога Сатурна, то были бы потрясены

еще больше.

Что же касается детей, то ничто не могло быть для них полезнее, нежели прогулка в горы, при которой они выбрались бы на некоторое время из своей долины; и было бы совсем хорошо, если бы эта экскурсия затянулась на пару дней, а то и более.

— Мона, — обратился он к своей экономке, когда та внесла основное блюдо — это был упитанный фазан, подстреленный владельцем ближайшего поместья и присланный доктору в знак уважения, — Мона, ваша любезная сестрица в Тресаддерн-Фарм все еще принимает постояльцев?

— Да, доктор, — ответила Мона, — и все лето у нее было полно народу. Хотя я представить себе не могу, что им там делать, — разве что прогуливаться пешком да удить рыбу в ручье, который находится за целую милю отсюда. У некоторых людей очень странные идеи насчет того, как следует проводить свободное время.

Доктор Карфэкс вздохнул с облегчением, убедившись, что экономка не забыла обвалить фазана в сухарях, уселся за стол и отрезал от этой сочной птицы крылышко и грудку.

— Вы думаете, у нее найдется место для мистера Трежантиля и детей Бозанко, если бы они остановились там на пару дней? Джонни не помешала бы смена обстановки и свежий воздух, а мистер Трежантиль получил бы возможность разыскать своих предков.

— Я уверена, что у нее найдется место, — ответила экономка. — Сейчас она занимает лишь половину дома, а все постояльцы, должно быть, уже разъехались. Если пожелаете, я ей напишу, чтобы быть уверенной.

— Да, сделайте это, Мона, — сказал доктор, чуть поразмыслив. — И вот что еще я вам скажу. Если они отправятся в экспедицию в следующую пятницу и задержатся там на субботу, мы пошлем им часть той превосходной испанской ветчины, которую прислал вчера мистер Макфейл из таможенной конторы. Если ваша сестра хотя бы наполовину такая же хорошая стряпуха, как вы, то мистер Трежантиль забудет о своей сомнительной родословной и предастся радостям эпикурейства.

— Да, сэр, — согласилась Мона, польщенная комплиментом в свой адрес, ибо она, хоть и не была знакома с греческой философией, достаточно хорошо знала своего хозяина, чтобы понять, о чем идет речь.

Она с превеликой поспешностью написала своей сестре, миссис Полвил, в Тресаддерн-Фарм, предупреждая о возможном приезде «богатого пациента милого доктора и двух хорошо воспитанных детей», и получила в ответ письмо, в котором сестра заверяла ее, что «весь Тресаддерн будет

предоставлен в распоряжение знакомых доктора Карфэкса».

Словом, пока все шло хорошо. Доктор Карфэкс послал записки миссис Бозанко и мистеру Трежантилю, в которых сообщал, что взял на себя заботу об устройстве путешественников и договорился о жилье на пятницу и субботу будущей недели с миссис Полвил из Тресаддерна, сестрой своей экономки. А поскольку Тресаддерн расположен в непосредственной близости от Замка ан-Динас, то будет очень удобно совершать туда вылазки. Ему также доставит величайшее удовольствие, добавил доктор в записке мистеру Трежантилю, прислать им кое-что в дополнение к субботнему обеду: если потреблять этот продукт в умеренных количествах и по крайней мере за четыре часа до сна, то он никому из них не повредит.

Через двадцать четыре часа доктору доставили депеши из Лантиэна и Пенквайта с изъявлениями сердечной благодарности.

«Теперь развеяны все страхи относительно нежелательности подобной экспедиции поздней осенью», — заявила миссис Бозанко, в то время как мистер Трежантиль, который питал некоторые опасения относительно того, что придется испытать лишения, сидя во рву Замка ан-Динас и поглощая холодный пирог с мясом, признался, что «сознание того, что в конце долгого дня нас будут ждать теплая постель и вкусная еда и что к тому же Тресаддерн-Фарм может оказаться на том самом месте, где находился давно исчезнувший манор Трежантилей, еще более улучшило настроение автора этого плана».

Ни миссис Бозанко, ни мистер Трежантиль не сочли нужным упомянуть об одном мелком факте, по их мнению не представлявшем особого интереса, а именно что Амиот Тристан, с согласия его хозяина Габриеля Бозанко, будет сопровождать всю компанию — по особой просьбе Мэри и Джонни.

А если бы миссис Бозанко не забыла о том, что от добра добра не ищут, и не сочла необходимым повезти юного Джонни в Трой, дабы купить ему теплое пальто в магазине тканей напротив «Розы и якоря», то весьма возможно, что известие о предполагаемой экспедиции не дошло бы до ушей той особы, которой, по мнению матери Джонни, нужно знать об этом в последнюю очередь. Старое пальто Джонни еще вполне можно было носить — правда, оно было слегка коротковато да чуть потерлось на локтях. Но поскольку было так много разговоров о родовом имени мистера Трежантиля, миссис Бозанко решила, что ее сыну непременно нужна обновка. В среду днем она влетела в магазин тканей на Трафальгарсквер, приметив элегантную модель, выставленную в витрине, — пальтишко было похоже на морской бушлат. Миссис Бозанко была так

занята предстоящей покупкой, что не видела, как Джонни, задержавшись на пороге, весело машет Деборе Бранжъен, которая как раз вытряхивала пыльную тряпку, распахнув окно на верхнем этаже «Розы и якоря».

— В пятницу мы едем в Замок ан-Динас, — сообщил он, — Амиот, Мэри и я. Мы там проведем две ночи, самостоятельно, без папы и мамы. — В голосе мальчика звучали хвастливые потки: еще бы, он на время освободится от родительской опеки!

— Вот как! — ответила Дебора. — Ну что ж, тебе повезло. А скажи, пожалуйста, кому принадлежит Замок ан-Динас? Полагаю, феям.

— Нет, не им, — возразил Джонни. — Они не имеют к этому никакого отношения. И на Замок ан-Динас, и на Тресаддерн-Фарм, где мы будем ночевать, право феодала у мистера Трежантиля.

Именно в эту минуту миссис Бозанко позвала сына в магазин, чтобы примерить пальто, и Деборе осталось лишь гадать, что значила последняя фраза Джонни. Во всяком случае, следует рассказать обо всем хозяйке, потому что из-за запрета, наложенного на обмен визитами между «Розой и якорем» и Лантиэном, новости о ферме Бозанко приходили крайне редко.

Если дети Бозанко отправлялись в увеселительную поездку в сопровождении одного лишь молодого человека, с которого недавно сняли обвинение в убийстве, тогда госпожа Деборы может без всякого риска отправить письмо в Тресаддерн-Фарм, где бы это место ни находилось. Деборе не пришло в голову, что у хозяйки «Розы и якоря» могут возникнуть еще какие-нибудь идеи на этот счет.

Немного позже, когда хозяин гостиницы отправился вниз, в бар, служанка зашла в комнату госпожи, чтобы сообщить ей новость. Линнет Льюорн, от нечего делать сортировавшая белье, позволив песику Пти-Крю лизать свои крошечные лапки на ее стеганом одеяле, внимательно выслушала Дебору, а потом взглянула на календарь, висевший на стене.

— Следующая суббота — тридцать первое число, — сказала она Деборе. — Говорит ли тебе о чем-нибудь эта дата?

— Только о том, что это канун Дня всех святых, — быстро ответила Дебора, — и тот, кто хочет узнать свою судьбу, должен взглянуть в зеркало, держа в руках зажженную свечу.

Ее хозяйка презрительно рассмеялась.

— В девичестве я проделывала это раз двадцать, и посмотри, что я в результате получила, — ответила она. — Нет, пусть мертвые поднимаются из своих могил, а святые смотрят вниз с небес — мне нет до этого никакого дела. Но если я не ошибаюсь, в следующую субботу, тридцать первого, трактирщики и хозяева гостиниц устраивают свой ежегодный обед и

мистер Льюворн на него приглашен.

Дебора, взявшая с кровати стопку белья, задумчиво посмотрела на свою госпожу.

— Даже если и так, — ответила она, — это не значит, что будет правильно, если вы сорветесь с места и помчитесь в противоположную сторону, как только за ним закроется дверь.

Линнет улыбнулась. К счастью, эту улыбку видела только Дебора, ибо в ней было торжество.

— В этом не будет необходимости, — ответила она. — В этом году обед состоится в «Индийской королеве». Хозяева гостиниц приглашены вместе с женами.

Тресаддерн, Замок ан-Динас — эти названия мало что говорили Деборе, но поскольку она помогала обслуживать посетителей в баре, то слышала об «Индийской королеве» — гостинице, стоявшей на отшибе, где-то на дороге между Бодмином и Труро, и прославившейся кутежами и скандалами.

— Если вы гонитесь за шумом и пьяными драками, то вы их там найдете, — сказала она хозяйке. — Но я никак не возьму в толк, какое отношение обед в «Индийской королеве» имеет к детям Бозанко и к кое-кому еще.

— Тебе все станет ясно, если ты взглянешь на карту, — ответила Линнет и, подхватив на руки Пти-Крю, вышла из комнаты и направилась вниз, в бар. Нет, она не ошиблась. Старая карта, висевшая на стене, поведала ей обо всем, что она желала знать. «Индийская королева», которую отделяло от Сент-Колумба всего несколько миль, находилась на таком же расстоянии и от крепости на холме, обозначенной как Замок ан-Динас. Что касается Тресаддерн-Фарм, то любой местный житель укажет ей, как туда пройти. Она взглянула на мужа. Как обычно в последнее время, он сидел в унынии, подперев рукой подбородок, и смотрел на пустой стакан, стоявший перед ним.

— Кажется, вам нехорошо, — сказала Линнет, тихонько подойдя к нему и убирая стакан. — Вот как выходит, когда сидишь целый день дома и пьешь больше своих посетителей.

Подняв на нее взгляд, муж вздохнул.

— Если и так, — ответил он, — вы знаете, чья тут вина.

— Ну, ну, — возразила Линнет, — мужья всегда винят жен в своем плохом настроении. По правде говоря, я сама эти последние недели была не в духе, и мне бы не помешало развеяться.

Муж схватил ее за руку.

— Я повезу вас, куда вы только пожелаете, — ответил он с пылом, порожденным отчаянием. — Вам стоит сказать лишь слово.

Линнет пожала плечами.

— Уже поздняя осень, — возразила она. — Куда же мы можем поехать — мы с вами вдвоем, чтобы нам не было смертельно скучно? — Она сделала паузу, смахивая крошки со стола, за которым он сидел. — А что это за обед, на который вы приглашены в будущую субботу? — небрежным тоном осведомилась она.

— Ежегодный обед трактирщиков в «Индийской королеве», — сказал он. — Пригласили нас обоих, но я ответил только за себя.

Линнет сморщила носик, что выражало и отвращение, и раздумье.

— В любом случае это означает поездку, — размышляла она вслух с притворным пренебрежением, — и шанс надеть новое платье. Полагаю, вы отказались за меня, потому что предпочитаете выпить со своими друзьями?

— Нет, Линнет, вы же знаете, что это неправда. — Марк Льюорн прильнул к жене. — Да если бы вам захотелось поехать со мной, вы бы сделали меня счастливейшим человеком в Корнуолле! Я даже предположить не мог, что это возможно.

Линнет, что с ней редко случалось, склонилась над сидевшим мужем и слегка коснулась его чела, как бы мирясь с ним.

— Заметьте, я не обещаю, — сказала она, — но если к пятнице установится хорошая погода, то мы могли бы отправиться в тот же день, сделать покупки и переночевать в Сент-Остелле, а в субботу выехать пораньше и добраться до «Индийской королевы» еще до полудня. И тогда я бы смогла немного прогуляться по округе, прежде чем придет время переодеться к обеду, а вы, — она сделала паузу, — для разнообразия поприветствуете ваших друзей в трезвом виде.

Двадцать минут спустя Дебора, сбегав через дорогу, отнесла на почту письмо, адресованное Амиоту Тристану, Тресаддерн-Фарм, возле Сент-Колумба.

Вечером в пятницу, тридцатого октября, доктор Карфэкс, сворачивая с Фор-стрит на Трафальгар-сквер после визита к пациенту, жившему на другом конце города, заметил посыльного, Билла Ферриса, который накануне по его распоряжению доставил половину окорока мистеру Трежантилю в Пенквайт. При виде доктора Билл Феррис оробел и похлопал себя по карману.

— Черт побери, совсем вылетело из головы, — извинился он. — Ношу это со вчерашнего утра.

Обнажив голову, он подал доктору письмо, которое тот принял с

крайне серьезным видом.

— Так не годится, Билл, — пожурил он посыльного, качая головой. — А если бы у мистера Трежантиля начался сердечный приступ и он бы выбрал вас своим гонцом? Нет, нет, я просто пошутил. Бегите в «Розу и якорь» и выпейте пива.

Посыльный ухмыльнулся и исчез, а доктор Карфэкс, увидев, что со стороны церковного двора к нему приближается дородная миссис Макфейл, которая уж если зацепится языком, то продержит человека не меньше десяти минут (он однажды проверил это по церковным часам), резко изменил курс и нырнул с парадного входа в «Розу и якорь», дабы избежать встречи. Конечно, пойдут разговоры: дескать, доктор Карфэкс не прочь пропустить рюмочку. Ничего, сплетни все же лучше, нежели болтовня миссис Макфейл. Оказавшись в безопасности, он воспользовался возможностью взглянуть на записку, которую ему только что передал посыльный. Бегло пробежав ее глазами, доктор взорвался, и если бы в эту минуту с ним рядом была миссис Макфейл, она бы растрезвонила по всему Трою, что у доктора Карфэкса сделался такой бешеный нрав, что пациенты больше не должны ему доверять.

— Ну, это превосходит все, что мне приходилось слышать! — воскликнул доктор и с такой яростью топнул ногой, что Нед Варкоу, дежуривший в баре, услышал это с другого конца коридора и, прихрамывая, пошел посмотреть, кто там буянит у парадного входа.

«Дорогой Карфэкс, — говорилось в записке, — большое Вам спасибо за оленью ногу, которую только что доставили. Она будет передана сестре Вашей экономки в ту же секунду, как только мы окажемся в Тресаддерне, а поскольку у нас четверых — молодого Амиота, детей и у меня, — вероятно, разыграется аппетит, то мы будем предвкушать превосходное жаркое в субботу на обед. Мы намереваемся отбыть в четырехместной карете на рассвете в пятницу. Искренне Ваш Э. Трежантиль».

Оленина! Назвать великолепную испанскую ветчину олениной! Приготовить из нее жаркое к субботнему обеду! Да это же кошунство! И послать туда не кого-нибудь, а именно Амиота Тристана, чтобы он разгуливал, сколько ему угодно, в Замке ан-Динас, когда там бродят тени... Но тут его размышления прервал голос, раздавшийся совсем рядом:

— Чем могу служить, доктор?

В коридоре стоял маленький Нед Варкоу, едва доходивший доктору до пояса.

— Спасибо, Нед. Я просто... хм... дал выход своим чувствам. Как ваша госпожа? И хозяин?

— У них все было хорошо, когда они выехали утром, — ответил он. — Но сколько продлится это согласие, не берусь предсказывать. Их не будет до воскресенья, как предполагает хозяин. Они останутся на субботний обед в «Индийской королеве».

— В «Индийской королеве»?

— Именно так, доктор. Хозяин в любом случае туда собирался, а хозяйке вдруг пришла в голову мысль сменить обстановку.

Да уж, яснее ясного! А «Индийская королева» всего в трех милях от Замка ан-Динас. Вот дурак этот Трежантиль, непроходимый дурак!

Доктор Карфэкс торопливо попрощался и зашагал по дороге к почте. Он привык быстро принимать решения, что было необходимо при его профессии. После подсчетов, занявших всего минуту, он пришел к выводу, что товарный поезд, перевозивший руду по специальной железнодорожной ветке из Сент-Блейзи в Рош, отходит рано утром в субботу. Как удачно вышло, что всего две недели назад он помог жене машиниста разрешиться двойней. Его посадят на этот поезд, хотя перевозить в нем пассажиров запрещено законом. Если все пойдет хорошо, к полудню он уже будет в Замке ан-Динас — как раз вовремя, чтобы предотвратить беду, а то и катастрофу. Что касается его пациентов, то в течение суток им придется позаботиться о себе самим. Или обратиться к молодому Техиди.

Телеграмма, адресованная «Трежантилю, Тресаддерн, Сент-Колумб», была вручена почтмейстеру через несколько минут после того, как доктор Карфэкс принял решение. Она гласила: «Не спускайте глаз с молодого Амиота. Намерен присоединиться к Вам к полудню в субботу. Ни в коем случае не вздумайте испортить ветчину. Поклон. Карфэкс».

ГЛАВА 25 *Замок ан-Динас*

Поскольку мистер Трежантиль был никудышным кучером, то он не собирался сам везти всю компанию в Замок ан-Динас. Открытые двуколки годились для таких закаленных людей, как его врач, но чтобы проделать путь в восемнадцать миль в последние два дня октября, требовался закрытый экипаж, которым бы правил кучер Дингль. Дети и Амиот могли по очереди сидеть на козлах, а если кто-то в четырехместной карете почувствует дурноту, то можно с величайшей легкостью опустить окна.

Согласно плану мистер Трежантиль должен был выехать в карете из Пенквайта в восемь часов утра и примерно через двадцать минут подхватить свою маленькую группу на большой дороге, у поворота на Лантиэн. Дальше они проследуют через Ланливери к дороге, ведущей от Бодмина до Труро, и, если все пойдет как надо, через два с половиной часа они повернут направо, к Замку ан-Динас. Привал сделают у тропинки, ведущей к земляному укреплению, и, если погода будет по-прежнему хорошей, группа из четырех человек после ланча отправится осматривать ан-Динас. Дингль доставит их вещи к миссис Полвил в Тресаддерн-Фарм и проедет еще две мили в карете до Сент-Колумба, где остановится в гостинице «Красный лев».

В пятницу на рассвете погода была чудесная, хотя и немного прохладная. Все шло по плану: Джонни важничал, сидя на козлах в новом пальто, а Мэри, которая держалась как настоящая леди, восседала рядом с хозяином кареты, напротив Амиота.

Мистер Трежантиль укутался до подбородка в дорожный плед, и его тирольская шляпа, в которую было воткнуто перо грача, не очень-то подходила к желтоватому цвету лица. И тем не менее в ней он выглядел настоящим путешественником, который может в любой момент перебраться через пропасть или подстрелить серну. Амиот, которому мистер Бозанко дал свои бриджи, гетры и куртку, не забыл вдеть в петлицу ленту Мэри. Миссис Бозанко, когда после завтрака прощалась с дочерью, сделала вид, что не заметила этот ребяческий вздор.

Мэри в карете слегка расслабилась и, сидя с полужакрытыми глазами, разрывалась между желанием посмеяться над мистером Трежантилем, длинный нос которого торчал над пледом, смахивая на клюв грача, и опасением, что ей станет плохо, если окно не откроют пошире. Ее утешали улыбка Амиота, исполненная понимания, нарочитый жест, которым он

дотрагивался до ленты в петличке, и случайное прикосновение его колена под вторым дорожным пледом.

Джонни пребывал на седьмом небе, точнее — в мире детства: сидя на козлах, за каждым поворотом дороги он с восторгом открывал какое-то новое чудо. Деревья были золотистыми, живые изгороди — красновато-коричневыми, на некоторых виднелись ягоды шиповника. А когда они оставили позади Ланливери, а впереди, с правой стороны, показалась скалистая громада Хелмен-Тор, Джонни чуть не задохнулся от радостного волнения: ведь знакомая, поросшая лесом долина, где был его дом, теперь далеко позади и сейчас он въезжает в дикую местность, где охотились воины ушедших времен.

Величественный Капитан, гнедая лошадь мистера Трежантиля, впряженная в карету, одолевал холмы, как настоящий боевой конь, а когда, попетляв миль пять, карета выехала на большую дорогу, которая вела из Бодмина в Труро, и вдаль показалось побережье, Джонни начал подпрыгивать на козлах, уговаривая мистера Дингля, кучера, ехать побыстрее. Мистер Дингль был не готов к этому, поскольку, по правде сказать, не одобрял всю эту затею с экспедицией. Экскурсия — это совсем неплохо, когда на нее отправляются поздней весной или ранним летом и дают лошадям пару часов передохнуть вблизи тенистой рощи или уютной гостиницы. Но заставлять животное тащиться восемнадцать миль в край, где не ступала нога цивилизованного человека, да еще ожидать, что лошадь и кучер проведут две ночи вдаль от собственного удобного жилища, в какой-то странной гостинице в Сент-Колумбе, — это, по мнению мистера Дингля, можно было почти что приравнять к убийству. Вероятно, они потеряют колесо. Лошадь разгорячится и простудится. Подстилка на конюшне будет сырая. Все эти опасения он изложил Джонни тоном, выражавшим унылую покорность судьбе, перемежая свою речь такими фразами: «Не нравится мне все это. В такое время года гонять лошадь по дорогам! Если нам придется внезапно спускаться под гору, я не смогу ее удержать».

И тут им как раз представилась такая возможность — внезапно спуститься под гору. Дорога змеилась по этой местности, как лента, и Джонни сразу же отметил, что она тут гораздо более ровная, нежели дорога между Сент-Сэмпсоном и Троем, к которой привык Капитан.

— Может быть, сегодня, — неохотно согласился кучер, — но если ее прихватит морозом, то бедный Капитан костей не соберет.

— Мороза не будет, — пообещал Джонни. — Барометр отца показывает «ясно». Может быть, пойдет дождь, но не сильный.

Мистер Дингль хмыкнул.

— Да дождь-то здесь не такой, как у нас, дома, — пробурчал он. — Полюет как из ведра и затопит всю дорогу, и Капитан будет брести по самую холку в воде.

Тут из кареты раздался голос его хозяина, и кучер, натянув вожжи, прервал свои предсказания.

— Сворачивайте направо, Дингль, как только мы проедем поворот на Рош, — приказал мистер Трежантиль, — но не вздумайте сворачивать к Сент-Венн. Мы едем в Сент-Колумб и должны увидеть Замок ан-Динас на вершине задолго до того, как доберемся до него.

— Да, сэр, — ответил кучер, отсалютовав хозяину кнутом; но когда голова мистера Трежантиля исчезла, он повторил — пожалуй, в десятый раз: — Не нравится мне все это.

Мистер Дингль, ожидавший увидеть зубчатые стены с башнями, пусть и в руинах, окончательно убедился, что эта экспедиция — сущее безумие, после того, как, проехав еще полчаса, Джонни взволнованно воскликнул:

— Посмотрите, я думаю, это он и есть — вон там, как горб на линии горизонта — это Замок ан-Динас!

Кучер, пораженный настолько, что даже на минуту смолк, посмотрел в ту сторону, куда указывал палец Джонни.

— И вот ради этого мы сюда тащились? — спросил он недоверчиво. — Бедный Капитан тянул карету пятнадцать миль, чтобы мы увидели этот старый бугор?! Если бы у мистера Трежантиля была хоть капля здравого смысла, он бы приказал мне повернуть кругом и отправиться домой.

— Тише, — прошептал Джонни. — Здесь жили предки мистера Трежантиля.

— Пожалуй, так и было, — заметил исполненный презрения кучер. — Скорее всего, дикари в шкурах. Ни один настоящий джентльмен этого бы не вынес.

Мэри, которую прижал к окну кареты исполненный энтузиазма хозяин, придерживалась примерно того же мнения, что и мистер Дингль. Замок ан-Динас был всего-навсего холмом, обрамленным зарослями дрока. Он был ничем не лучше Замка Дор, где они с Джонни обычно играли в прятки, поджидая, пока подкуют лошадей. Но это не имело никакого значения, ведь главное — она вдали от дома, с Амиотом.

— Наверное... наверное, оттуда открывается прекрасный вид, — вежливо заметила она.

Мистер Трежантиль, занятый изучением карты, проигнорировал ее замечание.

— Он господствовал над всем Корнуоллом и, очевидно, был неприступен, — сказал он ей, несколько преувеличивая, что, правда, вполне простительно. — Смотрите, Амиот! Ручаюсь, у вас в Бретани нет ничего столь же прекрасного.

Амиот, бросив мимолетный взгляд на цель их экскурсии, сел на место. Он был слегка бледен. Это оттого, подумала с сочувствием Мэри, что он сидит не по ходу движения. Впрочем, скоро они доедут до места назначения и смогут выйти из кареты.

Они не пропустили поворот и указатель «Сент-Колумб». Свернув, кучер продолжал ехать, пока голос из кареты не приказал ему остановиться, а значит, завершился первый этап его испытаний.

— Одиннадцать тридцать. Отличное время! Поздравляю вас, Дингль! — крикнул его хозяин.

Кучер молча дотронулся до своей шляпы и продолжал сидеть в смиренной позе, в то время как Амиот помогал всем спуститься на землю.

— Не годится, сэр, — заметил Дингль похоронным тоном, — чтобы Капитан долго стоял. Он простудится — ведь он очень разгорячился, отмахав такой путь.

— Нет, нет, конечно. Доставайте скорее корзину с крышкой, Амиот, — мы поедим здесь, а Дингль пусть отправляется дальше. — Мистер Трежантиль, всегда немного робевший в присутствии своего кучера, суетился, раздавая указания. — Расстели пледы, вот так, Мэри, будет неразумно, если мы промокнем. Дингль, не теряйте ни минуты, поезжайте по тропинке направо, в долину, оставьте наши вещи у миссис Полвил в Тресаддерне, а потом отправляйтесь с лошадью и каретой в Сент-Колумб, как договорились. Заезжайте за нами в воскресенье, в половине девятого утра.

Через несколько минут кучер, с опущенной головой и сгорбленными плечами, исчез из поля зрения — вид у него был как у плакальщика, сопровождающего катафалк.

— А разве мы не можем поехать в замке? — спросил Джонни. — Совсем нетрудно все туда отнести. Пожалуйста, мистер Трежантиль!

После недолгих препирательств было достигнуто соглашение, и Амиот, взвалив на плечи пледы и корзину с провизией, возглавил шествие по тропинке, ведущей к земляному укреплению.

— Погодите, Амиот! — окликнул его мистер Трежантиль. — Я должен справиться по карте, где вход. Мы же не можем перепрыгивать через рвы, когда так нагружены.

— Вход справа, сэр, — ответил Амиот, — восточные ворота —

ближайшие от нас.

К великому удивлению мистера Трежантиля, он с уверенностью указал, куда идти, и поспешил в ту сторону.

— Весьма необычно, — пробормотал мистер Трежантиль. — Он же даже не взглянул на карту.

Когда мистер Трежантиль и Мэри добрались до вершины, Амиот с Джонни уже ждали их у внешней границы укрепления, и там действительно был вход, как и сказал Амиот. Они вышли на площадку, заросшую папоротником и дроком.

— Пришли, — сказал мистер Трежантиль, с удовольствием обозревая сцену. — Давайте распакуем корзину и поедим, а потом приступим к исследованию.

Но тут вмешался Амиот, все еще стоявший с корзиной на плече:

— Вон там, у северного крепостного вала, сэр, будет посуше.

Удивленная Мэри воззрилась на Амиота. Почему он употребил слова «крепостной вал» и откуда узнал, что там суше? Можно было подумать, что предки Амиота, а вовсе не мистера Трежантиля жили в Замке ан-Динас.

— Мы быстро разожжем костер и сможем вскипятить чайник, — продолжал Амиот. — Джонни, ступай направо — там пруд, вода в нем пригодна для питья. Овцы, которые тут пасутся, не загрязнили ее.

Это уже было любопытно. Казалось, Амиот взял на себя руководство экспедицией. Он говорил более четко, чем обычно, и тон у него был властный.

Несколько озадаченный, мистер Трежантиль последовал за Амиотом на указанное место, и там действительно было чрезвычайно сухо и можно было сидеть на гранитных плитах; а справа внизу был пруд, и Джонни уже спешил к нему с чайником в руке.

Опустив на землю корзину и пледы, Амиот застыл на месте, озираясь по сторонам.

— Динас, — произнес он словно бы про себя, — Динас...

— Вы правильно произносите, — похвалил мистер Трежантиль. — Динас — это «крепость на холме» по-корнуэльски.

— О нет, сэр, — возразил Амиот. — Это имя мужчины, и он — мой друг.

Мэри вдруг почувствовала себя неудобно. Одно дело, когда Амиот играет в такие игры с Джонни, но уж вовсе неуместно подшучивать над мистером Трежантилем. Отвернувшись, она начала собирать сучья для костра, чтобы скрыть свое смущение. Вскоре прибежал Джонни с чайником, полным воды.

— Она такая свежая! — закричал он. — Я попробовал!

— Естественно, — сказал Амиот, — ведь от нее зависит жизнь нескольких сотен людей и лошадей, а поблизости нет ни ручья, ни реки. Полезай на внутренний крепостной вал, Джонни, и посмотри, хорошо ли он укреплен на случай штурма.

Мистер Трежантиль был слегка задет. Амиота взяли с собой, чтобы переносить вещи, а вовсе не для того, чтобы он высказывал свое непросвещенное мнение о самом прекрасном земляном укреплении во всем Корнуолле. Это была прерогатива мистера Трежантиля.

— Вы должны знать, дети, — объявил он, не спуская глаз с Амиота, — что есть и другие крепости с таким названием. Две — на южном побережье, возле Сент-Энтони. Динас... Динан... Деннис... Все эти слова означают «крепость».

— А тот, кто обороняет крепость, служа великому королю, — правитель, — пояснил Амиот, и Джонни кивнул с улыбкой.

Мэри, которая залилась краской, усиленно угощала мистера Трежантиля мясным пирогом. Он сидел на пледе возле нее и в течение всего пикника адресовал свои замечания о конструкции крепостей на холме исключительно Мэри, которая не понимала ни слова. Позже, когда остатки ланча были собраны, салфетки сложены, а тлеющие угольки костра затоптаны, мистер Трежантиль устроился на верхней границе укрепления с картой и полевым биноклем, а Джонни, размахивая только что срезанной палкой как мечом, встал на посту неподалеку от него.

— Амиот, — сказала Мэри, когда он помогал ей завязывать корзину, — не очень-то вежливо с твоей стороны подтрунивать над мистером Трежантилем.

Амиот посмотрел на нее с изумлением.

— Я над ним подтрунивал? — повторил он. — Если так и вышло, то я сделал это ненамеренно, и мне очень жаль.

Они закончили сборы в молчании. Было очень тихо; это была не такая тишина, подумалось Мэри, как в лесах у нее дома или на берегу реки. Здесь, высоко на холме, казалось, что она, и Амиот, и мистер Трежантиль, и Джонни вторглись на какую-то запретную территорию. Эти большие валы выглядели предательски, а круглая площадка походила из-за них на тюрьму. Она подумала, что не может быть ничего страшнее, чем вывихнуть ногу и лежать здесь в одиночестве, глядя на небо.

— Интересно, что за люди здесь жили? — обратилась она к Амиоту.

Он не ответил, и, взглянув на него, она увидела, что он снова бледен, как в карете, а глаза подернуты печалью.

— Это были грубые люди, — ответил он, — но все они — мои друзья, а самый мудрый и лучший — Динас, который принес меня сюда умирать. Вон там — мощеная дорожка, заросшая травой, под западными воротами, и она скакала верхом тем путем, когда Динас привел ее ко мне.

Потом он внезапно вскочил на ноги и помахал Джонни рукой:

— Иди сюда! Я буду оборонять крепость, а ты — штурмовать.

Значит, это все-таки игра, в которую они играют вдвоем, детские фантазии. Однако когда Мэри стояла, наблюдая за ними, ее без всяких видимых причин охватила тревога.

Вскоре они набегались и, смеясь и задыхаясь, упали на папоротник рядом с мистером Трежантилем. Бросив Джонни предостерегающий взгляд, Амиот почтительно попросил главу их экспедиции провести экскурсию по земляному укреплению.

Позже, после полудня, когда похолодало, мистер Трежантиль решил, что пора спускаться в долину и зайти в Тресаддерн-Фарм, где их ждали комнаты. Пройдя через западный вход, они начали спускаться по склону. Мэри, замыкавшая шествие, остановилась, чтобы дотронуться до травы. Амиот был прав: тут действительно когда-то была мощеная дорожка. Она нащупала камни.

В долине, под защитой группы деревьев, стоял уютный серый фермерский дом, где Мэри сразу же вспомнила все звуки и запахи, которые остались позади, в Лантиэне. Толстая свинья хрюкала в грязи, молодые индюки бегали по навозной куче, а широкобедрая миссис Полвил с улыбкой ждала их на пороге, чтобы поприветствовать. При виде гостей она низко присела в реверансе, заявив скрипучим голосом — так с ней бывало от волнения, — что для нее величайшая честь принимать под своей скромной крышей такого знатного джентльмена, как мистер Трежантиль, который привез сюда и свою чудесную семью, — ну разве самый старший сынок не копия отца?! Этот комплимент был явно неудачен, хотя и произнесен с наилучшими намерениями. Мистер Трежантиль, который был в то утро на ногах с семи часов, почувствовал раздражение.

— Вы заблуждаетесь, добрая женщина, — ответил он. — Эти мальчик и девочка — дети моего соседа, фермера, а это — его помощник, француз. А что это тут, телеграмма?

Миссис Полвил рассыпалась в извинениях и, делая реверанс при каждом слове, подала ему на серебряном подносе телеграмму от доктора Карфэкса.

— Есть еще и письмо, сэр, — сообщила она голосом, звенящим от волнения. — Должно быть, оно для иностранного джентльмена — для

мистера Тристана, я думаю.

Она поспешно достала еще один поднос, и конверт, на котором четким почерком Линнет был написан адрес, с реверансом был передан изумленному Амиоту. Мистер Трежантиль, занятый телеграммой, повернулся к ним спиной. Джонни, позабыв о хороших манерах, уже направился в кухню. Амиот, бросив быстрый взгляд на конверт, сунул письмо в карман.

Мэри охватили мрачные предчувствия. «Это от миссис Льюворт, — подумала она. — Вот почему он не сказал ни слова». День, так чудесно начавшийся, был внезапно испорчен. Медленно, с тяжелым сердцем она поплелась в светлую гостиную.

ГЛАВА 26 Доктор Карфэкс выступает

Было сырое и туманное утро, когда в субботу доктор Карфэкс высадился на станции Рош в такое неудобное время, как половина восьмого. Он решил позавтракать в гостинице по соседству и разузнать, нельзя ли нанять экипаж, который довез бы его до Тресаддерна, в противном случае ему пришлось бы положиться лишь на свои собственные ноги. Такая перспектива его не очень страшила, так как ферма находилась всего в нескольких милях от станции, и если туман не сгустится и он не заблудится, то от прогулки у него даже прояснится в голове — он все еще не мог прийти в себя от рева паровоза, шипения пара и болтовни машиниста.

Поездка через долину Лаксилиэн, будь это летом, могла бы оказаться очень познавательной и даже приятной. Но топтаться на платформе Сент-Блейзи ранним утром, подняв воротник и сунув руки в карманы, а потом, с просьбой подвезти, рассказывать машинисту вымышленную историю о пациенте, которому срочно требуется помощь, маяться затем в кабине, где гуляют сквозняки и тебя то оглушает рев огня в топке и ослепляет вспышка, то чуть не сбивает с ног рывок паровоза, — нет, это вовсе не совпадало с представлением доктора Карфэкса о том, как наилучшим образом провести досуг. И тем не менее какое-то странное чувство, что он должен это сделать, которое возникло у него с той минуты, как он услышал, что Амиот Тристан участвует в экспедиции в Замок ан-Динас, а Линнет Льюворт тоже направляется в ту округу, заставило доктора покинуть свой дом ночью, по-воровски, и сесть на поезд. Ему еще не было до конца ясно, что именно он сделает, но одно было несомненно: нужно помешать Линнет встретиться с ее возлюбленным.

Накануне, после обеда, перед тем как поспать пару часов, он просмотрел массу заметок, составленных его пациентом Трежантилем, в результате чего еще больше встревожился. Трежантиль хорошо выполнил свое задание — слишком хорошо, чтобы Карфэкс мог оставаться спокоен. Его трудолюбивый пациент — по счастью, не ведавший о глубоком подтексте — составил резюме по каждой известной легенде, имевшей отношение к удивительной истории Тристана и Изольды, и ход событий, необычайно запутанных, имел чуть ли не сверхъестественное сходство с ходом нынешних, которые разворачивались на том же самом месте сейчас. Единственным возможным объяснением, казалось, была передача мыслей.

Он, Карфэкс, и бедный Ледрю, а потом и Трежантиль привели в движение эту ужасную силу, в то время как впечатлительный парень из Бретани и импульсивная молодая женщина, родившаяся в Замке Дор, явились медиумами по отношению к источнику энергии, который, если бы это подтвердилось, мог совершить революцию во всей концепции времени по отношению к бессознательному разуму. Если человек, стоявший на холме под звездами, мог настолько проникнуться духом места, что, помогая появиться на свет ребенку, вдохнул в него свое собственное чувство от произошедшей там когда-то трагедии, обрекая эту девочку на повторение истории, которая не была ее историей, — ну что же, в таком случае чем скорее он оставит частную практику, тем лучше, да и его коллеги тоже. Пусть девочки рождаются в больницах и, когда вырастут, становятся медсестрами, что будет очень хорошо для страны. Если бы только бедный Ледрю был сейчас жив, каким прекрасным *compagnon de voyage*^[42] он был бы в этом путешествии!

Воспоминание о последнем вечере, который они провели вместе, последовавшее сразу же за чтением заметок Трежантиля, заставило доктора Карфэкса еще более беспокойно заерзать в кресле.

Конечно, это был сердечный приступ — ведь он сам производил вскрытие; и тем не менее — как это поэт Беруль назвал напиток, который Изольда дала своему возлюбленному, а потом выпила сама? Он искал в записях... а, вот оно: *lovendrants*. Трежантиль приписал рядом: «любовное зелье, на древнеанглийском». В тот вечер, год тому назад, в «Розе и якор» Линнет Льюворт угостила их странным напитком. Если бы у нее еще осталась та бутылочка, то химический анализ мог бы показать... Что за вздор! Он дал волю воображению, а это опасно. Однажды он уже разыграл из себя дурака в Замке Дор и больше не собирается это делать. Любопытно, что Беруль не довел свою историю до конца, и Готфрид Страсбургский тоже: она обрывается как раз после того, как любовники расстались, и Тристан в Бретани пытался найти утешение, женившись на сестре своего друга Каэрдина. Только в одном манускрипте и во французском романе в прозе все кончается иначе: Марк ранит Тристана, и тот умирает в крепости своего друга Динаса. Вряд ли теперь кто-нибудь сможет определить, какая из легенд верна. Но, несомненно, ради душевного спокойствия было бы лучше, если бы молодого Амиота Тристана, бессознательно участвовавшего в борьбе, которой он не понимал, можно было посадить на корабль и отправить на родину, где он нашел бы себе невесту. Доктор Карфэкс, уставший разбирать небрежный почерк своего пациента Трежантиля, снял очки, отложил бумаги и, зевнув, отправился поспать,

сколько удастся, пока не придет время двинуться в путь просто в немыслимо ранний час. Ну а сейчас, уже на следующий день, завтракая яичницей с беконом в гостинице в Роше, он вспомнил, что Трежантиль как будто пребывал в волнении по поводу сделанного им открытия, что корнуэльский король Хоэль, а вовсе не герцог Джовелин из Бретани был отцом молодого Каэрдина и невесты Тристана, Изольды Белорукой, тезки королевы. А это доказывало, что Тристан, расставшись с королевой, вовсе не пересекал море, а просто перебрался из одного корнуэльского королевства в другое.

Ну что же, это не имеет особого значения. Доктор Карфэкс попросил счет и узнал, не особенно удивившись, что найти для него экипаж будет не так уж легко. Мясник в Роше отправится объезжать своих клиентов ровно в десять и ни минутой раньше. Итак, доктор решил идти пешком.

Прошло немало лет с тех пор, как он путешествовал в этих краях. Как много тут понастроили, на юге, именно в той местности, где фарфоровая глина! Деревушки, состоявшие всего из пары хижин, теперь разрослись, превратившись в большие уродливые деревни. И повсюду над ними возвышались белые глиняные пики, напоминавшие причудливые горные цепи, окруженные вереском. Здесь поистине воплотились в жизнь *Blanche Lande* Тристана — «белесые ланды»: глубокие озера рядом с пиками, река Пар; даже сама река Фэл у своих истоков была теперь белой от мела.

Если Мона описала все правильно, то Тресаддерн должен находиться западнее Замка ан-Динас; столб с надписью у поворота к Сент-Колумбу должен указать дорогу. Когда доктор выступил из Роша, туман рассеялся, а теперь снова сгустился. Ключья тумана, проплывавшие перед доктором на расстоянии пятидесяти ярдов, не позволяли рассмотреть пейзаж по обе стороны дороги. Конечно, когда-то здесь были вересковые пустоши, простиравшиеся от Дартмура за реку Тамар к этому нагорью, образуящему позвоночник всего Корнуолла; остальная же территория была покрыта бескрайними лесами. Вряд ли этот край подходил для безупречных рыцарей и джентльменов. Зато какая охота среди вереска и гранита! И дикие набеги за добычей на берег реки! Сигнальный огонь, зажженный сенешалем Динасом здесь, в его крепости, для своего сюзерена, короля Марка, в замке Дор, должен был предупреждать того о надвигающейся опасности.

Замок ан-Динас... Замок Дор... Когда-то их бастионы были полны людей, державших в подчинении весь этот край, — теперь они спят под могильными холмиками, поросшими травой, под мирным небом. Доктор Карфэкс свернул с большой дороги у поворота на Сент-Колумб и вскоре,

миновав несколько домиков, увидел, что справа от него возвышенность, и, несмотря на туман, интуитивно понял: наверху — крепость. Если бы утро было ясным и он бы так не спешил, приятно было бы побродить там, на вершине, и сравнить Замок ан-Динас с Замком Дор, который был гораздо меньше. Но нужно было продолжать путь; оставив позади старый оловянный рудник и одолев еще полмили, доктор наконец добрался до долины, а там уж и до Тресаддерн-Фарм.

Трежантиль выбрал совсем неплохое место для своего родового имения. Стена, окружавшая фруктовый сад, простояла явно не один век, а сам фермерский дом в былые времена был манором, в котором хватало места и для сеньора, и для его семьи, и для многочисленных слуг. Сестра Моны неплохо устроилась: ее уютное жилище было расположено в долине, защищенной от ветра и непогоды.

Должно быть, вся компания была уже на ногах: занавеси были раздвинуты, окна открыты, и юный Джонни Бозанко бежал через садик перед домом к калитке, а за ним по пятам следовал щенок колли.

— Салют, доктор! — закричал Джонни. — Мы ожидали вас не раньше полудня, а мистер Трежантиль сказал, что, если будет туман, вы вообще не приедете.

Он отпер калитку, и щенок начал прыгать вокруг незнакомца, пытаясь поставить на него лапы.

— Ну что же, Джонни, значит, мистер Трежантиль ошибся, — ответил доктор. — Так случилось, что я доехал довольно быстро. Вы давно позавтракали?

— Да, давно, — сказал Джонни, — я уже снова проголодался. Миссис Полвил говорит, это все из-за воздуха. Вам бы лучше войти в дом, сэр, а то тут сыро, и подождать там, пока вернется мистер Трежантиль.

Доктор Карфэкс остановился на пороге.

— Вернется? — переспросил он. — А куда это он ушел?

— В Сент-Колумб, — ответил мальчик, — каких-нибудь четверть часа назад, а с ним Амиот и Мэри. Они втроем отправились в Сент-Колумб взглянуть на церковь, поскольку мистер Трежантиль думает, что там похоронены его предки. Осторожно, сэр, здесь ступенька. В гостиной горит огонь в камине, а вот и миссис Полвил, которая хочет вас поприветствовать.

Доктор Карфэкс, памятуя о том, что с сестрой его экономки нужно быть любезным, церемонным жестом снял шляпу. И хотя он был рад огню, пылавшему в камине гостиной, и креслу, и чашке чая с пирогом, которым потчевала его миссис Полвил, но вполне мог бы обойтись без истории их с

Моной жизни, которую, естественно, уже не раз слышал прежде. Миссис Полвил трещала без умолку, делая реверансы, жестикулируя и порой отклоняясь от темы — например, чтобы рассказать об операциях, которые перенес ее муж за последние несколько лет. Гость вежливо кивал, время от времени вставляя какое-нибудь замечание и радуясь, что сомнительный интерес к надгробиям Трежантилей — если они существовали — продержит Амиота Тристана рядом с Трежантилем в церкви Сент-Колумб все утро.

Запах пригоревшего жира, заставивший миссис Полвил посетовать на то, как летит время, вынудил ее вернуться к обязанностям на кухне, и гость издал вздох облегчения и расслабился, чтобы закурить свою первую трубку после завтрака в Роше.

— Итак, — обратился он между затяжками к Джонни, — ты не захотел пойти в церковь. Отчего же?

— Потому что там скучно, — не задумываясь ответил Джонни. — И я думаю, что у мистера Трежантиля нет никаких предков. А что касается Замка ан-Динас, то Амиот знал об этом больше, чем он.

— Надо полагать, — хмыкнул доктор. — А что именно знал Амиот?

Джонни, который пощупал карманы пальто доктора, чтобы убедиться, что у него там, как обычно, коробочка с леденцами от кашля, был разочарован.

— Ну, во-первых, он знал, где вход, — ответил мальчик, — и где пруд с питьевой водой, и показал, где обычно паслись лошади, если Динасу не надо было вскакивать в седло.

Доктор Карфэкс снова хмыкнул и подмигнул мальчику.

— Динас? — осторожно повторил он. — Я думал, это название замка...

— Может, и так, — пожал плечами Джонни, — но так же звали и его владельца, который служил королю. К слову, о королях — у меня был один такой предок, и у Мэри тоже. Мистер Трежантиль нашел их в книге.

— Не болтай глупости, — возразил доктор.

— Но это же правда, сэр, честное слово. Его звали король Хоэль, и жил он в Кархэйзе, много лет тому назад. А папа ничего про это не знал — только что бабушка была мисс Хоэль до того, как стала Бозанко. У нас есть двоюродные дедушки и бабушки, которые все еще живут там, между Портлоу и заливом Герран.

Доктор Карфэкс застонал. О господи, что еще замышляет этот Трежантиль? Хоэль и Бозанко! Как будто вся эта ситуация и без того недостаточно запутана, надо еще втягивать в нее и бедного Бозанко!

— На твоём месте, — заметил он раздраженно, — я бы очень скептически отнесся к тому, что говорит мистер Трежантиль.

— Да, сэр, — согласился Джонни. — Возможно, он преувеличивает насчет королей, но отец говорит, что было несколько поколений Хоэлей. Это от одного из терьеров нашего двоюродного дедушки у нас родился Пти-Крю.

— Кто у вас родился?! — переспросил пораженный доктор.

— Ну, самый маленький щенок в мире, которого любил Амиот. У него на шее колокольчик, и его совсем избаловали. Он живет у миссис Льюорн.

Доктор Карфэкс, не отрывавший взгляда от огня в камине, даже не заметил, как мальчик, насвистывая, выбежал из комнаты. Через несколько часов — по крайней мере, так ему показалось — он слышал шум колес экипажа и, выйдя из глубокой задумчивости, в которую его ненамеренно погрузили, поднялся с кресла и подошел к окну. Перед домом остановилась четырехместная карета, и из нее как раз выходил взволнованный Трежантиль — он был один.

Мрачнее тучи, Карфэкс шагнул к дверям и встретил своего пациента на пороге.

— Где Амиот? — спросил он.

Мистер Трежантиль, с перышком грача на шляпе, был явно обижен.

— Он от меня улизнул, — дрожащим от волнения голосом ответил он. — И Мэри тоже. Я находился в темном углу церкви, разбирая надпись на надгробии — к сожалению, не Трежантиля, их там совсем нет, меня ввели в заблуждение, — как вдруг Мэри воскликнула: «Амиот ушел, я его догоню!» — и не успел я дойти до входа, как они исчезли. Я искал повсюду, расспрашивал прохожих, но оба как в воду канули. Я пришел к выводу, что лучше всего забрать Дингля с каретой, надеясь, что они встретятся нам по дороге. Но мы не видели ни того, ни другого. Нам бы лучше немедленно возвратиться в Сент-Колумб.

Доктор Карфэкс, оглядевшись, увидел, что туман снова сгущается, плотно окутывая деревья возле Тресаддерн-Фарм.

— Бесплезное путешествие, — возразил он угрюмо. — Можем не тратить силы понапрасну.

— Но почему же, ради бога?! Где же еще они могут быть? — спросил мистер Трежантиль.

Доктор, посмотрев на юного Джонни — этот побег древа исчезнувших Хоэлей, — который маршировал взад и вперед перед старым амбаром, вскинув на плечо палку, заменяющую ему меч, и не замечая на себе взглядов взрослых, вдруг повернулся к своему пациенту и втолкнул его в

дом.

— Они не в вашем мире, Трежантиль, и не в моем, — ответил Карфэкс, — а в какой-то стране погребенных королей и влюбленных. Возможно, на дороге, ведущей к «Индийской королеве». Пойдемте поедим, поскольку нам, вероятно, предстоит долгий путь.

ГЛАВА 27 «Давайте же ее перехитрим...»

*Давайте же ее перехитрим —
И тем несчастье мы предупредим.*

Накануне вечером, перед тем как Линнет Льюорн и ее муж должны были отправиться в свое двухдневное путешествие, в обычное время закрыли бар, заперли ставни, и хозяин гостиницы и его жена поднялись наверх, чтобы улечься спать. Дебора Бранжъен, дождавшись, когда часы на церкви пробьют одиннадцать и все стихнет, прокралась по коридору к комнате хозяина и тихонько постучала в дверь.

Хриплый голос пригласил ее войти. Марк Льюорн, сгорбившись, сидел на краю большой кровати, еще не раздетый. Зажженная свеча отбрасывала на стену за его спиной огромную страшную тень.

— Что случилось? — спросил он. — Заболела твоя госпожа?

Дебора покачала головой, призывая его к молчанию, потом закрыла за собой дверь.

— Нет, сэр, — шепотом ответила она, — но мне нужно с вами поговорить, и другого шанса может не быть.

Хозяин гостиницы взглянул на нее сердито.

— Не так уж это срочно, чтобы беспокоить меня в постели, — пробурчал он. — Ну, так в чем же дело? Давай, выкладывай.

Поставив свечу, Дебора скрестила руки на груди.

— Вы должны знать, что моя госпожа вас обманула, и уже давно обманывает, — сказала она.

Марк Льюорн хотел было приподняться — кровать под ним скрипнула. Но он снова тяжело опустился на прежнее место и потянулся за стаканом виски, стоявшим рядом.

— Мне не нужны эти сплетни, — резко ответил он. — Довольно я их наслушался от Неда. Так что можешь не стараться.

Он проглотил виски и дрожащей рукой поставил стакан на столик.

— Я говорю это ради нее, а не ради вас, — сказала Дебора. — У нее здесь хороший дом и все, что ей нужно, а вы — богатый человек и умрете, оставив ей все. И этого не так уж долго ждать, если вы будете продолжать в том же духе. Злитесь сколько угодно, мне все равно. Когда вас не будет, она может поступать как ей заблагорассудится. Но сбежать сейчас с работником с фермы, у которого нет ни пенни, да еще с иностранцем, которого чуть не

посадили в тюрьму, — это значит навсегда загубить свою жизнь, а также вашу и мою.

Хозяин гостиницы уставился на служанку не мигая. Несмотря на выпитое виски, в голове у него, как ни странно, прояснилось.

— Значит, это правда, — медленно произнес он. — Этот бретонский парень... Нед клялся, что это он, а я не верил. Они встречались и целовались при луне, но это было летом. Но его же несколько недель держали взаперти в ожидании суда, не так ли? А теперь он снова у Бозанко и тот поручился за его хорошее поведение?

— Это так, — кивнула Дебора, — но ничто не удержит их от того, чтобы сбежать, как только они встретятся. Хозяйка написала ему два дня назад — я сама отправляла письмо. Не в Лантиэн — там его нет. Он уехал вместе с детьми Бозанко на ферму под названием Тресаддерн, всего в нескольких милях от «Индийской королевы». Теперь вы понимаете, почему ей так загорелось ехать с вами? Она делает это не из-за обеда, не из-за вашего приятного общества, а из-за его красивых глаз и чтобы не упустить возможность удрать.

Дебора щелкнула пальцами, и этот жест разрушил все надежды и мечты хозяина гостиницы, которые он, несмотря на свои опасения, лелеял последние месяцы. Они исчезли, эти двое любовников, презрев чувство долга, просто сели на корабль и навеки уплыли из его жизни, безвозвратно, Линнет и бретонский парень, — от одного щелчка пальцев Деборы.

— Я ее разбужу, — сказал он. — Я пойду и разбужу ее сейчас и предъявлю ей обвинение.

— Нет, — поспешно возразила Дебора, — так вам ее не остановить, она еще больше взбесится. Послушайте-ка, что я вам скажу...

Она придвинулась поближе, понизив голос до шепота, и теперь их две тени слились на стене в одну — огромную, нелепую, угрожающую.

Никогда, подумал Марк Льюорн, отправляясь вместе с женой на следующий день в Сент-Остелл, в ландо, с Тимом Уди на козлах, не была Линнет такой красивой, и никогда за два года их супружеской жизни не была она такой беззаботной и веселой.

Она даже улыбнулась Неду Варкоу, которого так презирала, и наказала ему присматривать за гостиницей, чтобы та не сгорела в их отсутствие, а потом поцеловала в головку собачку, которая была не больше мужского кулака, препоручив ее заботам Деборы и дав указание кормить тушеным кроликом. «Ты сама можешь есть холодное мясо, — сказала она, — но Пти-Крю должен получать только самое лучшее». С этими словами она уселась

в экипаж, как королева. Руки ее были засунуты в теплую муфту, а синее пальто очень подходило к цвету ее глаз.

Они остановились в «Белом олене», и Линнет настояла на том, чтобы муж отправился с нею за покупками и купил ей перчатки и новую шляпку — самую кокетливую шляпку, какую только можно себе представить, из бархата, с лентой. Выбирая шляпку, она шутила с продавцом, объявив, что наденет ее на обед, потому что именно она, и никто другой, индийская королева. Они вышли из магазина, Линнет — в новой шляпке, взяв мужа под руку. «Несомненно, — подумал Марк Льюорн, — она околдовала не только меня, но и весь город». Все пожирали ее глазами и оглядывались в восхищении, а его знакомый, хозяин «Белого оленя», обращался с ней как с особой королевской крови, а не как с женой своего собрата.

«Это не может быть правдой, — сказал себе Марк Льюорн, когда она подняла за него тост за обедом, — не может быть правдой то, что сказала Дебора, Линнет не собирается меня обманывать. Ни одна женщина, совесть которой отягощена ложью, не может вести себя так естественно и смотреть прямо в глаза».

— Мне просто нужно отдохнуть, — сказала Линнет мужу. — Мне так давно хотелось подышать другим воздухом. Я уже чувствую себя совсем иначе. — И она впервые за много месяцев не увернулась от его объятий, когда им пришлось делить комнату, предоставленную в их распоряжение.

Она спала рядом с ним, как невинное дитя, — она, которая слишком долго захлопывала дверь перед его носом, когда он осмеливался к ней приблизиться, или даже запиралась, чтобы оскорбить его еще больше. А что, если это ревность и злость довели Дебору до того, что она наговорила на свою госпожу? Женщины такое делают, хлебнув немного спиртного. Он совершенно точно знает, что Линнет никуда не выезжала верхом и с августа не посещала Лантиэн. Почти все свое время она проводила, сидя в большой комнате для гостей с этой смешной собачонкой на коленях, — правда, холодная и надутая, но, быть может, это было по той самой причине, о которой она ему сказала: ей просто нужно было сменить обстановку.

«Посмотрим, что принесет нам утро, — решил ее муж, прежде чем забыться тревожным сном. — Если она будет все такая же милая и любящая и поведет себя так же, когда мы закончим наше путешествие, — значит, Дебора лгуня, и чем скорее она будет уволена, тем лучше для нас обоих».

Утро принесло туман, и холодный влажный воздух просочился в окно, когда Линнет, пробудившаяся первой, распахнула его. Она торопливо оделась и уже застегивала платье, когда ее муж открыл глаза.

— Что за спешка? — пробормотал он. — У нас же целый день впереди, не правда ли?

Его жена, которая так и льнула к нему в полночь, сегодня даже не соблаговолила удостоить его взглядом.

— Солнце нас покинуло, — ответила она. — Лучше поскорее отправиться в путь, чтобы непогода не испортила мою шляпку.

И тогда он понял, в чем дело. В такую погоду те, кто в здравом уме, остаются в городе. Он зевнул и потянулся.

— Здесь нам будет уютнее, — заметил он, не спуская с нее глаз. — Посвятим еще один день покупкам и поедем домой, не заезжая в «Индийскую королеву».

Она немного помолчала, занимаясь своими волосами, затем приблизилась к кровати.

— Стыдитесь, Марк Льюорн, — сказала она, сдергивая с него простыни, — испугаться небольшого тумана! Да на возвышенности будет достаточно ясно! Все ваши друзья соберутся в «Индийской королеве», а хозяин «Розы и якоря» боится нос высунуть из дома.

Настроение у него испортилось, но вовсе не из-за погоды, а из-за холодного взгляда Линнет и ее решительно вздернутого подбородка. Должно быть, велик соблазн, если она готова мчаться за девять миль при сомнительной погоде в богом забытую дыру где-то в краю фарфоровой глины. Когда они спустились вниз, одетые по-дорожному и готовые сесть в экипаж, хозяин «Белого оленя» уставился на них в изумлении.

— Вы же не поедете в такой туман?! — воскликнул он. — Да вокруг Сент-Дениса он будет плотный, как одеяло! Я сам решил не ехать, как только открыл ставни. Говорю вам, Льюорн, вы обнаружите, что обед отменили. Никто не поедет из Бодмина в Труро в такую погоду.

Льюорн взглянул на жену: интересно, как она отреагирует? Линнет, не улыбаясь в это утро, холодно произнесла:

— Благодарю за совет, но мы его не примем. Не так уж часто у нас с мужем бывают свободные дни. Если мы заблудимся в тумане, то просто съедем на обочину и будем там тихонько сидеть. Мистеру Льюорну не придется об этом сожалеть.

При этих словах хозяин «Белого оленя» разразился хохотом и хлопнул своего приятеля по плечу.

— Да уж, я бы на его месте тоже не сожалел, — вымолвил он, отсмеявшись. — Уж если обед состоится, мэм, то вашему мужу присутствующие будут завидовать больше всех.

«Возможно, — подумал Марк Льюорн, — возможно. Но только в том

случае, если женщина, которую я прошлой ночью держал в объятиях, принадлежит мне одному». А при утреннем свете это представлялось ему сомнительным.

— Н-ну, пошли! — крикнул Тим Уди, предвкушая бесплатную выпивку, которой можно будет наслаждаться пару вечеров на свободе, вдали от сварливой жены, и погнал лошадей.

Он даже надеялся, что унылый путь в несколько миль, который предстояло проделать, прежде чем они доберутся до следующего гостеприимного местечка, только усилит жажду. Он, как и Линнет, рассчитывал, что погода улучшится. Но одно дело взбираться в гору, к Сент-Денису, в край фарфоровой глины, чудесным утром, когда хорошо видны все придорожные знаки, и совсем другое — проделать тот же путь в сгущающемся тумане, когда кажется, что дорога разветвляется во всех направлениях сразу. Действительно ли они едут по дороге к Сент-Денису? А может, удаляются от нее к голым холмам? Лошади тащились вперед, Тим Уди озирался по сторонам, ругаясь по поводу того, что так мало указательных столбов, а Марк Льюорн в это время молча сидел в экипаже, наблюдая, как беспокойно подергивались в муфте руки жены.

— Он пропустил нужную дорогу, — причитала она, — говорю вам, этот дурак пропустил дорогу.

— Ну что ж такого, — ответил ей муж, — мы всегда можем повернуть назад.

Не произнеся ни слова в ответ, она лишь нетерпеливо притоптывала ножкой. Теперь Линнет несколько не походила на ту улыбчивую, приветливую жену, какой была вчера. И на сердце у него было тяжело.

Время приближалось к полудню, когда, выглянув из окна ландо, Марк Льюорн различил слева от них реку.

— Наверное, это Фэл! — воскликнул он. — В таком случае мы отклонились от курса на несколько миль и вполне можем отказаться от своей затеи.

— О боже! — вскричала Линнет. — И вы сидите тут, как идиот?! Выйдите и наведите справки — вон там, среди деревьев, дом.

Льюорну пришлось отправиться к указанному дому и постучать в дверь; по возвращении он сообщил Линнет, что это действительно Фэл. После того как они свернули с дороги на Сент-Денис, они проехали уже несколько миль и, таким образом, сделали крюк. Однако дорога, по которой они следуют сейчас, должна в конце концов привести в нужное место.

— В конце концов?! — воскликнула Линнет. — И когда же это — «в конце концов»?

— Ну, от половины первого до двух, — ответил Льюворт, — в зависимости от того, как Тим справится с лошадьми и если экипаж сможет протиснуться между живыми изгородями. У нас будет достаточно времени, чтобы отдохнуть и переодеться к обеду, который назначен на пять.

— Обед! — Линнет резко откинулась назад. — Да подавитесь вы этим обедом — вы и все остальные, потому что я на него не пойду!

Итак, Дебора оказалась права. Накануне жена была веселой лишь для отвода глаз или, что еще хуже, в предвкушении предстоящего завтрашнего дня, а сладостная ночь — всего лишь грязный обман. Он нащупал в кармане пузырек, который дала ему Дебора, и крепко сжал его.

Было почти два часа дня, когда экипаж свернул с окольной тропинки на большую дорогу и наконец остановился перед «Индийской королевой». Туман был все такой же густой, вдобавок моросил мелкий дождь. Возле гостиницы не было ни одного экипажа, а над закрытой дверью раскачивалась кричащая вывеска — свежая краска стекала с лица черноволосой красавицы.

— Недоставало только, — заметила Линнет, не двигаясь с места, — чтобы гостиница была заперта и все куда-то исчезли.

Но в окне тут же показалось чье-то лицо, и к тому времени, когда Марк Льюворт вылез из экипажа, дверь гостиницы распахнулась и на пороге, разинув от изумления рот, появился хозяин, Билл Хекст.

— Черт меня возьми, — воскликнул он, — если это не Марк Льюворт! Пока что вы оказались единственным смельчаком! Может быть, заедет еще кто-нибудь, и мы все-таки повеселимся. Входите же, входите, и ваша добрая леди тоже!

Линнет, как только вошла и огляделась, сразу увидела, что обстановка тут сильно отличается от ее безукоризненно чистой гостиницы в Трое. Это была всего-навсего захудалая придорожная гостиница с низким потолком, почерневшими от копоти балками и длинным столом на козлах. Стол был сервирован на двенадцать персон или немного больше — стаканы, вилки и ножи были совсем простые и не очень чистые. В комнате уже стоял запах эля и табака. Хозяин в жилетке, ухмыляясь, почесывал голову; судя по несвежему белью, у него не было жены, которая бы о нем позаботилась.

— У вас не будет недостатка в компании, мои дорогие, — сказал он. — Даже если никто не потащится сюда за десять миль, все равно обязательно кто-нибудь случайно забредет, да еще зайдут шахтеры, и мы славно проведем вечер. У меня зажарено пол-овцы — не пропадать же ей.

Он уже совал в руки гостям стаканы, предварительно согнав кошку с теплого местечка у очага.

— Садитесь, моя дорогая, садитесь, — упрашивал он Линнет. — Сбрасывайте туфли, если хотите, — кошка вас не поцарапает.

Марк Льюорн с тревогой наблюдал за своей исполненной презрения женой. Сейчас из-за какой-нибудь мелочи его план может полететь к чертям. Или, скорее, план Деборы.

— Полстакана сидра для миссис, пожалуйста, Билл, — попросил он. — Она не притрагивается к спиртному. — И добавил, слегка понизив голос, как будто обращался только к хозяину: — По правде говоря, она раздосадована непогодой, так как собиралась прогуляться по округе.

Билл Хекст тяжелой походкой направился к бару и протянул руку к бочонку с сидром.

— Прогуляться? — рассмеялся он. — Ну что ж, сегодня ей гулять не придется, если только она не хочет заблудиться на вересковой пустоши Госс. Дайте ей это, а я скажу вашему парню, где поставить лошадей. Наверху есть комната для вас двоих, белье проветрено — я сам присматривал за этим сегодня утром.

Марк Льюорн, повернувшись спиной к Линнет, которая, презрев предложение усесться у очага, стоя грела руки у огня, влил в стакан с сидром несколько капель из пузырька, который хранил в тайне. Когда Билл Хекст вышел из дома, окликаая Тима Уди, Льюорн отнес стакан Линнет.

— Выпейте это, — сказал он со странной, грубоватой нежностью. — Я не меньше вашего раздосадован, что день испорчен.

Она приняла у него стакан и, к удивлению и облегчению Льюорна, выпила сидр залпом.

— Мне уже лучше, — сказала она. — Сидр у вашего приятеля хороший — в отличие от всего остального. Я все же прогуляюсь.

Муж ничего не ответил — он с любопытством наблюдал за ней.

Через несколько минут вернулся Билл Хекст, захлопнув за собой дверь.

— Черт побери! — воскликнул он. — Придется дать им сигнал рожком — ничего иного не остается.

Он снял с гвоздя старый медный рожок и поднес к губам.

— О нет, ради бога! — вскричала Линнет, уронив муфту и прикрывая уши ладонями. — Дуйте в него после обеда, если вам угодно, но не сейчас. Где находится Замок ан-Динас, мистер Хекст, и далеко ли до него отсюда?

Хозяин «Индийской королевы», вытирая мундштук рожка о свой рукав, с удивлением посмотрел на свою гостью.

— Около трех миль, если идти напрямик, — ответил он, — но если вы хотели гулять именно там, то вам никогда не найти это место. Там не на что

смотреть даже при хорошей погоде. Всего-навсего холм, а вокруг него — канавы.

Линнет с минуту постояла в нерешительности, глядя на дверь.

— Покажите мне дорогу, — попросила она. — Мне не важно, далеко ли это. Покажите мне дорогу.

Но теперь она говорила как-то нечетко, а сделав шаг к дверям, споткнулась.

— Я должна туда пойти, — сказала она. — Мне нужно туда пойти.

И тут она потеряла равновесие. Муж подхватил ее и, взяв на руки, произнес запинаясь:

— Ей, кажется, немного не по себе. Вы же знаете, как это бывает. Можно мне отнести ее наверх?

Лицо его выражало смущение.

Ошеломленный хозяин кивнул.

— Ну конечно, — ответил он. — Но вдруг лишиться чувств, вот так, сразу? Уж не ожидается ли у вас прибавления в семействе?

Марк Льюорн ничего не ответил. Подобный вопрос ему никогда не задавали, но в эту минуту он ощутил и горечь и сладость одновременно. Пусть Билл Хекст думает что ему угодно и скажет то же самое компании, когда она приедет. Положив Линнет на кровать в маленькой пустой комнате над баром, он с нежностью прикрыл ее грубым серым одеялом.

Потом повернул ключ в замке и, спустившись по лестнице вниз, присоединился к хозяину.

ГЛАВА 28 «Индийская королева»

Когда Мэри, оглянувшись через плечо в церкви Сент-Колумб, увидела, что с ними больше нет Амиота, она тотчас поняла: что-то не так. Она не стала терять время на его поиски в церкви и направилась прямо к дверям. Выйдя во двор, она увидела его удаляющуюся спину — он шел по узкой улице направо. Мэри инстинктивно почувствовала, что необходима осторожность: Амиот не должен знать, что она следует за ним. Амиот шагал уверенно, ни разу не оглянувшись. Вместо того чтобы свернуть налево, на тропинку, ведущую к Тресаддерн-Фарм, по которой они в то утро направились в город, он продолжал идти в гору, мимо магазинов и домов, и вскоре Сент-Колумб остался позади, а впереди не было ничего, кроме дороги. Мэри остановилась, потому что на столбе был указатель с надписью «Труро», который, как ей было известно, находился в противоположной от фермы стороне, на расстоянии не менее пятнадцати миль. Погода начала портиться, моросил мелкий дождик, а Амиот уже вошел в полосу тумана — скоро он совсем скроется из виду. Продолжать играть в шпионов было бессмысленно, и она побежала, окликая его по имени.

— Амиот! — кричала она. — Амиот, подожди меня!

Она увидела, что он повернулся и пристально вглядывается в нее. А когда она поравнялась с ним, он не улыбнулся ей, как обычно, а стоял, наблюдая за ней с каким-то странным и серьезным видом.

— Не сердись, — попросила она, чуть не плача. — Я увидела, что ты ушел из церкви, и решила последовать за тобой. Ведь что-то не так. Я почувствовала это, когда мы вчера приехали в Тресаддерн и тебе вручили письмо.

Он не сразу ей ответил, и голос у него был не такой, как у Амиота, которого она знала. Это был резкий голос незнакомца.

— Тебе лучше пойти обратно, — сказал он. — Ты ничего не можешь поделать.

Повернувшись, он снова зашагал вперед. Мэри бежала рядом с ним, стараясь не отстать. Наконец она схватила его за руку.

— Амиот, — произнесла она, и из глаз у нее полились слезы, — ты же обещал! Ты дал отцу слово! Ты не волен поступать, как тебе заблагорассудится.

Он попытался стряхнуть ее руку, и лицо его было бледным, пугающим

своей непривычной серьезностью.

— Я дал слово другому человеку, прежде чем дать слово твоему отцу, — ответил он. — Я делаю это не потому, что мне хочется, а потому что должен. Это сильнее меня, и тут ничего не поделаешь. Возвращайся, Мэри, а то я рассержусь.

— Нет, — рыдала она, — нет, я не уйду. Ты слишком дорог всем нам, и я не позволю тебя погубить.

И тогда он снова остановился, глядя на нее. Сент-Колумб растаял в тумане, а вокруг них простиралась голая, унылая земля. Потянув ее к обочине, он сказал:

— Ты мне тоже дорога, Мэри. И ты, и Джонни, и остальные... Даже бедный мистер Трежантиль, такой добрый. Но никто из вас теперь не сможет остановить меня.

— Это миссис Льюворт, не так ли? — спросила Мэри. — Вот почему ты сейчас убегаешь! Ты идешь на встречу с миссис Льюворт. Письмо было от нее.

— Зови ее так, если хочешь, — сказал Амиот. — Я никогда так ее не звал, да и вообще не называл никаким именем. Она мне дороже жизни — вот и все, что я знаю.

И тогда Мэри поняла: что бы она ни сказала, его не удержишь, он все равно пойдет к той женщине. Слова его звучали так, словно он уже был рядом с ней или в каком-то сне, и то, что он стоит сейчас на дороге, не имеет никакого значения, для него это не реальность. Но для девочки это было вполне реально. Инстинкт подсказывал ей, что с ним нужно быть твердой и хитрой, иначе она его потеряет.

— Да, Амиот, — сказала она, — я понимаю. Ты ее любишь, и для тебя не существует никого на всем свете, кроме нее. Я тебя не виню. Позволь мне пойти с тобой — пока ты ее не найдешь. Это все, о чем я тебя прошу.

Ей показалось, что она внезапно стала старой и мудрой, а он — маленький ребенок, младше Джонни, и его нужно защищать. Он не знает, что ему грозит опасность, и она должна это от него скрывать.

— Ей никогда не найти дорогу в таком тумане, вот что меня беспокоит, — сказал он, вглядываясь в густую завесу, уже скрывающую всё впереди. — Она смело отправится в путь, потом заблудится, и с ней случится беда. Вот почему я выбрал дорогу на Труро: она приведет меня к «Индийской королеве», тут нет и трех миль.

— К «Индийской королеве»?

— Да, это название гостиницы, где они остановились, — они приехали на какой-то обед. Она рассчитывала, что доберется туда до полудня, и

назначила мне свидание в Замке ан-Динас от часа до двух.

Мэри была поражена. Каким образом миссис Льюорн узнала, что Амиот будет в этих краях, и как у нее хватило наглости назначать встречу в замке, когда мистер Трежантиль отвечает за их компанию, а сама она находится здесь вместе с мужем?

— Если бы мы не пошли в Сент-Колумб и была хорошая погода, мы могли бы утром устроить в замке пикник, как вчера. Как бы ты объяснил ее присутствие мистеру Трежантилю? — спросила Мэри.

Он пожал плечами со странным безразличием, как будто подобная мысль не приходила ему в голову.

— Я бы вышел на дорогу ее встречать, точно так же, как делаю это сейчас, — ответил он. — Все бесполезно, Мэри, нас не остановишь, я тебе уже сказал. Если хочешь, пойдем со мной. Я больше не могу медлить.

Он снова зашагал вперед, и она вынуждена была приноравливаться к его шагу. В любом случае, подумала она, туман задержал путешественников, ехавших на обед, и если сам мистер Льюорн находится в «Индийской королеве», то миссис Льюорн, должно быть, не в своем уме, если попытается осуществить намеченный план. Несомненно, по мере приближения к гостинице Амиот осознает, что делает глупость, и согласится вернуться в Тресаддерн-Фарм.

Справа от них была тропинка, а вскоре они увидели еще одну, которая вела налево; но Амиот шел прямо, никуда не сворачивая, так как, по его словам, по этой большой дороге они в конце концов доберутся до перекрестка и, как только покажется какой-нибудь дом, он спросит, где «Индийская королева». Мэри, которая уже прошла пешком от Тресаддерна до Сент-Колумба, натерла ноги и сильно устала, да еще была и очень встревожена: что подумает мистер Трежантиль о них обоих? Не станет ли разыскивать их в Сент-Колумбе? А вдруг он вызовет полицию и Амиота схватят и снова посадят в тюрьму?

«Индийская королева»... «Индийская королева»... Она повторяла это название в такт своим шагам, и это было уже не название гостиницы, а сама миссис Льюорн, с фальшивой улыбкой манившая их, с драгоценностями на шее и в волосах.

Наконец они набрали на какие-то домишки, и в первом же из них Амиот спросил дорогу. И тут Мэри увидела, что он впервые за все утро улыбается и снова похож на того Амиота, которого она знала и любила.

— Теперь уже недалеко, — сообщил он. — Сейчас свернем налево, и эта дорога доведет нас до самой гостиницы. Женщина, к которой я обратился с вопросом, подумала, что я приглашен на обед, а я не стал ее

разуверять.

У Мэри сильно забилося сердце: что он собирается делать, когда они доберутся до «Индийской королевы»? Смело войдет и спросит миссис Льюорн — при ее муже и всей остальной компании?

Они свернули налево, как им подсказали, и вскоре вышли на большую дорогу. Тут они сразу же увидели впереди дом, который не мог быть ничем иным, кроме как «Индийской королевой». Однако какое красивое и внушительное название для такой скромной гостиницы, и как непохожа на миссис Льюорн королева, намалеванная на вывеске над порогом! В то время как Амиот и Мэри стояли, глядя на гостиницу, в которой, судя по всему, никого не было, они услышали стук колес, доносившийся из тумана справа от них, и голоса. Амиот поспешно потянул Мэри за собой в канаву, и они пригнулись там, поджидая, когда подъедет экипаж. Наконец из тумана вынырнула повозка, в которой было полно хохотающих и поющих мужчин, и остановилась перед гостиницей, подняв такой шум, что и мертвый бы проснулся.

— Они приехали на обед, — прошептала Мэри, — хотя еще только половина третьего; и мы не знаем, там ли миссис Льюорн.

Амиот сделал жест, призывавший ее к молчанию, и они продолжали наблюдать, как эти мужчины слезли с повозки, горлая во всю мощь своих легких. Затем дверь гостиницы отворилась, и оттуда донесся голос, приглашавший всех войти. Человек семь-восемь с хохотом ввалились в гостиницу. Кучер повернул лошадей и покатил по дороге обратно, в ту сторону, откуда прибыл, — возможно, нужно было доставить на обед остальных гостей. Цокот копыт постепенно замер вдали, и все снова стихло.

— Что ты собираешься теперь делать? — спросила Мэри.

Амиот взглянул на нее. Волосы его были влажны от тумана и моросившего дождя, лицо измазано в грязи. «Теперь он выглядит как настоящий бродяга, — подумала Мэри, — даже как вор; если он постучит в дверь, его не впустят».

— Подожди здесь, — сказал он. — Я посмотрю, есть ли за гостиницей конюшня. Если есть, то, наверное, лошади там, и их ландо тоже.

Он перешел через дорогу и исчез за углом дома. Какой одинокой и заброшенной она себя чувствовала, ожидая в канаве его возвращения! В окнах гостиницы еще не зажегся свет, и единственным признаком жизни был дым над трубой да поскрипывание вывески с индийской королевой, которая раскачивалась на петлях.

Вскоре появился Амиот. Он поманил ее пальцем, а когда она

присоединилась к нему, потянул под навес возле конюшни.

— Лошади там, и ландо тоже, — сообщил он. — Кучер в доме. Я видел его в окне, он сидит за столом — наверное, на кухне. У меня есть план, Мэри, положишься на меня.

Он снова улыбался, взгляд его выражал уверенность; как предположила Мэри, это оттого, что миссис Льюорн где-то поблизости и он верит, что скоро они будут вместе.

— Каков же этот план, Амиот?

— Я хочу, чтобы ты подождала на конюшне, возле лошадей, — ответил он. — Там на соломе тепло, и ты будешь в безопасности. Ты подождешь моего возвращения — не знаю, сколько времени я буду отсутствовать. Но сначала скажи: за этот год я изменился внешне?

— Что ты имеешь в виду? — Мэри была озадачена. — Ты стал выше ростом и шире в плечах, если об этом. Да и в любом случае в этой одежде, промокший, ты не похож на себя, тебя сегодня смог бы узнать только друг.

— Так я и думал. — Амиот, судя по всему, был очень доволен. — Он видел меня всего раз, да и то когда я ринулся к этому самому ландо, а он обезумел от страха.

Мэри поняла, что речь идет о мистере Льюорне. Она-то его, конечно, узнает, а ее муж — нет. Девочку снова охватила тревога.

— Будь осторожен, — произнесла она. — О, Амиот, будь осторожен!

— Я постучу в дверь, — сказал он, — и спрошу, не нужен ли им на обеде музыкант. У меня нет инструмента, но я могу спеть. Я скажу, что я бродячий музыкант, поссорился со своими товарищами и заблудился. Если бы я не сжег свою скрипку, это было бы правдой.

Он был совсем как Джонни, придумывая какую-то глупую игру, и совсем не похож на взрослого. То, что он собирался сделать, было опасно, но ему было все равно.

— Я тебя подожду, — ответила она, — но пожалуйста, пожалуйста, Амиот, не уходи надолго.

Он снова исчез, направившись к входу в гостиницу, а девочка прокралась в темную конюшню, к лошадям, и опустилась на солому. Было очень тихо, лишь изредка шевелились лошади, пережевывая сено, и тикали ее собственные часики. Она все сильнее беспокоилась о том, что сейчас происходит в гостинице. Мэри устала, промокла и проголодалась, но все это не имело значения. Она со страхом думала об Амиоте и об опасности, грозившей ему из-за миссис Льюорн. Именно она навлекла на него все эти беды, и если бы не эта женщина, они бы сидели сейчас, счастливые и беззаботные, в уютной гостиной Тресаддерн-Фарм.

Прошел час, а он все не возвращался. Прокравшись во двор, Мэри услышала смех и пение, доносившиеся из открытого окна кухни. Кто-то дул в рожок — да, это, наверное, рожок — звук был резкий и фальшивый. Набравшись смелости, она подобралась поближе к окну и увидела, что в самой кухне никого нет, но дверь в бар широко распахнута, и там стоит целая толпа мужчин, которые пьют и смеются. Один из них — не Амиот — поднес к губам большой медный рожок. И тут она увидела Амиота. Он был без куртки, рукава высоко закатаны, и виден был странный наручень, который он всегда носил (он сказал Джонни, что нашел его в канаве). Над головой Амиота болталось на веревочке яблоко, подвешенное к зажженной лампе, и он пытался от него откусить. Все вокруг просто валились от хохота и хлопали в ладоши. И тут Мэри вспомнила: сегодня же канун Дня всех святых, Хэллоуин. В этот день в такие игры играли и у них дома. Но веселье в «Индийской королеве» было каким-то пугающим, оно сильно отличалось от их домашнего веселья. Толпа подвыпивших, орущих мужчин, да и сам Амиот, которому волосы упали на глаза, выглядели странно и диковато. Миссис Льюорн не было видно. Там вообще не было ни одной женщины. Мэри заметила Тима Уди, кучера Льюорнов: он сидел с очень красным лицом, прислонившись к стенке; а в дальнем конце комнаты, наверное, сам хозяин «Розы и якоря», без куртки, как и Амиот, выпивал, покачиваясь у стойки.

Внезапно Амиот изловчился и ухватил зубами яблоко, и тут же раздались восторженные возгласы, а рожок сыграл еще одну резкую, фальшивую ноту.

— Ловкий парень! Он выиграл королеву! — завопил кто-то, и все столпились вокруг Амиота, хлопая его по плечу. А сам Амиот, глаза которого сияли, разломил яблоко пополам и швырнул половинку через плечо. Она угодила в хозяина «Розы и якоря», прямо ему между глаз; он вышел вперед, потрясая кулаком, пьяный в стельку. Его схватил какой-то человек, тоже в одной рубашке, который смеялся и кричал:

— Теперь ваша очередь, Льюорн, «четыре выбора»! Если выберете правильно, можете подняться наверх и присоединиться к своей спящей леди.

«Четыре выбора» — да, по обычаю в канун Дня всех святых в это тоже играли, но мама никогда им не разрешала, она считала эту игру неприличной. Нужно было поместить по одному тазу в каждый из четырех углов комнаты: один с камешками, второй — пустой, третий — наполненный чистой водой, а четвертый — с грязной водой. Кому-нибудь завязывали глаза, и он ползал на четвереньках. Тот, кто находил камешки,

как бы находил золото и должен был разбогатеть, а найти пустой таз означало закончить свои дни в бедности. Таз с чистой водой предсказывал верную супругу, а таз с грязной водой означал супружескую измену. Вот почему миссис Бозанко запрещала играть в эту игру.

Сейчас мистеру Льюворну завязали глаза и заставили встать на четвереньки, а остальные, смеясь и отпуская язвительные шуточки, сгрудились, чтобы посмотреть.

— О, пусть он выберет камешки и будет богатым, — шептала Мэри, которой невыносимо было смотреть, как унижают старика: он ползал, как животное, не зная, в какую сторону повернуть. Все вдруг умолкло: он пополз в левый угол и, добравшись до таза, окунул туда руки.

Когда хозяин «Розы и якоря», присев на корточки, сорвал с глаз повязку, грянул громовой хохот.

— Он нашел грязь! — заорали все дружно. — Он вляпался в грязь! — И снова затрубил рожок.

Когда Марк Льюворн, шатаясь, поднялся на ноги, полуслепой, с выпачканными руками, взгляд его упал прямо на Амиота, хрустевшего яблоком, и он рванулся к молодому человеку с воплем: «Это твоя работа, это ты все подстроил!» Наклонившись, хозяин «Розы и якоря» схватил таз и швырнул им в Амиота. Но таз попал в лампу, и все погрузилось во тьму.

Это был настоящий ад: ругань, хохот, звон бьющегося стекла. Мэри, услышав, что они ломятся на кухню, в ужасе выбежала со двора на улицу и дальше, на большую дорогу. Она не разбирала пути — лишь бы скрыться от пьяных выкриков.

Вынырнув из тумана, к ней приближалась лошадь, впряженная в экипаж, и Мэри рванулась туда, крича что есть мочи:

— Идите скорее и разнимите их! Они дерутся, там, в гостинице!

И тут она узнала лошадь — Капитана, и мистера Дингля, кучера, сидевшего на козлах. А человек, вышедший из кареты и обнявший ее за плечи, был не кем иным, как доктором Карфэксом, который чудесным образом совершенно неожиданно пришел ей на помощь.

ГЛАВА 29 «...Лишь зелье мне покоя не дает»

*Не море бурное меня гнетет —
Лишь зелье мне покоя не дает.*

Мистер Трежантиль, держа в руке наспех сделанный сандвич с ветчиной, как мог отвечал на вопросы доктора, прежде чем они отправились в карете из Тресаддерна в сторону «Индийской королевы»: им предстояло подниматься по крутому склону холма. Трежантиль упорно утверждал, что все шло хорошо, пока Амиот и Мэри не исчезли из церкви Сент-Колумб. Предыдущий день они провели чудесно, если не считать того, что бретонский парень решил вдруг щегольнуть знанием истории, которую явно не знал. А поскольку ему случайно удалось отыскать вход в укрепление и догадаться, где можно найти воду, он начал разыгрывать из себя главного — к счастью, недолго. Вечер прошел без всяких событий. Нет, он ничего не знал про депешу от миссис Льюворт; правда, теперь ему кажется, исходя из того, что сказала им миссис Полвил, что Амиот получил письмо. Сам он был так занят тем, чтобы ветчина не попала в котелок, что у него не осталось времени ни на что другое. Все участники экскурсии устали и потому рано удалились на покой.

— И вообще, Карфэкс, — продолжал рассерженный Трежантиль, — вы вечно делаете меня козлом отпущения, что бы ни случилось с молодым Амиотом. Это уже не в первый раз. Что же касается миссис Льюворт, то я ее, к счастью, в глаза не видел с того злополучного дня, когда мы встретили ее в Вудгейт-Пилле и вынуждены были проводить обратно через Пенквайт. — Мистер Трежантиль откусил еще кусок от сандвича с ветчиной, одновременно пытаясь снять промокшие туфли.

— Бог с ним, с Вудгейт-Пиллом, — сказал доктор, — там случилось много неприятного. Скажите лучше, отчего вы не сообщили мне, возвращая мои бумаги, что мать Бозанко была Хоэль?

— Я сделал это в сноске! — воскликнул изумленный мистер Трежантиль. — Но какое отношение это имеет к нынешней ситуации? Что тут общего?

— Ничего, — ответил доктор, — или, скорее, всё. Мы имеем дело с тем, что выходит за пределы нашего понимания, друг мой, и по этой причине не можем пренебрегать совпадениями. Вы хотите сказать, что собака — тоже случайность?

— Собака? Какая собака?

— Собака, которую юный Джонни отдал Амиоту, а Амиот — миссис Льюворн и которая носит имя — да сжалятся над нами небеса! — Пти-Крю!

Мистер Трежантиль уставился на доктора, ничего не понимая.

— Я ничего не знаю ни о какой собаке.

— Ну конечно же не знаете. — Доктор Карфэкс торопливо доел сэндвич и с раздраженным видом повернулся к дверям. — Да и я не знал до сегодняшнего дня. А если бы и знал, что я мог сделать? В любом случае, этот песик не играл никакой роли в изначальной истории — разве что несколько лет забавлял свою госпожу. В данном случае — всего несколько недель. Мы видим прошлое, глядя в телескоп не с того конца, вот в чем беда. Миссис Полвил?!

Сестра Моны влетела из кухни.

— Да, доктор. Чем могу служить, доктор?

— Не выпускайте юного Джонни из дома до нашего возвращения и не спускайте с него глаз. В такую погоду ему нечего делать на улице. Пока что до свидания. Мы с мистером Трежантилем должны отлучиться по делу.

Доктор и пациент уселись в четырехместную карету, а мистер Дингль, который, проведя ночь в Сент-Колумбе, отнюдь не изменил своего мнения об этой безумной экспедиции, улестил Капитана, чтобы тот храбро шагнул в грязь, по которой предстояло ехать.

— Должен вам сказать, Карфэкс, — снова начал мистер Трежантиль, — что вы говорите со мной загадками.

— Я это знаю, — отрезал доктор, — но вы должны это принять. Скажите, ведь существует две разные версии смерти Тристана, не так ли?

— Да, да, я так думаю, но я никак не могу понять...

— Тогда и не пытайтесь. Одна версия, поздняя, заключается в том, что он женился на дочери короля Хоэля в Бретани, был ранен в какой-то схватке и, умирая, послал за королевой, чтобы она пришла к нему, — что она и сделала, правда, прибыв слишком поздно. Как бы то ни было, смерть Тристана была ускорена ложью его жены, которая из ревности, бедняжка, заявила, что на судне, на котором плыла королева, паруса черные, а не белые — знак, что королева на борту... Черт бы побрал этот туман! — Доктор Карфэкс протер своим носовым платком окно кареты.

— Да, это так, — согласился сбитый с толку пациент, — но, разумеется, мое открытие доказывает, что это событие имело место в Корнуолле, а вовсе не в Бретани. А Готфрид Страсбургский...

— Бог с ним, с Готфридом Страсбургским, — нетерпеливо перебил его

доктор. — Согласно второй версии, менее популярной, служанка Бранжъена выдает свою госпожу королю Марку, который, столкнувшись с Тристаном, певшим для королевы, ранит его отравленным копьем и запирает Изольду в ее покоях, чтобы не дать ей последовать за возлюбленным. Тристан бежит к своему другу Динасу и умирает у него в замке. Королева, так же как в первой версии, прибывает слишком поздно и не успевает с ним проститься. В обоих случаях Тристан умирает от отравленного копья. Вопрос заключается в том... — Он умолк, потому что карета остановилась у изгороди и кучер слез с козел.

— Что случилось теперь? — спросил доктор, высовываясь из окна.

— Капитан захромал, сэр, — сообщил Дингль нарочито скорбным тоном. — Этого и следовало ожидать, учитывая состояние дороги возле фермы. А кузницы поблизости нет, и мне придется самому вытаскивать камешек — уж как умею.

Мистер Трежантиль исподтишка выуживал из кармана недоеденный сэндвич.

— Крайне неприятно! — сказал он. — Но на сей раз это не моя вина. Итак, что вы говорили, доктор?

Доктор Карфэкс, который уже вылез из кареты и вынул из кармана свой складной нож, с разъяренным видом повернулся к своему пациенту.

— Я не говорил ничего такого, — ответил он резким тоном, — что сегодня могло бы иметь для нас с вами хоть малейший смысл. К счастью, сейчас не так уж часто можно увидеть копья — отравленные или нет, — но если мы окажемся вовлеченными в трагедию, случившуюся тринадцать веков назад, то кто будет играть роль Динаса — вы или я?

И он пошел помогать кучеру, а его пациент остался, совершенно сбитый с толку.

— У меня нет никакого желания, — пробурчал себе под нос мистер Трежантиль, — играть роль Динаса или кого бы то ни было. Порой я сомневаюсь, все ли у Карфэкса в порядке с головой.

Хотя Капитан был так любезен, что стоял спокойно, оказалось, что камень извлечь довольно трудно. Когда его вынули и снова отправились в путь, время, столь драгоценное, было уже упущено. Еще несколько минут ушло на то, чтобы посоветоваться, какой дорогой лучше ехать после того, как они доберутся до вершины холма. Когда карета наконец-то свернула с окольной тропинки на большую дорогу и до «Индийской королевы» оставалось не больше четверти мили, эскулап с пациентом были уже не в лучших отношениях. И тут они увидели Мэри Бозанко, которая бежала к ним, размахивая руками и что-то крича.

Через считанные секунды доктор Карфэкс, наскоро успокоив девочку и строго-настрого наказав ей не покидать место в карете рядом с мистером Трежантилем, громко постучал палкой в дверь гостиницы и ворвался внутрь.

Перед его взором предстала картина полной неразберихи: разбитая лампа, перевернутый стол, стаканы и бутылки, разбросанные по полу, и компания развеселых мужчин, лежавших, сидевших или оседлавших стойку бара, которые совершенно обессилели от выпивки и смеха и потому были не в состоянии навести здесь порядок. При виде доктора все вдруг притихли, и один из гуляк, размахивавший над головой погнутым рожком, приблизился к нему.

— А вы кто такой, мистер Хэллоуин? — спросил он. — Еще один явился окунуть руки в грязную воду? Коли так, поднимитесь наверх и присоединитесь к той парочке — добро пожаловать!

Эту шутку приветствовали взрывами радостного смеха, но вновь прибывший, не обращая никакого внимания на пьяное веселье собравшихся, вышел на середину комнаты, пнул не подававшего признаков жизни Тима Уди, который лежал на полу, и громко объявил:

— Моя фамилия Карфэкс, я доктор из Троя. Отсюда только что выбежал насмерть перепуганный ребенок, ища защиты. Какого черта вы тут беситесь, как дикие звери?

Его обвинение было встречено молчанием — слышался только приглушенный шепот. Затем субъект с рожком, окинув взглядом комнату, сказал:

— Здесь нет никакого ребенка, да никогда и не было. Мы только немножко повеселились. Я хозяин этой гостиницы. Я умею соблюдать общественный порядок.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил доктор. — Вы только послушайте!

И действительно, в комнате наверху творилось что-то невообразимое: оттуда доносились топот и вопли, треск мебели и звон разбитого стекла.

— Черт возьми, снова начали! — воскликнул хозяин гостиницы. — Мы совершенно ни при чем, доктор! Тут сцепились двое ребят, это они выясняют отношения наверху, вот в чем дело. Пойдемте-ка, надо бы их разнять, пока не пролилась кровь. Льюорн — настоящий дьявол, если его разозлить.

— Льюорн?! — переспросил доктор и буквально взлетел вверх по лестнице. За ним по пятам следовали хозяин «Индийской королевы» и несколько собутыльников. Когда они добрались до верхней площадки

лестницы, из спальни, в которой была выломана дверь, шатаясь, появился Марк Льюорн.

— Сюда! — взревел он. — Сюда! Он выпрыгнул в окно. Надеюсь, что он сломал себе шею.

Доктор Карфэкс шагнул в комнату. Там было два окна: одно выходило на дорогу, второе — во двор, где находилась конюшня. Второе окно было разбито, и, выглянув наружу, он увидел Амиота, несущегося по направлению к конюшне.

— Остановите его кто-нибудь! — крикнул доктор. — Схватите его и держите, но будьте осторожны: он за себя не отвечает.

На лестнице снова послышался грохот: три-четыре человека скатились вниз, в бар, чтобы через кухню выбежать во двор. Но неразбериха внизу их задержала, и к тому времени, как они выбрались из дома и, спотыкаясь, направились к конюшне, Амиот, верхом на одной из лошадей Льюорна, уже выезжал во двор. Преследователи бросились врассыпную, давая ему дорогу.

— Hola!^[43] — крикнул Амиот. — En avant!^[44]

Он промчался по дороге мимо кареты и скрылся из виду. Лошадь неслась галопом как одержимая. Подвыпившие гости и хозяин «Индийской королевы», застыв от изумления, смотрели вслед всаднику.

— Le saut Tristan,^[45] — прошептал доктор Карфэкс. — Однако, как и другие кусочки головоломки, этот встает на свое место слишком поздно.

Он вернулся в комнату и взглянул на спящую фигуру на кровати. Это была Линнет. Муж стоял возле нее на коленях.

— Она может спать при таком шуме? — спросил доктор и, нагнувшись, пощупал у нее пульс, затем приподнял веки. — Ее чем-то усыпили, но чем? Вы можете ответить?

Марк Льюорн медленно поднялся на ноги. Теперь он уже достаточно протрезвел и был бледен от страха.

— Это всего лишь снотворное, чтобы она успокоилась, — ответил он. — Дебора, служанка, дала мне это — на всякий случай.

— Какого рода снотворное?

Хозяин «Розы и якоря» извлек из кармана маленький пузырек.

— Там ничего не осталось, — сказал он. — Дебора велела дать ей всё. Оно подействовало гораздо быстрее, чем я думал.

Он передал пузырек доктору, тот вынул пробку и понюхал.

— Яблочный сок, — объявил он, — или что-то похожее. — Сунув палец в пузырек, он попробовал на язык, и этот вкус сразу же напомнил

ему тот вечер год назад, когда ему и Ледрю поднесла прощальный кубок сама Линнет. Но в этом пузырьке содержалась какая-то более терпкая жидкость.

— Вы знаете, где служанка взяла это? — спросил он. — У вас в винном погребе есть подобный напиток?

Хозяин гостиницы покачал головой.

— Насколько мне известно, нет. С ней все будет хорошо, правда ведь?

Доктор Карфэкс, охваченный дурным предчувствием, посмотрел на спящую Линнет.

— Не знаю, — медленно произнес он. — Этот напиток был сильнодействующим средством, и, не зная его крепости... — Он перевел взгляд на хозяина гостиницы. — Вы помните, как год тому назад прихватило сердце у нотариуса Ледрю, под вашим кровом?

— Боже мой, но вы же не думаете...

— Говорю вам, я не знаю. Но я сильно встревожен.

Он заметил какой-то браслет на левом запястье Линнет и, дотронувшись до него, понял, что это тот самый наручень, который она нашла, когда они вдвоем укрывались от грозы во рву Замка Дор.

— Она всегда это носит? — спросил доктор.

Марк Льюорн внимательно посмотрел на наручень.

— Я никогда не видел это прежде, — ответил он. — У нее этого не было, когда я принес ее сюда. А все тот проклятый мошенник, который вломился в дверь, — он и надел. Черт возьми, я еще с ним разберусь.

Доктор Карфэкс положил руку на плечо Льюорна.

— Оставьте его, — спокойно произнес он. — Я за всё отвечаю. Он недалеко укакал: каких-нибудь несколько миль по дороге, если не ошибаюсь. Идите сюда, помогите мне завернуть ее в одеяла, и мы снесем ее вниз. Мы должны отвезти ее в больницу, а до Бодмина не меньше тринадцати миль.

Высунувшись в окно, доктор окликнул кучера, который стоял возле четырехместной кареты.

— Вам предстоит долгая поездка, Дингль, с больной женщиной в качестве пассажирки. Пожалуйста, попросите мистера Трежантиля и мисс Мэри выйти и уступить место мистеру и миссис Льюорн.

Он снова повернулся к Льюорну.

— С вашего позволения, — сказал он, — я впрягу оставшуюся лошадь в ваше ландо и поеду в нем сам. Это будет нелегко, но ничего не попишешь. На моем попечении еще два пациента, и я должен доставить их туда, где они живут. Если ваша жена проснется по пути в Бодмин, — он

сделал паузу и взглянул на наручень, охватывающий запястье Линнет, — весьма возможно, что она вас не узнает и будет звать молодого Тристана, называя его, таким образом, по фамилии. Если так случится, отнеситесь к ней с терпением, если можете, и не задавайте вопросов.

Марк Льюорн, лицо которого сморщилось от горя, вцепился в рукав доктора.

— Не оставляйте меня с ней одного, доктор, — умолял он. — Давайте поедem вместе — ну хотя бы часть пути. Вы же, конечно, не поедете сегодня вечером в Трой?

— Нет, — ответил доктор, и голос у него был как-то странно спокоен. — Мой следующий визит — всего за две мили отсюда, и, быть может, как вы и предлагаете, нам лучше ехать вместе.

Минут через десять два экипажа отъехали от «Индийской королевы», в которой теперь царило безмолвие. Карета следовала за ландо; затем, вместо того чтобы продолжить путь по дороге на Бодмин, доктор Карфэкс, ехавший впереди, вдруг свернул налево, на тропинку, которая вела к Замку ан-Динас.

ГЛАВА 30 «...Тогда умру я от любви к тебе»

*Ведь если так и не придешь ко мне,
Тогда умру я от любви к тебе.*

Доктор Карфэкс инстинктивно выбрал кратчайший маршрут. Если он рассудил верно, то эта узкая тропинка проходит мимо старого оловянного рудника, который он заметил еще утром, а дальше она доведет их до подножия Замка ан-Динас. Этот путь, должно быть, выбрал и Амиот, ускокавший как сумасшедший десять минут назад. Сейчас вряд ли имело значение, какой демон прошлого завладел парнем. Он был не призрачной фигурой, порожденной этим туманом на вересковых пустошах, а живым юношей из плоти и крови, с которым после пьяной драки могло произойти несчастье. По крайней мере, почва была твердая, так что лошади и экипажу легче было передвигаться; и дождь прекратился, только туман еще не рассеялся.

Доктор Карфэкс, сидевший на козлах, оглянулся — карета следовала за ним на расстоянии примерно в двадцать ярдов. Должно быть, Льюорн отдал приказ кучеру, предпочтя этот рискованный крюк поездке в Бодмин наедине с женой, которую опоил зельем. Одна-две мили в сторону могли стать вопросом жизни и смерти, но у Карфэкса не хватило мужества, чтобы остановиться и сказать об этом мужу Линнет и приказать ему вернуться на дорогу, ведущую в Бодмин. Разум и рассудительность не играли почти никакой роли в событиях этого дня, и вполне могло случиться так, что Линнет пробудилась бы от своего глубокого сна, а когда к ней вернулось сознание, начала бы бороться за свободу, таким образом выдав себя с головой. Где-то впереди, под покровом тумана, скакал верхом ее возлюбленный. Быть может, как только Амиота найдут и задержат, его удастся отправить обратно в Тресаддерн, поручив заботам Трежантиля и юной Мэри, а сам Карфэкс сопровождал бы Льюорна с женой все тринадцать миль до Бодмина.

Предприятие рискованное, но другого выхода из ситуации доктор не видел. Единственным врагом было время: не сгущающиеся сумерки, которые скоро окутают их, не летящие часы — но причудливое, призрачное время, которое явилось к ним из погребенного прошлого и удерживает их в плену.

Ландо уже почти покрыло вторую милю и тропинка пошла в гору, к

Замку ан-Динас, когда Мерлин, оставшаяся лошадь хозяина, тащившая экипаж, насторожилась и, остановившись, заржала. В ответ раздалось ржание из тумана впереди, и, когда доктор Карфэкс отвел ландо в сторону, высоко подняв хлыст, чтобы предупредить Дингля на козлах кареты, к ним по дороге устремился Мэрман, сосед Мерлина по стойлу. При виде своего друга он снова заржал и резко остановился. Лошадь была без всадника, ее била дрожь. В считанные секунды доктор спустился с козел и вдвоем с кучером впряг испуганное животное в ландо, рядом с его приятелем.

— Он сбросил всадника, — заметил Дингль, — и тут уж не его вина.

— Или его отпустили, — возразил доктор, — поскольку всадник добрался до конца своего пути.

Он обозрел местность по обе стороны от себя, насколько позволял туман. Возвращаясь в мыслях к утренней прогулке, он вспомнил, что тропинка, на которой они сейчас находятся, пересекается с дорогой, проходящей под Замком ан-Динас, примерно в ста ярдах от оловянного рудника. Он заметил тогда дымовую трубу и сарай, построенные на склоне слева от дороги, и сейчас, всматриваясь вперед, различил ту же самую трубу, стоявшую как гигантский часовой, только теперь она была видна с противоположной стороны. Когда доктор сидел в гостиной Тресаддерн-Фарм, поджидая возвращения экскурсантов из Сент-Колумба, он взглянул на карту Трежантиля, лежавшую на столе, и прочитал название оловянного рудника: Ройялтон. Конечно, это была современная английская форма, соответствующая Tre-Kyning, или «город правителя», а современный манор Трекеннинг находится примерно в двух милях западнее этого рудника. Однако в корнуэльском языке тоже имеется слово «ryal», и вполне могло случиться, что оловянный рудник на том месте, где несколько веков назад под крепостью на холме стоял дом правителя, носит древнее имя, напоминающее о былом величии — Ройялтон. Таким образом, если его догадка верна и дом правителя стоял когда-то ниже укрепленного замка, то разве не станет друг и брат по оружию этого самого правителя, Динаса, скрываясь после поединка, разыскивать своего друга в его доме, а не в крепости?

Вычеркните столетия, примите тот факт или фантазию, что время — во всяком случае, для Амиота и Линнет — это *тогда*, а не *сейчас*, и можно предположить, что Амиот спешит и отпустит лошадь не на холме, возле замка, а здесь, в пятидесяти ярдах от рудника Ройялтон.

Мэри, послушная приказу доктора, не высовывала нос из ландо, но теперь, когда он взглянул на нее и мистера Трежантиля, соединяя Мэрмана дышлом с его товарищем, она поняла по серьезному выражению его лица,

что он так же, как она, боится, как бы с Амиотом не случилась беда.

— Мэри, — сказал доктор озабоченным тоном, — когда вы устроили вчера пикник в замке, увидел ли Амиот этот рудник, вон там?

Мэри высунулась из ландо, теперь и она тоже различила в тумане очертания дымовой трубы.

— Я так не думаю, — ответила она. — Если и увидел, то ничего мне об этом не сказал. Он говорил только о давно минувших днях.

— О которых он, вполне естественно, почти ничего не знал, — вклинился мистер Трежантиль. — Однако у этого парня есть способность ориентироваться на местности, в этом ему не откажешь. Разумеется, я заметил рудник, но не обсуждал этого. Горное дело не было целью нашей экспедиции.

— Да, конечно, — сказал доктор. — Целью вашей экспедиции было воссоздание прошлого, и в свете последних событий можно сказать, что она успешно достигнута. Человек, живший тринадцать веков назад, видит то, что здесь было тогда, а не то, что есть сегодня. Весьма вероятно, что Амиот увидел Ройялтон, но вовсе не рудник Ройялтон.

Он отошел от ландо и направился к карете. Линнет по-прежнему лежала в той же позе, в какой он видел ее в последний раз: она спала, завернутая в одеяла, голова ее покоилась на коленях мужа. Марк Льюорн, с искаженным лицом, белый как мел, прижимал ее к себе.

— Она ни разу не шевельнулась, доктор, — сказал он. — Ей хуже?

Доктор Карфэкс пощупал пульс своей пациентки и, опустившись в карете на колени, приложил ухо к ее сердцу.

— Никаких изменений, — сообщил он. — Согревайте ее, как вы делаете это сейчас, и, надеюсь, в скором времени мы будем следовать в Бодмин втроем.

— Полагаю, вы не намерены терять время, разыскивая того негодяя? — спросил хозяин гостиницы. — Пусть он сломает себе шею, пусть делает все что угодно — я не затаю на него злобу, если мы сможем доставить Линнет в больницу.

— Наберитесь терпения, — ответил доктор. — Если в течение пяти минут я не увижу никаких его следов, мы двинемся в путь, предоставив заниматься его поисками Трежантилю и кучеру.

Оставив два экипажа и лошадей под присмотром Дингля, доктор Карфэкс медленно двинулся по тропинке, ища следы копыт. И он нашел их, как и предполагал: они уводили от дороги к проходу в живой изгороди и дальше, к перерытой площадке за шахтой. Перед ним вырисовывалась дымовая труба, черная, угрожающая, и низкие крыши сараев, крытых

шифером.

Не слышно было ни звука. Даже если на руднике и велись еще какие-то работы, то с утра все отсюда уже ушли. В этот субботний вечер, в канун Дня всех святых, здесь не осталось даже сторожа. Быть может, люди, работавшие на этом руднике, были среди тех, кто сегодня выпивал в «Индийской королеве». Здесь всадник спрыгнул с лошади и проник на территорию шахты, пробираясь через груды земли и мусора. Что он искал и что — страшно подумать! — нашел?

Когда-то по этой земле расхаживал Динас, друг Изольды и Тристана, сенешаль короля Марка. Возможно, его дом стоял там, где сейчас находятся сараи, или там, где машинное отделение, над которым возвышается дымовая труба. Рядом с этим местом несколько веков назад хлопотали слуги сенешаля. Окруженная сгнившей изгородью заброшенная шахта, видневшаяся среди дрока, в нескольких ярдах от доктора, могла показаться путешественнику во времени, хорошо знающему дорогу, входом, за которым должна быть лестница.

Отпечатки копыт исчезли, земля была истоптана, словно лошадь испугалась и сбежала, а среди дрока — по-видимому, совсем недавно — была протоптана тропинка, ведущая прямо к шахте. Как оказалось, ограждение вовсе не сгнило — столбы наклонились в сторону от удара.

— Амиот! — позвал доктор Карфэкс. — Амиот!

Эхо издевалось над ним, отражаясь от пустых сараев, и из-за тумана и темноты дымовая труба казалась еще больше. Доктору, стоявшему возле черной ямы, которая, возможно, десяток лет тому назад служила стволом шахты, показалось, что он очутился на пороге другого мира, и это было странное и жутковатое чувство. Что бы он в этот момент ни сказал и ни сделал, все будет лишь повторением былого, и тот, кто прислушивается сейчас в темноте к его голосу, слышит голос другого человека, который умер тринадцать столетий назад.

— Тристан! — позвал он. — Тристан! — Это имя прозвучало не нелепо, а зловеще, потому что эхо не было резким, как после его первого возгласа. Теперь в нем была какая-то печальная, пронзительная нота, это был почти шепот, чуть громче вздоха.

Сжав в руках свою палку и затаив дыхание от удивления, доктор Карфэкс наблюдал, как из ямы медленно поднимается фигура, перебирая руками — то соскальзывая, то замирая. Голова и плечи были выпачканы в черной грязи, лицо окровавлено, а взгляд пристальный, безумный — это были глаза Амиота.

— Кто меня зовет?

Голос, приглушенный рыданием, был слабый и прерывистый, и доктор, зная, что из-за внезапного движения или одного неверного шага Амиот может полететь обратно, в неведомые глубины, из которых он пытался выбраться, застыл на месте, за изгородью, по колено в дроке.

— Это я, Динас, — ответил он тихо. — Динас, твой друг.

Юноша всматривался в него, не узнавая, одной рукой вцепившись в твердую землю у края ямы, а второй откидывая спутанные волосы, которые упали на глаза.

— Ты меня предал, — сказал Амиот, — ты или кто-то другой. Лестница исчезла. Они вырыли яму, чтобы я попал в ловушку, и мне не выбраться.

Доктор, подавшись вперед, увидел, что левая нога юноши запуталась в проволоке, и если он наклонится, чтобы ее освободить, то полетит вниз.

— Спокойно, — велел доктор. — Крепко держись обеими руками. Я подойду и освобожу тебя.

Но когда он двинулся к краю ямы, Амиот закричал:

— Назад! Я тебе не доверяю. Сегодня ночью лис выходит из норы со всеми своими людьми. Динас служит сначала королю, а уж потом — другу.

Внезапно, сделав неимоверное усилие, он высвободил ногу из проволоки и, держась за край ямы, выбрался на безопасное место.

— Молодец, — похвалил доктор. — Вот, хватайся за мою палку. — Но его прыжок вперед во времени оказался гибельным: Амиот, сочтя этот жест враждебным, а палку — оружием, отпрыгнул в сторону и в следующую секунду набросился на своего ничего не подозревающего союзника. Повалившись на дрок, они боролись в каких-нибудь трех ярдах от открытого ствола шахты, и Карфэкс, над которым прошлое уже утратило свою власть, сознавал, что если он не одолеет противника, то ему грозит смерть в настоящем.

Амиот, в слепой ярости и испуге от того, что его предали, выхватил у доктора из кармана складной нож и, открыв его, нацелил ему в горло. Но тут Карфэкс, отведя руку, угрожавшую ему, швырнул противника на бок, по несчастливой случайности вогнав тому нож в плечо. Хлынула кровь, и когда Амиот вскрикнул от боли, его гнев и страх испарились. Он перестал бороться и затих. Вынув нож из раны, он с изумлением взглянул на своего недавнего врага.

— Доктор Карфэкс, — сказал он, — что вы со мной сделали?

Доктор не отвечал. Сбросив пальто и куртку, он снял с себя батистовую рубашку и начал рвать ее на полосы, чтобы перевязать рану Амиота.

— Ну, ну, парень, — успокаивал он Амиота, — не двигайся, я тебя перебинтую наскоро, но этого будет достаточно. — Голос его был спокойным и ровным, а ведь каких-нибудь три минуты назад, когда он боролся за свою жизнь, этот голос чуть не умолк навеки. Но пока он говорил эти слова, уверенно накладывая повязку из того, что было под рукой — чистый носовой платок и разодранная на полосы батистовая рубашка, — темное пятно расплылось по всему предплечью, и Амиот потерял сознание.

Когда доктор Карфэкс, стоя на коленях возле заброшенной шахты, кричал что есть мочи, призывая кучера Дингля и своего пациента Трежантиля, чтобы они помогли отнести молодого Амиота в ландо (поскольку теперь нужно было доставить в больницу в Бодмине уже не одного, а двух пациентов), он совершенно не думал о том, что сам только что был на волосок от смерти. Он смотрел на юношу, который безвольно лежал у него на руках, белый как полотно, а из его случайной раны беспрестанно сочилась кровь. Доктора беспокоила вовсе не глубина раны и не большая потеря крови — ее будет не избежать, пока повязку не наложат как следует, — нет, его беспокоило то, что именно его собственный складной нож, которым час назад вынимали камешек из копыта лошади, выпачканного в грязи и песке, вонзился в нежное тело Амиота Тристана, по иронии судьбы сыграв роль рокового отравленного копья, которое осталось в далеком прошлом.

Туман рассеялся. Округа, которую он так долго скрывал, была теперь хорошо видна — осталась лишь естественная завеса темноты. Легкий ветерок, пришедший с севера, рассеивал последние облака и очищал небо. Вдали вилась тропинка, ведущая к Замку ан-Динас. Мистер Трежантиль, прежде чем направиться к Тресаддерну, чтобы составить компанию Джонни, предсказал прекрасную погоду на завтра.

Когда он отбыл, доктор Карфэкс опустился на колени в карете и пощупал пульс Линнет. На ее запястье звякнул наручень.

— Она не шевелилась? — спросил он.

— Нет, доктор. Один раз мне показалось, что у нее дрогнули губы — больше ничего. Это когда вы были там, у шахты.

Марк Льюорн, прижимая к себе жену, заглядывал в глаза доктору.

— Они смогут ее разбудить, не правда ли, когда мы доберемся до больницы? У них есть лекарства и все такое, ведь так, доктор?

Карфэкс осторожно поправил одеяло на спящей Линнет, и у него как-то странно сжалось сердце при воспоминании о том дне, двадцать лет

назад, когда он шлепнул новорожденную, вдохнув в нее жизнь, и она издала свой первый крик. В те минуты она неохотно приветствовала мир, но с каким пылом и восторгом хваталась за жизнь позже — смело, безрассудно, даже рискнув вступить в брак с этим человеком, который годится ей в отцы. Если бы только она закричала сейчас и прерывисто вздохнула от удивления и боли, как в то утро, когда появилась на свет в Замке Дор, и доказала бы таким образом свое желание жить...

— Все, что в силах медицины, в больнице будет для нее сделано, — сказал доктор. — Я не могу обещать большего. Если бы я знал, что именно содержал этот напиток, то мог бы как-то судить...

— Что касается этого, — медленно произнес Льюорн, — то, если она не проснется и не скажет нам сама, это навсегда останется тайной. Дебора наполнила пузырек из какой-то бутылки, которую затем разбила, сказав, что вылила все до последней капли.

— И вы ей позволили?

— А что мне было делать?! — воскликнул измученный хозяин гостиницы. — Она поклялась, что это какой-то старый рецепт, совершенно безвредный.

— Совершенно безвредный — и тем не менее это же зелье убило во сне старика.

Карфэкс знаком показал кучеру, чтобы тот занял свое место на козлах, а сам направился к ландо. Амиот, уже пришедший в себя, улыбнулся ему.

— Повязка держится, — сообщил он. — Мэри говорит, что вы хотите отвезти меня в больницу, но в этом нет необходимости.

— Позволь мне самому судить об этом, — ответил доктор. — Мэри составит тебе компанию, а через два часа мы будем в Бодмине.

— Чего я не понимаю, — нахмурился Амиот, — так это как мы оказались там, на вересковой пустоши, и подрались. Я никогда не прикасаюсь к крепким напиткам, но боюсь, что на этот раз позволил себе лишнее.

— Неважно, коли и так, — всё уже позади.

Доктор перевел взгляд на Мэри: юная сиделка едва заметно кивнула, догадавшись, что он имел в виду. Если Амиот забыл о событиях последних часов, тем лучше. Доктор Карфэкс снова забрался на свое сиденье и взял в руки вожжи. Амиот даже не спросил, как оказался в ландо Марка Льюорна. Значит, недавнее прошлое милосердно стерто из его памяти. Юноша больше не был путешественником во времени, независимо от своей воли попавшим в плен к прошлому, — это был простой бретонский моряк, раненный в результате несчастного случая. Не было ни ссоры, ни драки. И

закон больше не будет его преследовать. Его последним врагом будет не Марк Льюорн, это вообще будет не человеческое существо. Придется вступить в бой с невидимым врагом, до сих пор непобедимым, — как это сделал много веков назад Тристан и потерпел поражение. И в эту минуту враг тысячекратно множился, курсируя в крови, грозный, несокрушимый.

Мэри, аккуратно подоткнув плед, чтобы ее подопечный не простудился, заметила, что он снова закрыл глаза. Но вскоре Амиот заговорил, и голос его доносился как будто издалека:

— Мы с ней когда-то давным-давно договорились — она и я. Она поклялась, что если будет мне нужна, то явится по первому зову.

Мэри молчала. Амиот не должен знать, что миссис Льюорн, заболевшую в «Индийской королеве», сейчас тоже везут в больницу.

— Я надел ей свой наручень, когда она спала, — продолжал Амиот. — Когда она проснется, то узнает его, и, как бы ей ни пытались помешать, она последует за мной.

Итак, постепенно память к нему возвращалась, а это могло повредить ему, поэтому Мэри решила быть очень осмотрительной.

— Ты грезишь, Амиот, — сказала она. — Миссис Льюорн спокойно спит в своей постели и даже не знает, что с тобой приключилось несчастье.

Он открыл глаза.

— Клянусь, я слышал, как она только что меня позвала.

Мэри похлопала его по колену и снисходительно улыбнулась.

— Это все твоя фантазия, — сказала она. — Не надо волноваться, успокойся и отдохни.

Ей показалось, что он напряженно вслушивается в какие-то звуки, и она не ошиблась.

— Мы не одни на дороге, — предположил он. — Кто-то едет за нами — я слышу стук колес. Кто там, Мэри?

Опасаясь, что он высунется в окно и растревожит свою рану, Мэри мягко взяла его за руку и устроила поудобнее на подушках.

— Какие-то незнакомцы, — ответила она. — В экипаже полно народу, они направляются из Труро в Бодмин, как и мы. Наверное, заблудились в тумане.

— Ты уверена, Мэри?

— Конечно. У них четырехместная карета, похожая на экипаж мистера Трежантия, но только черного цвета.

Она продолжала держать его за руку, веря всем своим юным сердцем, что поскольку это приносит ей утешение, то должно придать сил и ему, и не знала, что надежда, которая вспыхнула на какой-то миг, когда он

заслышал стук колес экипажа, ехавшего за ними, сейчас угасает, как и его жизнь. Ложь, изреченная ради того, чтобы уберечь его от беды, не достигла своей цели.

Вскоре он прошептал несколько слов по-французски, и она поняла, что в своих грезах он снова в Бретани — смотрит, как белые волны разбиваются о крутой берег.

— Dieu vous garde, — прошептал он. — Je ne vous verrai plus.^[46]

ЭПИЛОГ

Один местный поэт — уроженец Троя, умерший молодым, — оставил рукопись незавершенной поэмы. Начинается она бравурно:

На западе, где Додмэн, узкий мыс,
Есть Гавань; там есть Крест на берегу,
И Крепость — на другом; и дважды в день
Прилив волнуется, а вместе с ним —
И сердце у меня в груди; домой
Они стремятся, в милый городок,
Старинный, серый, небольшой совсем,
Где стены сада увивает плющ
И волны плещутся о черный мол,
На якоре качая корабли.
А дальше — девственный, блаженный край,
Где отмели песчаные прилив
Вмиг затопляет, низко над водой
Деревья клонят ветви, цапля вдруг
Испуганно взлетает; в летний зной
Жнецы замрут высоко на холме,
На шхуну засмотревшись, что пришла,
Как призрак сумрачный, из-за морей.
Ах, любящий Господь!
Даруй в конце, чтоб тихо я угас
Под шепот волн, что бьются о корму
Той барки, что несет меня домой,
Где золото пшеницы на холмах,
Где звезды яркие; ангелы там ждут
С простыми лицами моей родни.

По таким спокойным волнам прилива доктор Карфэкс, которому было теперь восемьдесят с лишним лет, уже более не практикующий, плыл в своей гичке «Левкой» к земельному участку, который он арендовал под сад и назвал «Ферма», хотя никакой фермы там не было. Почти каждый день он проводил там время с двух до четырех часов пополудни, занимаясь

физическим упражнением, подходившим ему больше всего: распиливал поленья для камина в своей библиотеке.

Здесь, отделенный водной гладью и от более прозаических удовольствий (книга и тапочки), и от гастрономических радостей — несмотря на возраст, он по-прежнему был гурманом, — и от неиссякающего потока посетителей, большинство которых составляли его бывшие пациенты, зимой и летом в силу привычки стучавшиеся в дверь врачебного кабинета и встречавшие радушный прием, доктор Карфэкс предавался тому блаженному одиночеству и покою, которые теперь более, чем когда бы то ни было, казались источником самой жизни.

У него было два друга: малиновка, которая блестящими глазками наблюдала, как он трудится, и поклевывала опилки, и черепаха, игнорировавшая доктора и предпочитавшая ползать в поисках пропитания по капустной грядке, находившейся неподалеку.

Приятный звук пилы и ритмичные движения вызывали у доктора Карфэкса ощущение благополучия, распространявшееся по всей нервной системе. Несомненно, именно так и должен жить человек: пользоваться плодами земли, древесиной, всем, что произрастает из почвы, а также дарами моря; и даже самими временами года — дождливыми, теплыми и прохладными, — которые питают все живые существа, от величайшего гения до ничтожнейшей личинки.

Черепаха Томми и сама была недюжинным философом: когда наступала зима, она пряталась в теплое местечко, пока вдруг однажды весенним днем, когда на склоне холмов уже давным-давно расцвели первые бледно-желтые нарциссы, не выглядывала из своей уютной норки, с важным видом созерцая своего более выносливого друга — малиновку, которая изливала из своего маленького сердечка благодарность за то, что снова выглянуло солнышко.

Именно беспокойство сделало человека угрюмым и отняло у него рай — не запретный плод, который отведали Адам и Ева, не огонь, похищенный с небес Прометеем, но борьба за то, чтобы казаться значительным в глазах своих собратьев: купля, продажа, строительство, снос зданий, разорение сельской местности во имя прогресса, изобретение машин, которые, согласно своей природе, должны будут превратить в машины самих изобретателей. Как много изменений за последние годы! Больше судов, больше причалов, железная дорога, проведенная вдоль берега реки от Лостуитъеля через Сент-Семпсон (по ней перевозили полезные ископаемые), а в довершение всего — кризис, и теперь многие корнуэльцы пакут чемоданы и отправляются искать счастья за морем.

Конечно, торговля восстанавливается. Кризис пройдет. И когда-нибудь — доктора Карфэкса тогда уже не будет на свете — Трой станет процветающим промышленным ульем, понастроят новые дома — до самого холма с замком. Прогресс?.. Быть может. Лишь к одной вещи доктор действительно относился с уважением — к прогрессу в медицине. Сегодня юноша, которого он обучил и который скоро начнет практиковать в Трое, знает столько о микробах и о том, как с ними бороться, что ему, Карфэксу, это и во сне не могло присниться. Какими качествами должен обладать хороший врач? Понимание человеческой природы — да; способность быстро принимать решения — да; и кроме того — богатое воображение. У молодого Джонни Бозанко есть все эти качества, особенно последнее. Короли и королевы его юности не обманули его. Детские мечты и поразительная восприимчивость помогли ему в более зрелые годы мыслить глубоко. Молодой Джонни далеко пойдет: он будет врачевать и тело, и душу. А Мэри, руководимая тем же желанием утишить боль, как старшая сестра проложила дорогу, в семнадцать лет став сиделкой. Теперь она сестра в одной из крупных лондонских больниц и, если не выскочит замуж, будет скоро старшей сестрой.

Любопытно, что эти двое детей посвятили себя одному делу: спасти жизнь и продлевать ее. Родители очень ими гордятся, хотя Габриель Бозанко и остался без помощника на ферме, который мог бы продолжить его дело. Порой, сидя за стаканом вина со своим бывшим пациентом Трежантилем, который, в конце концов уверившись, что комнаты Пенквайта, выходящие на север, вредны для его печени, построил себе прекрасный дом с видом на залив Сент-Остелл, доктор обсуждает с ним карьеру их протеже, считая, что свое призвание они ощутили тогда, когда были потрясены впервые увиденной ими смертью.

Старики забывают. Мистер Трежантиль, который, захлебываясь, говорит о своем новом увлечении — астрономии — и о том, что свет от звезды проходит расстояние во много миллионов миль, теперь утратил интерес к легендам и этимологии, и даже к своим собственным предкам, которые все еще покоятся, так и не обнаруженные им, где-то под холмами Пайдер. Но доктор Карфэкс — курит ли он трубку после обеда, листает ли книги и газеты или в великой безмятежности пилит поленья на своем холме, с которого видна гавань Троя, — порой чувствует, что подошел ближе, чем когда бы то ни было, к разгадке тайны юноши и девушки, которых любовь захватила врасплох и сделала единым целым.

Сначала менестрели, а потом и поэты один за другим пытались объяснить причины возникновения любви, но все они потерпели неудачу. А

любовь благодаря их неудачам возносится все выше, ибо они лишь доказывают, что ее великую силу не выразить словами.

Взращенный на этой почве, где его юные глаза любовались этим же пейзажем, он не смог оставаться безучастным свидетелем повторения одной из самых печальных историй любви в мире. Его собственные корни сделали его участником. Быть может, и не очень толковым — хотя это, пожалуй, не совсем так. Радость и боль любви, однажды разлившиеся в воздухе, расцвели, чтобы снова увянуть, как цветы, оставив на всем живом непреходящий след.

И поэтому мальчик теперь исцеляет больных. И поэтому девочка приносит утешение страждущим. А сам он, старик, который скоро уйдет навсегда, возносит вечную благодарность за то покаяние, что захлестнуло его, как прилив, несколько лет назад, когда несчастный Амиот, рана которого была смертельной, засмеялся, а умирающая Линнет пошевелилась во сне и улыбнулась.

---

notes

Примечания

Стихотворение английского поэта Джона Мильтона (1608–1674), посвященное его другу, утонувшему в 1637 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Пятиактная трагедия, написанная английским поэтом Перси Биши Шелли (1792–1822) в 1819 г. В ней автор философски осмысляет проблемы тирании и свободы.

Якобы (франц.).

4

Что? (франц.)

Ах, сударыни, это хозяин! (*франц.*)

Маленькая свинья! Ни одной связки не продано! Ну погоди же!
(франц.)

Стой! Довольно! (*франц.*)

А? Каково? (*франц.*)

Между прочим (*франц.*).

Ну же! (*франц.*)

Джентри — среднее и мелкопоместное дворянство в Англии.

В яблочко! (франц.)

Лето — в греческой мифологии дочь титанов Коя и Фебы, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду. Остров Делос приютил богиню, став священнейшим из островов; там Лето и родила своих детей.

Из французского фонда Национальной библиотеки, начало и конец поэмы утрачены (франц.).

Вернемся к нашим баранам (*франц.*).

Манор — феодальное поместье в средневековой Англии; ныне в Великобритании — особняк или главный дом поместья.

Между прочим (*франц.*).

Цитата из стихотворения английского поэта У. Вордсворта (1770–1850)
«Одинокая жница».

На закуску (*франц.*).

Предположение основано на сходстве звучания названия Deraine Lake (англ.) и словосочетания lac de reine (франц.) — озеро королевы.

Не будите меня, ради бога! Ах нет, господин! Я прихожу из рая...
(франц.)

Боже мой! (*франц.*)

Вполголоса (*итал.*).

Войдите! (франц.)

Живительный напиток (*франц.*).

«*Книга судного дня*» — кадастровая книга, земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1085–1086 гг.

История, рассказ (франц.).

Ле (франц.) — небольшая лирическая или эпическая поэма в стихах.

Догадки (франц.).

Здесь лежит Дростан, сын Куномора (*лат.*).

Веселый; сильный, крепкий (*франц.*).

Печальный (*лат.*).

Проспер — в англ. языке имя, а также глагол «процветать» (*prosper*).

Изода моя веселая, Изода, моя подружка, / В тебе моя смерть, в тебе
моя жизнь (*франц.*).

Не плачьте больше, моя девица, / Тру-ла-ла, Тирели! / Не плачьте, моя девица, / Мы выдадим вас за богатого. / Мы выдадим вас за богатого, / Тру-ла-ла, Тирели! / За оптового торговца луком / По шесть лиардов за четверть фунта (*франц.*).

Диана — в римской мифологии богиня, олицетворявшая луну.

Шекспир У. Юлий Цезарь. Акт 4, сцена 3. Пер. М. Зенкевича.

Бац! (франц.)

Вот как! (*франц.*)

В Ночь Гая Фокса празднуют раскрытие Порохового заговора (1605) — предпринятой католиками попытки убить короля Якова I, взорвав здание парламента. В эту ночь устраивают фейерверки и жгут на кострах чучела Гая Фокса (руководителя заговора).

У. Шекспир. Сонет 31.

Попутчик (*франц.*).

Эй! (франц.)

Вперед! (*франц.*)

Прыжок Тристана (*франц.*). Имеется в виду знаменитый прыжок Тристана из окна часовни, стоявшей на скале.

Храни вас Бог. Я вас больше не увижу (*франц.*).